

ISSN 1996-0522

СОЦІУМ
И
ВЛАСТЬ

№ 1 2021

Учредитель
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель
Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора
доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии
доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии
доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления
доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии
доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права
кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры
доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории
доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты
доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь
кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 26.03.2021 г.
Формат 70×108 1/16
Усл. п. л. 12,6. Тираж 500 экз.
Заказ № 46/113.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

ВЛАСТЬ

Павроз Александр Васильевич
Противоречия восприятия коррупции
населением России и ее презентации
в официальном дискурсе 7

Кирчанов Максим Валерьевич
Критика грузинскими интеллектуалами
политических элит
во второй половине 2010-х гг. 22

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Коротина Наталья Юрьевна
Институциональное оформление
отношений экономического
федерализма 32

**Плетнёв Дмитрий Александрович,
Басырова Дина Маратовна**
Влияние университетской науки
на развитие регионов России 41

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растроха* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
 С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
 Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
 В. Г. Ледаев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
 В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
 Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
 А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 А. В. Павроз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
 А. В. Понделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
 О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
 А. Ю. Сунгуров — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
 А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
 С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
 А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артимова — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
 Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
 И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
 С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
 Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

**Забелина Ирина Александровна,
Парфенова Ксения Владимировна**
 Механизмы ускоренного
 экономического роста
 регионов Дальнего Востока 60

**Артемова Ольга Васильевна,
Савченко Анастасия Николаевна,
Ужегов Артем Олегович**
 Качество жизни в российских
 мегаполисах: поиск возможностей
 городского развития 76

**Лукин Анатолий Николаевич,
Воропанов Виталий Александрович,
Орлов Павел Алексеевич
Яцун Андрей Николаевич**
 Использование ключевых
 показателей результативности
 деятельности кадров
 на государственной и муниципальной
 службе 90

КУЛЬТУРА

Мальцев Ярослав Владимирович
 Этика Ю. М. Федорова как часть
 тюменской этико-философской
 исследовательской традиции 103

Шалагина Гульнара Эдуардовна
 Внеинституциональная гуманистика,
 философская практика,
 неформальное образование:
 контуры образовательной
 креативной индустрии 116

Доронина Светлана Геннадиевна
 Философское исследование
 феномена детства: проблемы
 и перспективы 127

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 144.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Актуальные проблемы
противодействия коррупции
в современной России..... 138

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012

Issued by Russian Surveillance Service

for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 26.03.2021.

Format 70×108 1/16

Reference sheet area 12,6. Issues — 500.

Order № 46/113.

Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

POWER

Alexander V. Pavroz

Contradictions in perceiving
 corruption by Russia’s population
 and its presentation in the official
 discourse 7

Maksim V. Kirchanov

The intellectual community
 as a critic of political elites:
 Georgian experience of the second half
 of the 2010s 22

**ECONOMICS
 AND MANAGEMENT**

Natalya Yu. Korotina

Institutionalism of economic
 federalism relations 32

**Dmitry A. Pletnev,
 Dina M. Basyrova**

The influence of university science
 on the Russian regions’ development 41

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkestone, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Petersburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Uppsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Irina A. Zabelina,

Ksenia V. Parfenova

Development of the Far East
regions: mechanisms of accelerate
economic growth.....60

Olga V. Artemova,

Anastasia N. Savchenko,

Artem O. Uzhegov

Quality of life in Russian megacities:
searching for urban
development opportunities.....76

Anatoly N. Lukin,

Vitaly A. Voropanov,

Pavel A. Orlov,

Andrey N. Yatsun

Using personnel key performance
indicators in state
and municipal service 90

CULTURE

Yaroslav V. Maltsev

Yu.M. Fedorov's ethics as part
of the Tyumen ethical
and philosophical research tradition
(in the context of modern times).....103

Gulnara E. Shalagina

Non-institutional humanities,
philosophical practice, informal
education: the contours
of the educational creative industry 116

Svetlana G. Doronina

Studying the phenomenon
of childhood philosophically:
problems and prospects.....127

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 144.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

SCIENTIFIC LIFE

Topical issues of corruption control
in modern Russia..... 138

Для цитирования: Павроз А. В. Противоречия восприятия коррупции населением России и ее презентации в официальном дискурсе // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 7—21. DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-07-21.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-07-21

УДК 323.2

ПРОТИВОРЕЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ И ЕЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Павроз Александр Васильевич,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
профессор кафедры российской политики,
доктор политических наук.
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9.
E-mail: Sash79@rambler.ru

Аннотация

Введение. Проблема коррупции продолжает оставаться актуальной в России. Для эффективного противодействия коррупции требуются дополнительные исследования. Особенно актуальным в этой связи является изучение коррупции в контексте общих вопросов современной российской политики.

Цель. Статья нацелена на раскрытие противоречий, связанных с восприятием коррупции населением России и представлением коррупции в официальном дискурсе.

Методы. Анализ статистических данных. Анализ результатов опросов общественного мнения. Дискурс-анализ.

Научная новизна исследования. В статье демонстрируется несоответствие между представлениями граждан о коррупции и их установками относительно власти и политического режима. Автор показывает непоследовательность официально дискурса о коррупции в России.

Результаты. В статье раскрываются особенности восприятия коррупции населением России. Представление граждан о коррупции соотносится с их установками относительно власти и политического режима. Автор показывает ключевые черты изображения коррупции в официальном дискурсе.

Выводы. Широко распространенные представления о высоком уровне коррупции не сильно влияют на уровень общественной поддержки российского политического режима. В массовом сознании нет понимания связи между коррупцией, неэффективной экономикой и низким уровнем жизни населения. Коррупция не является значимым фактором протестных настроений, хотя многие причины социального недовольства так или иначе связаны с коррупцией. Отражения коррупции в официальном дискурсе отличаются неполнотой и внутренней противоречивостью. Провозглашаемые в официальном дискурсе подходы к борьбе с коррупцией не в полной мере реализуются в проводимой антикоррупционной политике.

Ключевые понятия:

коррупция,
общественное мнение,
официальный дискурс,
политический режим,
Россия.

Введение

Коррупция является неотъемлемой частью российской жизни на протяжении многих веков. Актуальна эта проблема и в наши дни. Однако коррупция в современной России имеет несомненное своеобразие. Это своеобразие во многом обусловлено особенностями сложившегося в XXI политического режима. Вместе с тем вопросы коррупции не так часто рассматриваются в контексте общей проблематики современной российской политики.

Российская коррупция, несмотря на объективную сложность ее исследования, получила серьезное освещение в научной литературе. Прежде всего, следует отметить ряд превосходных работ, в которых раскрываются исторические, социо-культурные и политические предпосылки коррупции в России [См.: 3; 10; 24; 25; 36; 46; 59]. Имеются исследования, которые дают хорошее общее представление о коррупции в современной России [См.: 6; 29; 39; 45; 56]. Подробно изучаются отдельные аспекты коррупционных отношений в России [См., напр.: 12; 17; 19; 38; 44; 50; 55]. К тому же есть огромное число работ рассматривающих проблемы коррупции в России в контексте юридических вопросов [См.: 14; 20; 21; 30; 31 и мн. др.] и антикоррупционной политики [См.: 2; 5; 9; 26 и мн. др.]. Вместе с тем имеется не так много исследований, в которых коррупция анализировалась бы в связи с общими вопросами существования и функционирования современного российского политического режима [См., напр.: 1; 41; 61]. Подобная проблематика не достаточно хорошо изучена и требует дополнительных и систематических исследований.

В настоящей статье раскрываются противоречия, связанные с восприятием коррупции населением России и представлением коррупции в официальном дискурсе. Автор анализирует результаты социологических опросов посвященных различным аспектам коррупции в России. В статье сопоставляются воззрения граждан на коррупцию с их установками относительно власти и политического режима. Автор приходит к выводу, что всеобщие представления о высоком уровне коррупции не сильно влияют на динамику общественной поддержки политического режима. Россияне очень озабочены своим материальным положением, однако в массовом сознании нет понимания связи между коррупцией, неэффективной экономикой и низким уровнем жизни населения. Коррупция не является первосте-

пенным фактором протестных настроений в России, хотя многие причины социальных неудовольствий граждан так или иначе связаны с коррупцией. В статье исследуется официальный дискурс о коррупции в России на основе анализа высказываний о коррупции президентов Российской Федерации с 2000 года по настоящее время. Автор приходит к выводу, что для официального дискурса не характерно замалчивание проблем с коррупцией, однако признание высокого уровня коррупции сочетается с оговорками о том, что эта проблема присуща и многим другим странам. Оппозиционный дискурс о коррупции отрицается или замалчивается. Коррупция интерпретируется как застарелая социальная проблема и связывается с деятельностью низовых звеньев бюрократического аппарата. Обозначаемые в официальном дискурсе причины коррупции и стратегии борьбы с ней являются адекватными, однако в реальной антикоррупционной политике превалируют узкоспециализированные меры борьбы с коррупцией, в то время как преодоление коррупции невозможно без системных реформ, направленных на последовательное совершенствование общественно-политического устройства.

Масштаб проблемы

Россия традиционно считается страной с очень высоким уровнем коррупции [См.: 4; 11; 13 и др.]. Данное суждение трудно однозначно верифицировать. Коррупция представляет собой скрытый вид деятельности. Она принимает самые разнообразные формы: взяточничество, присвоение государственного имущества, злоупотребление должностными полномочиями, клиентелизм, nepotизм и мн. др. [См.: 8; 42 и др.]. Коррупцию сложно измерить и оценить [См.: 28; 33; 43]. Вместе с тем имеется большое количество эмпирических исследований, подтверждающих высокий уровень коррупции в России. Наиболее значимые данные по этому вопросу представляют международные исследовательские проекты, в рамках которых осуществляется сопоставимый по методологии мониторинг коррупции по большому числу стран.

Трансперенси Интернешнл (Transparency International)¹ является самой авторитетной организацией по глобальному исследованию коррупции. Эта организация ежегодно составляет основанный на экспертных мнениях

¹ См.: Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en> (дата обращения: 19.01.2021).

Индекс восприятия коррупции (the Corruption Perceptions Index). Данный индекс измеряет уровень восприятия коррупции в публичном секторе и ранжирует страны по шкале от 0 до 100, где 0 баллов означает очень высокий уровень коррупции, а 100 баллов, что коррупция практически отсутствует¹.

В 2020 году Трансперенси Интернешнл оценила уровень российской коррупции в 30 баллов. Россия заняла в рейтинге 129 позицию из 180 возможных. Схожие позиции занимают такие страны, как Азербайджан, Габон, Малави и Мали. За все время, в течение которого Трансперенси Интернешнл проводила соответствующие исследования, Россия почти всегда занимала места среди 30 % наиболее коррумпированных стран: в 1997 году — 49 место из 52 позиций; в 1999 году — 82 место из 99 позиций; в 2001 году — 79 место из 91 позиции; в 2003 году — 86 место из 133 позиций; в 2005 году 126 место из 159 позиций; в 2007 году — 143 место из 180 позиций; в 2009 году — 146 место из 180 позиций; в 2011 году — 143 место из 183 позиций; в 2013 году — 127 место из 177 позиций; в 2015 году — 119 место из 168 позиций; в 2017 году — 135 место из 180 позиций; в 2019 году — 137 место из 180 позиций².

Индикаторы качества государственного управления (The Worldwide Governance Indicators) представляют собой исследовательский проект, осуществляемый при финансовой поддержке Всемирного банка, в рамках которого изучаются и оцениваются различные аспекты государственного управления в более чем двухстах странах и территориях. Для измерения берется шесть показателей, в том числе и противодействие коррупции (Control of Corruption). Этот показатель отражает представления о степени, в которой государственная власть используется в корыстных целях, как в крупных, так и в малых формах коррупции, а также «захват» государства элитой и частными интересами. Оценка показателей принимает значение от -2,5 до +2,5 баллов, где большее значение свидетельствует о лучшем качестве государственного управления. Помимо этого каждой стране по каждому показателю присваивается процентильный ранг в диапазоне от 0 до 100, где 0 означает самое низкое, а 100 — самое высокое место в рейтинге³.

¹ Transparency International. Corruption Perceptions Index. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi> (дата обращения: 28.01.2021).

² Ibid.

³ Worldwide Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi> (дата обращения: 15.12.2020).

В 2019 году оценка противодействия коррупции в России по данным Индикаторов качества государственного управления бала определена в — 0,83 баллов. Процентильный ранг России по этому показателю составил 21,63. Схожие параметры в сфере противодействия коррупции имели такие страны как Гондурас (оценка: — 0,81; ранг: 23,08), Мексика (оценка: — 0,82; ранг: 22,60), Парагвай (оценка: — 0,83; ранг: 22,12), Пакистан (оценка: — 0,85; ранг: 21,15), Мавритания (оценка: — 0,86; ранг: 22,19), Азербайджан (оценка: — 0,87; ранг: 19,71) и Либерия (оценка: — 0,88; ранг: 19,23). За все время наблюдений результаты России в сфере противодействия коррупции согласно Индикаторам качества государственного управления были крайне низкими: в 1996 году оценка: — 1,05; ранг: 15,05; в 1998 году оценка: — 0,98; ранг: 16,49; в 2000 году оценка: — 1,00; ранг: 15,74; в 2002 году оценка — 0,93; ранг: 19,70; в 2004 году оценка: — 0,80; ранг: 23,90; в 2006 году оценка: — 0,91; ранг: 19,51; в 2008 году оценка: — 1,11; ранг: 12,14; в 2010 году оценка: — 1,09; ранг: 13,33; в 2012 году оценка: — 1,04; ранг: 14,69; в 2014 году оценка: — 0,92; ранг: 17,31; в 2016 году оценка: — 0,82; ранг: 19,71; в 2018 году оценка: — 0,85; ранг: 20,67⁴.

Дом Свободы (Freedom House) регулярно публикует доклады, в которых подробно анализируются достижения в построении демократии в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. Для оценки берется семь показателей, в том числе и уровень коррупции. Этот показатель отражает общественное восприятие коррупции, коммерческие интересы высших должностных лиц, законодательное регулирование раскрытия финансовой информации и конфликтов интересов и эффективность антикоррупционных инициатив. Каждый показатель оценивается по шкале от 1 до 7 баллов, где 1 балл означает наихудшее, а 7 баллов — наилучшее положение⁵.

В 2020 году Дом Свободы оценил уровень коррупции в России в 1,25 баллов. 23 из 29 охваченных исследованием посткоммунистических стран имели лучшие результаты, чем Россия. И только пять стран получили схожие или худшие оценки: Казахстан — 1,25; Узбекистан — 1,25; Таджикистан — 1; Азербайджан — 1 и Туркменистан — 1. За весь период наблю-

⁴ Ibid.

⁵ Freedom House. Nations in Transit. URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit> (дата обращения: 15.12.2020).

дений Россия имела очень низкие оценки в сфере коррупции от Дома Свободы (при их анализе надо учитывать, что до 2020 года шкала была противоположной: 1 балл означал наилучшее, а 7 баллов — наихудшее положение): в 2002 году — 6,00 баллов; в 2003—2005 годах — 5,75 баллов; в 2006—2008 годах — 6,00 баллов; в 2009 году — 6,25 баллов; в 2010—2013 годах — 6,50 баллов; в 2014—2018 годах — 6,75 баллов¹.

Высокий уровень коррупции в России подтверждают и многочисленные отечественные исследования [См.: 39; 6; 45 и мн. др.]. В частности, отмечается, что коррупция в России стала «социальной нормой» [37, с. 65], «приобрела системный характер» [32, с. 72], является «неотъемлемой чертой и двигателем современной российской экономики» [22, с. 81] и т. п. Например, Е. П. Тавокин, О. В. Широкова и Ж. А. Шишова пишут: «Коррупция стала нормой практически во всех сферах жизнедеятельности современной России. Она уже не столько угрожает важнейшим сферам общества, сколько является их органичной составной частью. Можно смело утверждать, что коррупция в России приобрела устойчивый системный характер» [45, с. 71].

Таким образом, есть достаточно много аргументов для того, чтобы говорить о высоком уровне коррупции в России. Международные сравнительные исследования регулярно причисляют Россию к числу наиболее коррумпированных стран мира. Вывод о высоком уровне коррупции в России подтверждают и многие отечественные ученые. Действительно, коррупция является острой проблемой российского общества. Однако сама по себе констатация высокого уровня коррупции в России не представляет сколь-либо значимой научной ценности в силу множественности предшествующих работ, в которых формулируются аналогичные выводы. Исследовательский интерес представляет прояснение того, как объективно высокий уровень коррупции соотносится с политическими установками россиян и официальной позицией властей по этому вопросу.

Восприятие коррупции населением

Ведущие российские центры изучения общественного мнения регулярно проводят опросы относительно различных аспектов коррупции. Анализ результатов этих опросов может дать адекватное представление об особенностях восприятия коррупции

¹ Ibid.

населением России. Особый интерес в этой связи представляет то, как восприятие коррупции гражданами связано с оценкой властей и общественной поддержкой российского политического режима.

По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) 70 % граждан считают уровень коррупции в России высоким, 15 % — средним и 3 % — низким. При этом 43 % респондентов отмечают, что уровень коррупции в России повышается, 27 % — что не меняется и только 12 %, что снижается². К тому же 55 % граждан не верят, что уровень коррупции удастся заметно снизить в ближайшие годы (противоположного мнения придерживаются 27 %), а 53 % полагают, что в принципе невозможно искоренить коррупцию в России³.

По данным аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр) 32 % граждан считают, что «коррупция полностью поразила органы власти России сверху донизу», 47 % думают, что «органы власти России в значительной мере поражены коррупцией», 13 % полагают, что «органы власти России поражены коррупцией, но в незначительной мере», и только 1 % заявляет, что «в государственном аппарате России практически нет коррупции»⁴. Причем, «случаи получения взяток, обнаружения больших сумм незадекларированных средств у чиновников из высших эшелонов власти, их аресты следственными органами и возбуждение уголовных дел против них» расцениваются не столько как «единичные, нетипичные явления для высшего руководства страны» (22 %), сколько как «проявления общего разложения и коррумпированности власти» (68 %)⁵.

Результаты борьбы с коррупцией мало заметны для россиян. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 43 % граждан полагают, что такие «результаты есть, но они не слишком значительны», 25 % считают, что «реальных результатов нет» и «все остается как было», 13 % говорят, что «ситуация

² ФОМ. Уровень коррупции в России: мониторинг. 20 марта 2019 года. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14185> (дата обращения: 11.12.2020).

³ ФОМ. Перспективы борьбы с коррупцией в России. 21 марта 2019 года. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14186> (дата обращения: 11.12.2020).

⁴ Левада-Центр. Институциональная коррупция и личный опыт. 28 марта 2017 года. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/28/institutsionalnaya-korrupsiya-i-lichnyj-opyt> (дата обращения: 11.12.2020).

⁵ Общественное мнение — 2019. М. : Левада-Центр, 2020. С. 108.

становится даже хуже, коррупция только усиливается» и лишь 12 % отмечают, что «в стране делается много для борьбы с коррупцией». Наиболее коррумпированными государственными институтами признаются медицина (23 %), ГИБДД (16 %), ЖКХ (16 %), полиция (16 %), судебная система, прокуратура (14 %) и власть на местах (14 %). 24 % граждан считают, что коррупция охватила «все общество в целом»¹.

Можно констатировать, что граждане имеют весьма реалистичное представление о широком распространении коррупции в России. И такие взгляды очень устойчивы во времени². Например, на вопрос «Воровства и коррупции в руководстве страны стало больше, осталось примерно столько же или меньше, чем было при Ельцине?» в 2007 году 16 % граждан ответило, что больше, 48 % — примерно столько же и 26 % — меньше³. В 2017 году на вопрос «Как вам кажется, воровства и коррупции в руководстве страны в настоящее время стало больше, осталось примерно столько же или стало меньше, чем было в начале 2000-х годов?» 31 % граждан ответило, что больше, 43 % — примерно столько же и 15 % — меньше⁴.

Представление о тотальной коррумпированности российской власти во многом уже стало стереотипом [См.: 34, с. 402; 41, с. 26 и др.]. Власть воспринимается как «криминальная, коррумпированная» (41 %), «далекая от народа, чужая» (31 %) ⁵. Существует

убеждение, что интересы власти и общества не совпадают (72 %) и «власти живут за счет населения, их мало волнует, как живет народ» (53 %) ⁶. Негативные черты приписываются и большинству российских политиков: «стремление к власти, не гнушаясь самыми грязными средствами» (36 %), «корыстолюбие» (33 %), «неуважение к рядовым гражданам» (28 %), «пренебрежение к законам» (25 %), «бесчестность, непорядочность» (18 %) ⁷. Многие граждане считают, что современное российское общество устроено несправедливо (61 %) ⁸.

Противоречие современной России заключается в том, что широко распространенные представления о коррумпированности власти не сильно влияют на уровень поддержки политического режима. Хотя очевидно, что в данном вопросе должна быть прямая зависимость. Во-первых, есть моральный аспект: как можно поддерживать «коррумпированную» и «криминальную» власть? Во-вторых, коррупция наносит ущерб гражданам. Р. Роуз и У. Мишлер выразили эту мысль следующим образом: «Если гражданин вынужден платить взятку для получения услуги, чиновник получает от этого выгоду, в то время как гражданин не только теряет деньги, но и может почувствовать себя оскорбленным из-за того, что его использовали» [41, с. 24].

Коррупция, несмотря на ее привычность [См.: 6; 17; 37 и др.] и историческую укорененность [См.: 4; 11; 13 и др.], однозначно осуждается россиянами. Подавляющее большинство граждан считают, что дачу и получение взяток нельзя оправдать (85 %) ⁹. Хуже отношение у россиян только к употреблению наркотиков (90 %) ¹⁰. Приемлемость решения повседневных вопросов с помощью взяток, по крайней мере на словах, отрицается квалифицированным большинством респондентов (74 %). Коррупция в органах власти России расценивается как то, с чем «нельзя мириться» (24 %) и что «совершенно недопустимо» (65 %) ¹¹.

пyneshnej/ (дата обращения: 11.12.2020).

⁶ Общественное мнение — 2019. С. 42.

⁷ Левада-Центр. Образы власти, советской и нынешней.

⁸ ФОМ. Справедливость и несправедливость. 06 октября 2020 года. URL: <https://fom.ru/Tsennosti/14469> (дата обращения: 11.12.2020)

⁹ ВЦИОМ. Россияне определились с моралью. Топ-5 аморальных поступков. Пресс-выпуск № 4186. 10 марта 2020 года. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10190> (дата обращения: 11.12.2020).

¹⁰ Там же.

¹¹ Левада-Центр. Институциональная коррупция и личный опыт...

¹ ВЦИОМ. Коррупция в России: мониторинг. Пресс-выпуск № 3678. 01 июня 2018 года. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139> (дата обращения: 11.12.2020).

² См.: Левада-Центр. Коррупция и взяточничество. 14 июля 2008 года. URL: <https://www.levada.ru/2008/07/14/korruptsiya-i-vzyatochnichestvo/> (дата обращения: 11.12.2020); Левада-Центр. Коррупция в стране. 08 июня 2011 года. URL: <https://www.levada.ru/2011/06/08/korruptsiya-v-strane-3/> (дата обращения: 11.12.2020); ВЦИОМ. Коррупция в России: мониторинг. 23 октября 2013 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korruptsiya-v-rossii-monitoring-1> (дата обращения: 11.12.2020); ВЦИОМ. Коррупция в России: мониторинг. 26 октября 2015 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korruptsiya-v-rossii-posle-dela-gajzera> (дата обращения: 11.12.2020); ФОМ. Коррупция и взяточничество в России. 16 января 2015 года. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912> (дата обращения: 11.12.2020) и др.

³ Левада-Центр. Коррупция в стране.

⁴ Левада-Центр. Институциональная коррупция и личный опыт.

⁵ Левада-Центр. Образы власти, советской и нынешней. 05 августа 2019 года. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/05/obrazy-vlasti-sovetskoj-i>

В России в течение многих лет наблюдается низкий уровень доверия к государственным институтам [См.: 15; 18; 40 и др.]. Например, по данным Левада-Центра, Правительству РФ полностью доверяют 38% граждан, не вполне доверяют 34%, и совсем не доверяют 23%; Совету Федерации полностью доверяют 30%, не вполне доверяют 34%, и совсем не доверяют 23%; Государственной Думе полностью доверяют 29%, не вполне доверяют 39%, и совсем не доверяют 27%; региональным (краевым, республиканским) органам власти полностью доверяют 36%, не вполне доверяют 36%, и совсем не доверяют 21% и т. д.¹ Подобное положение хорошо коррелирует с высоким уровнем коррупции в стране. Россияне традиционно склонны видеть причины коррупции в различных патологиях государственной власти: отсутствии политической воли, бесконтрольности расходовании государственных средств, плохой работе правоохранительных органов, нечеткости и противоречивости законов, неупорядоченности контрольной деятельности государства, тесных связях власти и бизнеса, аморальности политиков и чиновников, слабой судебной системе и т. п. [6, с. 99; 39, с. 606].

Однако российский политический режим предельно персонифицирован [См.: 27; 62 и др.], а уровень доверия президенту заметно выше, чем другим государственным институтам. Согласно тому же опросу Левада-Центра президенту полностью доверяют 58% граждан, не вполне доверяют 26% и совсем не доверяют 15%². По данным Левада-Центра в октябре 2020 года деятельность В. В. Путина одобряло 68% россиян³. За 20 лет его нахождения у власти этот показатель никогда не опускался ниже 50% с сентября 1999 года, а на максимальных значениях превышал 85%⁴. Данное обстоятельство обеспечивает хорошую поддержку российскому политическому режиму. Однако оно вызывает некоторое удивление в связи с широко распространенными представлениями о тотальной коррумпированности власти. Причем россияне вполне обоснованно склонны возлагать на президента значительную долю ответственности за коррупцию в стране. Так, на вопрос «Как вы считаете, несет Владимир Путин ответственность за масштабы коррупции и финансовых зло-

употреблений в высших эшелонах власти, о которых постоянно говорят ее противники?» 25% граждан ответило «в полной мере», 42% — «в значительной мере», 20% — «лишь отчасти» и только 9% сказало, что он не может нести за это ответственность⁵.

Россияне безусловно осуждают коррупцию⁶, но не относят ее к числу первоочередных проблем. Только 38% граждан указали коррупцию среди тех проблем, которые тревожат их больше всего и являются самыми острыми. В этом списке коррупцию обошли «рост цен» (61%), «рост безработицы» (44%), «бедность, обнищание большинства населения» (39%)⁷. Россияне всегда приоритетное внимание уделяли социально-экономической проблематике, напрямую касающейся их материального положения [См.: 15; 16 и др.]. Однако хорошо известно, что высокий уровень коррупции оказывает многостороннее негативное воздействие на экономику и общественное благосостояние (снижение экономического роста, растратывание государственных ресурсов, усложнение предпринимательской деятельности, рост бедности и социального неравенства и мн. др.) [См.: 7; 42; 47 и др.]. Современная Россия может служить убедительным примером, подтверждающим эту зависимость [См.: 22; 29; 39; 46; 48; 51 и др.]. Но в массовом сознании граждан понимание связи между коррупцией, неэффективной экономикой и низким уровнем жизни явно отсутствует.

Во многих странах коррумпированность правящего класса занимает важное место среди причин массовых протестов и даже свержения политического режима [См.: 49; 54; 57; 60; 63; и др.]. В России коррупция не является первостепенным фактором протестных настроений⁸, хотя представители оппозиции активно освещают тему коррупции⁹. Главными причинами массовых

⁵ Левада-Центр. Институциональная коррупция и личный опыт.

⁶ См.: ВЦИОМ. Россияне определились с моралью; Левада-Центр. Институциональная коррупция и личный опыт.

⁷ Левада-Центр. Тревожащие проблемы. 10 сентября 2020 года. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/10/trevozhashhie-problemy-3/> (дата обращения: 11.12.2020).

⁸ Общественное мнение — 2019. С. 97—101; ФОМ. Протесты: отношение и представления об эффективности. 02 сентября 2020 года. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14445> (дата обращения: 11.12.2020).

⁹ См.: Энциклопедия трат Сочи-2014. Отчет Фонда борьбы с коррупцией о расходах на Олимпиаду. URL: <http://sochi.fbk.info/ru> (дата обращения: 11.12.2020); Немцов Б., Милов В. Путин. Итоги. 10 лет : независимый экспертный доклад. М. : Солидарность, 2010. С. 4—11 и др.

протестов в России, помимо фальсификации выборов, выступают многочисленные отдельные факты несправедливости и проблемы: отмена льгот, новые налоги, рост тарифов, экологические сложности, неудачные строительные проекты, задержки зарплат, увольнения и т. п. [См.: 23; 52; 53; 58]. Вместе с тем в общественном сознании нет понимания того, что все эти частные причины протестов, так или иначе, связаны с коррупцией и обусловленными коррупцией основополагающими свойствами российского политического режима.

Таким образом, граждане имеют вполне адекватное представление о высоком уровне коррупции в России. Такие взгляды очень устойчивы. У населения сформировался стереотип о тотальной коррумпированности российской власти. Граждане однозначно осуждают коррупцию и считают ее неприемлемой для государственных структур. Однако широко распространенные представления о коррумпированности власти не сильно влияют на уровень поддержки политического режима. Российский политический режим предельно персонифицирован и уровень доверия президенту относительно высок, хотя на него и возлагают некоторую долю ответственности за коррупцию в стране. Россияне не относят коррупцию к числу первоочередных проблем. Граждан больше волнуют затрагивающие их материальное положение социально-экономические вопросы. В массовом сознании очевидно не сформировалась устойчивая казуальная связь между коррупцией, неэффективной экономикой и низким уровнем жизни. Коррупция не является значимым фактором протестных настроений в России. У граждан явно нет понимания того, что многие частные причины социальных неудовольствий и массовых протестных выступлений в том или ином виде обусловлены высоким уровнем коррупции российской власти.

Проблема коррупции в официальном дискурсе

Тема коррупции занимает важное место в официальном дискурсе российской власти. Определяющими для этого дискурса на протяжении двух десятилетий XX века являются высказывания о коррупции президентов РФ В. В. Путина и Д. А. Медведева. Подобное положение объясняется тем, что эти высказывания широко распространяются в СМИ, а их содержание закрепляется в большом числе нормативных актов и многократно повторяется другими политиками и чиновниками.

Наилучшей базой данных для анализа высказываний о коррупции В. В. Путина и Д. А. Медведева является официальный сайт Президента России (Kremlin.ru). На этом сайте представлены все наиболее значимые речи, статьи, интервью и прочие материалы президентов РФ за последние двадцать лет (с января 2000 года). Поиск по сайту «Kremlin.ru» с запросом «коррупция» дает 1108 документов¹. Из них развернутые высказывания президентов РФ о коррупции содержатся чуть более чем в ста документах.

Наиболее ярко проблему коррупции в официальном дискурсе выразил, Д. А. Медведев. В частности, в программной статье «Россия вперед!» Д. А. Медведев писал о «вековой» и «хронической» коррупции, которая «с незапамятных времён истощает Россию» и «до сих пор разъедает её по причине чрезмерного присутствия государства во всех сколько-нибудь заметных сферах экономической и иной общественной деятельности»². Коррупция причисляется им к числу трех «запущенных социальных недугов», сковывающих «творческую энергию» страны и тормозящих «движение вперед»³. Помимо коррупции к этим недугам были отнесены «вековая экономическая отсталость» и «широко распространённые в обществе патерналистские настроения»⁴.

Д. А. Медведев неоднократно говорил о высоком уровне коррупции в России и необходимости с ней бороться⁵. Коррупция интерпретировалась им как «системная проблема»⁶ и «один из главных барьеров на пути нашего развития»⁷. В частности, Д. А. Медведев отмечал: «Коррупция в нашей стране приобрела не просто масштабные формы, масштабный характер, она стала привычным, обыденным явлением,

¹ На 29.01.2021.

² Медведев Д. А. Россия, вперед! 10 сентября 2010 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Медведев Д. А. Вступительное слово на совещании по проблемам противодействия коррупции. 19 мая 2008 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/135> (дата обращения: 12.12.2020); Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Совета по противодействию коррупции. 30 сентября 2008. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1566> (дата обращения: 12.12.2020) и мн. др.

⁶ Медведев Д. А. Вступительное слово на совещании по проблемам противодействия коррупции.

⁷ Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979> (дата обращения: 12.12.2020).

которое характеризует саму жизнь в нашем обществе. И, как вы понимаете, речь идёт даже не только о банальных взятках, независимо от их размера, но, по сути, о тяжёлой болезни, которая разъедает нашу экономику и разлагает всё общество»¹.

В принятом в период президентства Д. А. Медведева «Национальном плане противодействия коррупции» констатировалось, что коррупция «по-прежнему серьёзно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе серьёзную тревогу и недоверие к государственным институтам, создаёт негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации»².

В. В. Путин также многократно говорил о недопустимо высоком уровне коррупции в России³ и о том, что коррупция является «одной из главных социальных и политических проблем»⁴, «одним из самых серьёзных препятствий на пути нашего развития»⁵ и т. п. В частности, В. В. Путин в своих выступлениях отмечал: «не скрою, что у нас особенно бытовая коррупция носит запредельный характер и, по сути дела, представляет угрозу для общества в целом»⁶; «люди справедливо говорят, что часто без взятки невозможно решить любой мало-мальски значимый вопрос»⁷ и т. п.

¹ Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Совета по противодействию коррупции.

² Национальный план противодействия коррупции. 31 июля 2008 года. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/996> (дата обращения: 12.12.2020).

³ См.: Путин В. В. Вступительное слово на заседании Совета при Президенте по борьбе с коррупцией. 12 января 2004 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22279> (дата обращения: 12.12.2020); Путин В. В. Стенограмма прямого теле- и радиоэфира («Прямая линия с Президентом России»). 24 декабря 2001 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21457> (дата обращения: 12.12.2020) и др.

⁴ Путин В. В. Вступительное слово на VIII съезде партии «Единая Россия». 1 октября 2007 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24562> (дата обращения: 12.12.2020).

⁵ Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 10 мая 2006 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577> (дата обращения: 12.12.2020).

⁶ Путин В. В. Прямая линия с Владимиром Путиным. 25 апреля 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17976> (дата обращения: 12.12.2020).

⁷ Путин В. В. Вступительное слово на VIII съезде партии «Единая Россия»...

Вместе с тем большинство высказываний В. В. Путина о коррупции в России сопровождаются оговорками, что это явление присуще и многим другим странам («это не только российская проблема: многие страны мира, оказываясь на переломных этапах, сталкивались с такой же проблемой, и сейчас в мире много таких стран»⁸; «она, так или иначе, присутствует во всех странах мира: и в Европе, и в США»⁹; «это одна из крупнейших проблем всех стран с переходной экономикой»¹⁰; «с проблемой коррупции в той или иной степени сталкиваются очень многие страны мира»¹¹ и т. д.). Типичным амбивалентным высказыванием такого рода является следующие: «Вообще коррупция и злоупотребления в сфере государственной власти, тем более в правоохранительной сфере, характерны не только для России. Это беда многих стран. Но в России это приобрело определенный размах, на который государство не имеет права не обращать внимания»¹².

В официальном дискурсе преобладают вполне реалистичные и совсем не популистские представления о причинах коррупции и стратегиях борьбы с ней. Так, причины коррупции видятся не в аморальности и криминальных наклонностях отдельных должностных лиц, но в институциональных дефектах общественно-политического устройства («корни коррупции находятся в самих изъянах устройства экономической и административной жизни государства, подпитываются некачественным законодательством и распространяются при отсутствии эффективного контроля за деятельностью должностных лиц, органов государственной и муниципальной власти»¹³ и т. п.). Соответственно и стратегия борьбы с коррупцией увязывается не столько с репрессивными мерами, сколько с системными институциональными преобразованиями («масштабы этого явления будут сокращаться только по мере

⁸ Путин В. В. Встреча с руководством и членами коллектива Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК). 13 мая 2006 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23579> (дата обращения: 12.12.2020).

⁹ Там же.

¹⁰ Путин В. В. Интервью Болгарскому национальному телевидению и газете «Труд». 23 февраля 2003 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21891> (дата обращения: 12.12.2020).

¹¹ Путин В. В. Вступительное слово на заседании Совета при Президенте по борьбе с коррупцией...

¹² Путин В. В. Стенограмма прямого теле- и радиоэфира...

¹³ Путин В. В. Вступительное слово на заседании Совета при Президенте по борьбе с коррупцией...

того, как в стране будут укрепляться право, институты демократии и цивилизованный рынок. А органы власти станут бороться не только с последствиями коррупции, но и с ее причинами»¹; «и самый надежный путь положить конец коррупции — это изменение законодательства таким образом, чтобы государство уходило от необоснованного вмешательства в экономику. Необходимо, конечно, укрепление судебной и правоохранительной сферы»² и т. п.).

Присутствие в официальном дискурсе правильного понимания причин коррупции и адекватных представлений об стратегиях борьбы с ней не способствовало однако достижению существенных результатов. И фраза о том, что «несмотря на предпринимаемые усилия, нам до сих пор не удалось устранить одно из самых серьезных препятствий на пути нашего развития — коррупцию»³ остается актуальной из года в год. В России действительно активно проводится антикоррупционная политика: создается и постоянно совершенствуется антикоррупционное законодательство, работают правоохранительные органы и т. д. [См.: 2; 9; 35 и др.]. Однако все эти узкоспециализированные антикоррупционные меры не могут быть эффективными в условиях торможения общих реформ, направленных на развитие демократии, правового государства, рыночной экономики и гражданского общества. В. В. Путин еще в 2000 году, в начале своей политической деятельности на посту Президента РФ заявлял, что «Мы не сможем побороть коррупцию, если не сможем развивать демократические институты гражданского общества. Речь идет о свободе прессы, свободе вероисповедания, устойчивых политических движениях и партиях. Это соблюдение принципа разделения властей и хорошо развитая, эффективно функционирующая судебная система. Когда я говорю о сильном государстве, я имею в виду эффективно функционирующее государство. Разумеется, это должно сопровождаться укреплением институтов рыночной экономики»⁴. Подобные суждения в том или ином виде неоднократно повторялись как

В. В. Путиным⁵, так и Д. А. Медведевым⁶ в 2000-е — первой половине 2010-х годов. Однако очевидно, что они не стали определяющими для антикоррупционной политики Российской Федерации.

Таким образом, для официального дискурса не характерно отрицание проблемы коррупции. Высокий уровень коррупции в России признается, хотя и с определенными оговорками о том, что коррупция присуща многим странам, всем переходным экономикам и т. п. Однако в рамках официального дискурса речи о признании тотальной коррумпированности власти, разумеется, нет вообще. Существующий в оппозиционном пространстве оппозиционный дискурс о коррупции высших руководителей государства и связанных с ними лиц либо агрессивно отрицается, либо замалчивается. Коррупция скорее интерпретируется как застарелая социальная проблема. Ее связывают прежде всего с функционированием низовых этажей бюрократического аппарата. Негативные последствия коррупции описываются в официальном дискурсе вполне адекватно. Коррупция регулярно признается очень важной проблемой и одним из главных препятствий на пути развития России. Причины коррупции справедливо видятся в институциональных дефектах общественно-политического устройства, а стратегии борьбы с ней связываются с системными институциональными преобразованиями. В реальной же антикоррупционной политике безусловно преобладают узкоспециализированные антикоррупционные меры, в то время как преодоление коррупции невозможно без коренных системных реформ, направленных на развитие демократии, правового государства, рыночной экономики и гражданского общества.

Заключение

Современная Россия является страной с очень высоким уровнем коррупции. Это подтверждают данные международных и российских исследований. Однако объективно высокий уровень коррупции находит неоднозначное отражение в общественном мнении и официальном дискурсе. Исходя из этого можно обозначить ряд противоречий,

¹ Путин В. В. Вступительное слово на заседании Совета при Президенте по борьбе с коррупцией...

² Путин В. В. Интервью Болгарскому национальному телевидению и газете «Труд».

³ Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации.

⁴ Путин В. В. Интервью французскому еженедельнику «Пари-матч». 6 июля 2000 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24166> (дата обращения: 12.12.2020).

⁵ См.: Путин В. В. Интервью Болгарскому национальному телевидению и газете «Труд»...; Путин В. В. Вступительное слово на заседании Совета при Президенте по борьбе с коррупцией... и др.

⁶ См.: Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Совета по противодействию коррупции...; Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации... и др.

связанных с восприятием коррупции населением и ее воспроизведением в официальном дискурсе.

Россияне имеют весьма реалистичное представление о широком распространении коррупции в стране. Подобные взгляды очень устойчивы и давно стали стереотипом. Однако всеобщие убеждения в коррумпированности власти не сильно влияют на общественную поддержку политического режима. И это при том, что граждане однозначно осуждают коррупцию и считают ее полностью неприемлемой. Разумеется, уровень коррупции не является единственным критерием для оценки политического режима. Имеют значение и многие другие факторы: состояние экономики, внешнеполитические успехи и пр. Тем не менее столь ограниченный делегитимационный потенциал массовых представлений о коррумпированности власти вызывает удивление.

Приоритетное внимание россияне уделяют социально-экономической проблематике, которая напрямую затрагивает их материальное положение. При этом хорошо известно, что коррупция оказывает многостороннее негативное влияние на экономику и общественное благосостояние. Данная закономерность отчетливо проявляется и в современной России. Однако в массовом сознании отсутствует понимание связи между коррупцией, неэффективной экономикой и низким уровнем жизни населения.

По данным многочисленных социологических опросов коррупция не является значительным фактором протестных настроений в России. Среди причин массовых протестов, помимо фальсификации выборов, выделяются разного рода отдельные несправедливости и проблемы: отмена льгот, новые налоги, рост тарифов, экологические сложности и т. п. Однако в общественном сознании нет понимания того, что все эти причины протестов, так или иначе, связаны с коррупцией и обусловленными коррупцией характеристиками российского политического режима.

Для официального дискурса не свойственно полное отрицание коррупции в России. Высокий уровень коррупции признается, но с оговорками о том, что данная проблема присуща многим другим странам. При этом оппозиционный дискурс о коррупции отрицается или замалчивается. Коррупция по большей части интерпретируется как застарелая социальная проблема и связывается с деятельностью низовых звеньев бюрократического аппарата.

В официальном дискурсе присутствует правильное понимание причин коррупции. Это явление справедливо связывается не с аморальностью и криминальными наклонностями отдельных должностных лиц, но с институциональными дефектами общественно-политического устройства. Адекватными следует признать и провозглашаемые стратегии борьбы с коррупцией, которые предполагают не столько репрессивные меры, сколько системные институциональные преобразования. Однако в реальной антикоррупционной политике преобладают узкоспециализированные подходы к борьбе с коррупцией, в то время как преодоление коррупции невозможно без системных реформ, направленных на развитие демократии, правового государства, рыночной экономики и гражданского общества.

1. Алферова А. Б. Коррупция и лояльность // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М. : РОССПЭН, 2013. С. 180—189.

2. Амиантова И. С. Противодействие коррупции. М. : Юрайт, 2020. 149 с.

3. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. М. : Московский общественный научный фонд, 2000. 317 с.

4. Бабенко В. Н. Коррупция в России: От обычаев и традиций к образу жизни? // Россия и современный мир. 2009. № 4. С. 44—61.

5. Бабенко В. Н. Проблемы борьбы с коррупцией в системе органов государственной власти в постсоветской России // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 27—36.

6. Бондаренко Н. В., Гудков Л. Д., Красильникова М. Д. Социальная природа коррупции // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 3—4 (116). С. 91—110.

7. Борьба с коррупцией в переходный период. Вклад в обсуждение стратегии. Вашингтон : Всемирный банк, 2000. 162 с.

8. Быстрова А. С., Сильвестрос М. В. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III, № 1. С. 83—101.

9. Воронцов С. А., Понеделков А. В. Противодействие коррупции на государственной и муниципальной службе. Ростов-на-Дону : ЮРИУ РАНХиГС, 2015. 272 с.

10. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : Советская Россия : Октябрь, 1991. 624 с.

11. Габидулин Р. История коррупции в России. М. : РОССПЭН, 2020. 303 с.
12. Галицкий Е. Б., Левин М. И. Коррупционные взаимоотношения бизнеса и власти (опыт эмпирического анализа) // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 19—32.
13. Глазкова Л. В. Государственный чиновник: История коррупции в России. М. : Проспект, 2016. 112 с.
14. Гончаренко Г. С. Понятие сущность и виды коррупции современной России // Административное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 58—61.
15. Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992—2002 гг. М. : РОССПЭН, 2003. 512 с.
16. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : Весь мир, 2018. 384 с.
17. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. № 3. С. 43—52.
18. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006. 600 с.
19. Карепова С. Г., Пинчук А. Н., Некрасов С. В., Тихомиров Д. А. Московские студенты о коррупции и антикоррупционной деятельности в современном обществе: по материалам фокус-группового исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 1. С. 113—137.
20. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб. : Альфа, 1997. 351 с.
21. Кирпичников А. И. Российская коррупция. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 437 с.
22. Клейнер В. Г. Коррупция в России, Россия в коррупции: есть ли выход? // Вопросы экономики. 2014. № 6. С. 81—96.
23. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М. : Три квадрата, 2010. 688 с.
24. Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М. : РГУ, 2000. 592 с.
25. Кордонский С. Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М. : ОГИ, 2000. 237 с.
26. Коррупция: природа, проявления, противодействие / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Юриспруденция, 2012. 688 с.
27. Краснов М. А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М. : Либеральная миссия, 2006. 180 с.
28. Крылова Ю. В. Основные подходы к измерению и оценке коррупции: аналитический обзор // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Экономика. Сер. 5. Вып. 2. С. 41—55.
29. Левин М. И., Сатаров Г. А. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2010. № 12. С. 4—29.
30. Лунеев В. В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20—27.
31. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. М. : Институт государства и права, 2017. 287 с.
32. Мошкин С. В. Коррупция в России: институциональные основания // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 72—78.
33. Нисневич Ю. А., Стукал Д. К. Многоликая коррупция и ее измерение в исследованиях международных организаций // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 83—90.
34. Попова О. В. Особенности восприятия населением России коррупционных практик // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. Н. Руденко ; вып. ред. В. С. Мартынов. Екатеринбург : Институт философии и права УрО РАН, 2019. С. 389—406.
35. Противодействие коррупции / под общ. ред. Е. В. Охотского. М. : Юрайт, 2020. 427 с.
36. Римский В. Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 68—79.
37. Римский В. Л. Коррупционность // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М. : РОССПЭН, 2013. С. 59—71.
38. Рогозин Д. М. Коррупция в рассказах государственных служащих // Полития. 2014. № 2. С. 97—117.
39. Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа / под ред. Г. А. Сатарова. М. : Либеральная миссия, 2013. 752 с.
40. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь мир, 2017. 424 с.
41. Роуз Р., Мишлер У. Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 3 (101). С. 22—33.

42. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: причины, следствия, реформы. М. : Логос, 2010. 356 с.

43. Сатаров Г. А. Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 4—10.

44. Старцев Я. Ю. Антикоррупционный дискурс высших органов государственной власти РФ: количественный анализ // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сборник трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. В. Н. Руденко ; вып. ред. В. С. Мартынов. Екатеринбург : Институт философии и права УрО РАН, 2019. С. 111—137.

45. Тавокин Е. П., Широкова О. В., Шишова Ж. А. Коррупция в системе государственной службы // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 1 (119). С. 70—86.

46. Шляпентох В. Э. Современная Россия как феодальное общество. М. : Столица-Принт, 2008. 328 с.

47. Governance, Corruption and Economic Performance / eds. G.T. Abed, S. Gupta. Washington : International Monetary Fund, 2002. 564 p.

48. Aslund A. Russia's Crony Capitalism: The Path from Market Economy to Kleptocracy. New Haven : Yale University Press, 2019. 336 p.

49. (2010) The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures / eds. D.Ó. Beacháin, A. Polese. New York : Routledge, 2010. 272 p.

50. Cheloukhine S., King J. Corruption Networks as a Sphere of Investment Activities in Modern Russia. Communist and Post-Communist Studies. 2007. № 40. P. 107—122.

51. Dawisha K. Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? New York : Simon & Schuster, 2014. 469 p.

52. Gabowitsch M. Protest in Putin's Russia. Cambridge : Polity Press, 2017. 300 p.

53. Greene S.A. From Boom to Bust: Hardship, Mobilization and Russia's Social Contract // Daedalus. 2017. № 146. P. 113—127.

54. Gupta D. Protest Politics Today. Cambridge : Polity Press, 2017. 344 p.

55. Holmes L. Corruption and Organized Crime in Putin's Russia // Europe-Asia Studies. 2008. № 60. P. 1011—1031.

56. Holmes L. Corruption in post-Soviet Russia // Global Change, Peace and Security. 2012. № 24. P. 235—250.

57. Protest: Analysing Current Trends / eds. M. Johnson, S. Suliman. New York : Routledge, 2014. 306 p.

58. Lankina T., Tertychnaya K. Protest in Electoral Autocracies: a New Dataset // Post-Soviet Affairs. 2020. № 36. P. 20—36.

59. Ledeneva A.V. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 235 p.

60. Mitchell L.A. The Color Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 256 p.

61. Pavroz A. Corruption-oriented Model of Governance in Contemporary Russia // Communist and Post-Communist Studies. 2017. № 50. P. 145—155.

62. Shevtsova L. Putin's Russia. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2005. 298 p.

63. Social Media, Politics and the State: Protests, Revolutions, Riots, Crime and Policing in the Age of Facebook, Twitter and YouTube / eds. D. Trotter, C. Fuchs. New York : Routledge, 2014. 251 p.

References

1. Alferova A.B. (2013) Korruptsiya i loyal'nost' // Grazhdanskoye i politicheskoye v rossiyskikh obshchestvennykh praktikakh. Moscow, ROSSPEN, pp. 180—189 [in Rus].

2. Amiantova I.S. Protivodeystviye korruptsii [Anti-corruption]. Moscow, Yurayt, 2020. 149 p. [in Rus].

3. Afanas'yev M.N. (2000) Kliyentelizm i rossiyskaya gosudarstvennost'. Moscow, Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, 317 p. [in Rus].

4. Babenko V.N. (2009) *Rossiya i sovremennyy mir*, no. 4, pp. 44—61 [in Rus].

5. Babenko V.N. (2019) *Rossiya i sovremennyy mir*, no. 2, pp. 27—36 [in Rus].

6. Bondarenko N.V., Gudkov L.D., Krasil'nikova M.D. (2013) *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*, no. 3—4 (116), pp. 91—110 [in Rus].

7. Bor'ba s korruptsiyey v perekhodnyy period. Vklad v obsuzhdeniye strategii. Washington, Vsemirnyy bank, 2000. 162 p. [in Rus].

8. Bystrova A.S., Sil'vestrov M.V. (2000) *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. III, no. 1, pp. 83—101 [in Rus].

9. Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V. (2015) Protivodeystviye korruptsii na gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhbe. Rostov-na-Donu, YuRIU RANKhiGS, 272 p. [in Rus].

10. Voslenskiy M.S. (1991) Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz. Moscow, Sovetskaya Rossiya, Oktyabr', 624 p. [in Rus].

11. Gabidulin R. *Istoriya korruptsii v Rossii*. Moscow, ROSSPEN, 2020. 303 p. [in Rus].
12. Galitskiy E.B., Levin M.I. (2007) *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 19—32 [in Rus].
13. Glazkova L.V. (2016) *Gosudarstvennyy chinovnik: Istoriya korruptsii v Rossii*. Moscow, Prospekt, 112 p. [in Rus].
14. Goncharenko G.S. (2010) *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo*, no. 6, pp. 58—61 [in Rus].
15. Gorshkov M.K. (2003) *Rossiyskoye obshchestvo v usloviyakh transformatsii: mify i real'nost' (sotsiologicheskii analiz)*. 1992—2002 gg. Moscow, ROSSPEN, 512 p. [in Rus].
16. Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsiy v otsenkakh i suzhdeniyakh rossiiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza. Moscow, Ves' Mir, 2018. 384 p. [in Rus].
17. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (2012) *Psikhologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 43—52 [in Rus].
18. *Institutsional'naya politologiya: Sovremennyy institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii*. Moscow, ISP RAN, 2006. 600 p. [in Rus].
19. Karepova S.G., Pinchuk A.N., Nekrasov S.V., Tikhomirov D.A. (2019) *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no. 1, pp. 113—137 [in Rus].
20. Kirpichnikov A.I. (1997) *Vzyatka i korruptsiya v Rossii*. St. Petersburg, Alfa, 351 p. [in Rus].
21. Kirpichnikov A.I. (2004) *Rossiyskaya korruptsiya*. St. Petersburg Yuridicheskii tsentr Press, 437 p. [in Rus].
22. Kleyner V.G. (2014) *Voprosy ekonomiki*, no. 6, pp. 81—96 [in Rus].
23. Kleman K., Miryasova O., Demidov A. (2010) *Ot obyvateley k aktivistam: zarozhdayushchiesya sotsial'nyye dvizheniya v sovremennoy Rossii*. Moscow, Tri kvadrata, 688 p. [in Rus].
24. Klyamkin I.M., Timofeyev L.M. (2000) *Tenevaya Rossiya: Ekonomiko-sotsiologicheskoye issledovaniye*. Moscow, RGGU, 592 p. [in Rus].
25. Kordonskiy S.G. (2000) *Rynki vlasti: Administrativnyye rynki SSSR i Rossii*. Moscow, OGI, 237 p. [in Rus].
26. *Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystviye*. Moscow, Yurisprudentsiya, 2012. 688 p. [in Rus].
27. Krasnov M.A. (2006) *Personalistskiy rezhim v Rossii: opyt institutsional'nogo analiza*. Moscow, Liberal'naya missiya, 180 p. [in Rus].
28. Krylova Yu.V. (2012) *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ekonomika. Ser. 5, iss. 2*, pp. 41—55 [in Rus].
29. Levin M.I., Satarov G.A. (2010) *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 4—29 [in Rus].
30. Luneyev V.V. (2007) *Gosudarstvo i pravo*, no. 11, pp. 20—27 [in Rus].
31. Maksimov S.V. (2017) *Korruptsiya. Zakon. Otvetstvennost'*. Moscow, Institut gosudarstva i prava, 287 p. [in Rus].
32. Moshkin S.V. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 1 (75), pp. 72—78. [in Rus].
33. Nisnevich Yu.A., Stukal D.K. (2012) *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, no. 3, pp. 83—90 [in Rus].
34. Popova O.V. (2019) *Osobennosti vospriyatiya naseleniyem Rossii korruptsionnykh praktik // Aktual'nyye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii*. Ekaterinburg, Institut filosofii i prava UrO RAN, pp. 389—406 [in Rus].
35. *Protivodeystviye korruptsii*. Moscow, Yurayt, 2020. 427 p. [in Rus].
36. Rimskiy V.L. (2004) *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, № 6, pp. 68—79 [in Rus].
37. Rimskiy V.L. (2013) *Korruptsionnost' // Grazhdanskoye i politicheskoye v rossiyskikh obshchestvennykh praktikakh*. Moscow, ROSSPEN, pp. 59—71 [in Rus].
38. Rogozin D.M. (2014) *Politiya*, no. 2, pp. 97—117 [in Rus].
39. *Rossiyskaya korruptsiya: uroven', struktura, dinamika: opyt sotsiologicheskogo analiza*. Moscow, Liberal'naya Missiya, 2013. 752 p. [in Rus].
40. *Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya*. Moscow, Ves' Mir, 2017. 424 p. [in Rus].
41. Rouz R., Mishler U. (2009) *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*, no. 3 (101), pp. 22—33 [in Rus].
42. Rouz-Akerman S. (2010) *Korruptsiya i gosudarstvo: prichiny, sledstviya, reformy*. Moscow, Logos, 356 p. [in Rus].
43. Satarov G.A. (2007) *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 4—10 [in Rus].
44. Startsev Ya.Yu. (2019) *Antikorruptsionnyy diskurs vysshikh organov gosudarstvennoy vlasti RF: kolichestvennyy analiz // Aktual'nyye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii*. Ekaterinburg, Institut filosofii i prava UrO RAN, pp. 111—137 [in Rus].
45. Tavokin E.P., Shirokova O.V., Shishova Zh.A. (2014) *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no. 1 (119), pp. 70—86 [in Rus].
46. Shlyapentokh V.E. (2008) *Sovremennaya Rossiya kak feodal'noye obshchestvo*. Moscow, STOLITSA-PRINT, 328 p. [in Rus].
47. Abed G.T., Gupta S., eds. (2002) *Governance, Corruption and Economic Performance*. Washington, International Monetary Fund, 564 p. [in Eng].

48. Aslund A. (2019) *Russia's Crony Capitalism: The Path from Market Economy to Kleptocracy*. New Haven, Yale University Press, 336 p. [in Eng].
49. Beacháin D.Ó., Polese A., eds. (2010) *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures*. New York, Routledge, 272 p. [in Eng].
50. Cheloukhine S., King J. (2007) *Communist and Post-Communist Studies*, no. 40, pp. 107—122. [in Eng].
51. Dawisha K. (2014) *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* New York, Simon & Schuster, 469 p. [in Eng].
52. Gabowitsch M. (2017) *Protest in Putin's Russia*. Cambridge, Polity Press, 300 p. [in Eng].
53. Greene S.A. (2017) *Daedalus*, no. 146, pp. 113—127. [in Eng].
54. Gupta D. (2017) *Protest Politics Today*. Cambridge, Polity Press, 344 p. [in Eng].
55. Holmes L. (2008) *Europe-Asia Studies*, no. 60, pp. 1011—1031. [in Eng].
56. Holmes L. (2012) *Global Change, Peace and Security*, no. 24, pp. 235—250. [in Eng].
57. Johnson M., Suliman S., eds. (2014) *Protest: Analysing Current Trends*. New York, Routledge, 306 p. [in Eng].
58. Lankina T., Tertytchnaya K. (2020) *Post-Soviet Affairs*, no. 36, pp. 20—36 [in Eng].
59. Ledeneva A.V. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 235 p. [in Eng].
60. Mitchell L.A. (2012) *The Color Revolutions*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 256 p. [in Eng].
61. Pavroz A. (2017) *Communist and Post-Communist Studies*, no. 50, pp. 145—155. [in Eng].
62. Shevtsova L. (2005) *Putin's Russia*. Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 298 p. [in Eng].
63. Trottier D., Fuchs C., eds. (2014) *Social Media, Politics and the State: Protests, Revolutions, Riots, Crime and Policing in the Age of Facebook, Twitter and YouTube*. New York, Routledge, 251 p. [in Eng].

For citing: Pavroz A.V. Contradictions in perceiving corruption by Russia's population and its presentation in the official discourse // *Socium i vlast'*. 2021. № 1 (87). P. 7—21. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-07-21.

DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-07-21

UDC 323.2

CONTRADICTIONS IN PERCEIVING CORRUPTION BY RUSSIA'S POPULATION AND ITS PRESENTATION IN THE OFFICIAL DISCOURSE

Alexander V. Pavroz,

Saint Petersburg State University,
Professor of the Department Chair
of Russian Politics,
Doctor of Political Science.
The Russian Federation, 199034,
St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9.
E-mail: Sash79@rambler.ru

Abstract

Introduction. The problem of corruption continues to be relevant in Russia. More research is needed to effectively combat corruption. Studying corruption in the context of general issues of contemporary Russian politics is particularly relevant in this regard.

Purpose. The article is aimed at disclosing contradictions associated with perceiving corruption by the population of Russia and its representation in the official discourse.

Methods. The author uses the following methods: analysis of statistical data, analysis of the results of public opinion polls, and discourse analysis.

Scientific novelty of the research. The article demonstrates the discrepancy between citizens' perceptions of corruption and their attitudes regarding power and the political regime. The author shows the inconsistency of the official discourse on corruption in Russia.

Results. The article reveals the peculiarities of perceiving corruption by the population of Russia. Citizens' perceptions of corruption correlate with their attitudes towards power and political regime. The author shows the key features of depicting corruption in the official discourse.

Conclusions. Widespread perceptions of high levels of corruption have little impact on public support for the Russian political regime. In the mass consciousness, there is no understanding of the connection between corruption, an ineffective economy and a low standard of the population's living. Corruption is not a significant factor in protest moods, although many causes of social discontent are somehow related to corruption. Reflections of corruption in official discourse are incomplete and internally inconsistent. The approaches to combating corruption proclaimed in the official discourse are not fully implemented in the current anti-corruption policy.

Key concepts:
corruption,
public opinion,
official discourse,
political regime,
Russia.

Для цитирования: Кирчанов М. В.
Критика грузинскими интеллектуалами
политических элит во второй
половине 2010-х гг. //
Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 22—31.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-22-31.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-22-31

УДК 323.396 + 329.17

КРИТИКА ГРУЗИНСКИМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 2010-Х ГГ.

Кирчанов Максим Валерьевич,
Воронежский государственный университет,
факультет международных отношений,
доцент кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран,
доктор исторических наук.
Российская Федерация, 394018,
г. Воронеж, Университетская площадь, 1.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация

Введение. Автор полагает, что отношения власти и интеллектуалов в постсоветской Грузии варьируются от активного участия интеллигенции в политике до разочарования представителей интеллектуального сообщества в политике и в правящих элитах. Предполагается, что политика как процесс перестала интересовать общества, несмотря на динамичную политическую жизнь, включая выборы, активность партий и дискуссии идеологических противников в парламенте.

Цель. Целью статьи является анализ процесса общественного разочарования в политике в современном грузинском интеллектуальном сообществе.

Методы. Автор использует методы изучения интеллектуальных сообществ, применяя принцип историзма и сравнительного подхода, позволяющие выявить и систематизировать основные особенности процесса деполитизации грузинского общества.

Научная новизна. Предлагается новая интерпретация роли интеллектуалов в процессах социального разочарования в политика, основанная на анализе оригинальных источников на грузинском языке.

Результаты. Автор полагает, что 1) грузинское интеллектуальное сообщество во второй половине 2000-х годов начало утрачивать активный интерес к собственному участию в политике; 2) политические партии также вынуждены констатировать кризис поддержки и лояльности потому, что элиты и общество развиваются независимо, а их интересы совпадают редко; 3) культура становится альтернативным проектом, которые привлекает гражданское общество больше чем реальная политика; 4) активное политическое участие Церкви содействует эрозии политической культуры, вынуждая интеллектуалов разочаровываться в политике, воспринимаемой как клановая и коррумпированная сфера деятельности.

Выводы. Проанализированы проявления разочарования грузинских интеллектуалов в политике во второй половине 2000-х годов, что стимулировало их выбор культурных практик как универсальной альтернативы политизации интеллектуальных сообществ, определявшей основные векторы развития Грузии в предшествующий период.

Ключевые понятия:

Грузия,
политика,
элиты,
интеллектуалы,
разочарование в политике,
деполитизация.

Формулировка проблемы

Проблемы отношения грузинского социума и правящих элит занимают значительное место в современной истории Грузии. По мнению ученых, отношения между элитами и обществом могут быть различны. Если в одних случаях правящий режим и интеллигенция существуют в условиях конфронтации, то в других они могут взаимовыгодно взаимодействовать друг с другом. В ряде стран сложилась содержательно другая ситуация, которая характеризуется несколькими особенностями: политические институты власти относительно стабильны и могут вполне успешно функционировать, воспроизводя сложившуюся систему; общество также консолидировано, но относится к власти по-разному — от массовой поддержки до открытой оппозиционности, аполитичности или плохо скрываемого раздражения, которое, как правило, проявляется на страницах интеллектуальных журналов и близких к ним Интернет-ресурсов. Специфика же ситуации состоит в том, что в таких государствах регулярно реализуются электоральные процедуры, существует многопартийная система, политическая повестка дня регулярно обновляется, но значительной части интеллектуального сообщества все эти процессы малоинтересны.

Цель и задачи статьи

Поэтому в центре авторского внимания в этой статье будут проблемы деполитизации интеллектуального сообщества в современной Грузии. Целью статьи является анализ процесса общественного разочарования в политике. Задачами статьи являются анализ истоков подобной общественной маргинализации политики, изучении основных доводов и аргументов тех интеллектуалов, которые проявляют свое разочарование в политике, анализ перспектив развития государства, где правящие элиты политически и идеологически мотивированы в то время, как социум все в большей степени начинает артикулировать свою аполитичность.

Политические основания интеллектуальной критики грузинских элит

До распада СССР, по мнению ряда исследователей, отношения между властью и интеллигенцией отличался значительной устойчивостью, основанной на зависимости второй от первой. Поэтому «содержательные, методологические и терминологиче-

ские модели интерпретации» [3] реальности практически не менялись. Три десятилетия постсоветского развития республик бывшего СССР, включая Грузию, привели к тому, что основные векторы развития идентичности стали качественно и содержательно другими в сравнении с советским опытом. Несмотря на то, что «правящая элита и интеллигенция были главными действующими лицами, которые создали язык национальной идентичности»¹, на смену росту национализма [8] пришло разочарование в нем, а универсальность националистического языка была поставлена под сомнение в условиях, когда политическая система в минимальной степени реализовала свои функции как пространства для диалога, раздробленности оппозиции, сохранения нерешенных социальных проблем, нарастания угрозы мутации республики в «партийные княжества»² и очевидной клановости, которая сложилась в грузинской политике, определяемой критиками правящих элит как неосоветская.

В то время как партийные элиты и профессиональные политики в Грузии начали активно продвигать в СМИ нарративы о кризисном состоянии политической сферы, тем самым, признавая растущий общественный скепсис в отношении самих себя во второй половине 2010-х годов, то общество сделало первые шаги в направлении расставания с политическими иллюзиями, возникшими на волне эйфории от восстановления независимой государственности, значительно раньше профессиональных политиков. Первые элементы проявления социального скепсиса стали заметны уже в конце 1990-х годов, когда бывшие советские интеллигенты пережили чувство разочарования первыми последствиями независимости, которые проявились в политическом кризисе, гражданской войне, утрате территорий [4], ощутив утомление от постсоветского режима, содержащего в себе все родовые травмы подобных систем — от бедности до коррупции [11]. Кроме этого, стало очевидно, что в независимости от формальной политической

¹ მამისაშვილი ხ. სამშობლო, ერი-სახელმწიფო და ქართული ელიტები (Мамисашиვი Х. Родина, национальное государство и грузинские элиты). URL: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/10/11/ხათუნა-მამისაშვილი-სამშობლო/> (на груз. языке).

² შამიაშვილი თ., ხასია ზ. ისევ გრძელდება ქვეყნის პარტიულ სამთავროებად დაყოფა და დაპირისპირება პოლიტიკაში და პოლიტიკის გარეთაც! (Шашиашвили Т., Хасиа З. Разделение страны на партийные княжества и споры в политике и вне политики продолжают). URL: <http://iverioni.com/ge/16128-isev-grdzeldeba-qveynis-partiul-samthavroebad-dayofa-da-dapirispireba-politikashi-da-politikis-garethac.html> (на груз. языке).

принадлежности элиты склонны решать свои групповые задачи [14], игнорируя интересы общества, проводя политику, которая по своей природе является антиинтеллектуальной. В середине 2010-х годов журналист Рати Абуладзе патетически декларировал, что «вместо политических коалиций стране нужна новая политика»¹, а политический обозреватель Заур Начкебия писал о «фальшивой демократии» и указывал на неэффективность олигархических групп у власти². Гиорги Майсурадзе, грузинский журналист, комментируя особенности политической ситуации в Грузии, предположил, что формально правящие элиты обладают только ограниченным суверенитетом, который не только не распространяется на Абхазию и Цхинвальский регион, но и на Православную Церковь, открыто и демонстративно игнорирующую решения правительства в отношении соблюдения карантина и ограничение, наложенное на посещение храмов и церквей³.

Концепт «симуляции власти»⁴ с характерными для него претензиями на универсальность стал одним из модулов описания и анализа ситуации, при которой, по мнению ряда авторов-интеллектуалов, «государственная система угнетает своих граждан криминальными формами и не позволяет им добиваться правосудия... такая система не была создана в Грузии ни при прежнем правительстве, ни при нынешнем правительстве, она существует уже давно»⁵. Из-за этого в первой полови-

не 2010-х годов предположения о кризисе эстетики политического режима, неспособности решать внешнеполитические проблемы [16], его вторичности и имитативном, симуляционном характере стали высказываться более часто. Например, литературный критик Вако Нацвлишвили в отношении режима М. Саакашвили отмечал, что «эстетика Саакашвили основана на подражании... все введенные им формы являются копиями других оригиналов... бутафория, вырванная из культурного контекста, заняла место всех аутентичных институтов в Грузии»⁶.

Комментируя ситуацию сложившуюся к 2017 году, некоторыми политическими и культурными обозревателями декларируется «символичность того, что в прошлом году министерство экономики и развития Грузии продало здание, в котором находилось само министерство. Это решение хорошо отражает парадигму экономического развития, которую Грузия преследует в течение последних трех десятилетий. С советских времен в Грузии процветали национальные движения, и распад Советского Союза привел к росту влияния националистических групп... Независимость стала постоянной “пассивной революцией”, в которой нет ничего революционного»⁷. Подобные настроения в большей степени характерны для левой части интеллектуального сообщества [6] в силу того, что контроль над дискурсом фактически получили правые, предлагающие свои векторы и траектории интеллектуального развития [21], игнорируя идеи левых критиков, для которых в одинаковой степени неприемлемы неолиберальная экономическая модель и сближение правых с националистами.

Общегуманитарные основания разочарования в политике

Метаморфозы развития и трансформации интеллектуального сообществ [20] в постсоветский период самым тесным образом связаны с общей динамикой изменений в гуманитарных и социальных науках. В то время как в 1950—1975 годы,

¹ აბულაძე რ. ქვეყანა ახალ პოლიტიკას საჭიროებს! (Абуладзе Р. Стране нужна новая политика!). URL: <http://iverioni.com.ge/16176-rati-abuladze-qveyana-akhali-politikas-satciroeb.html> (на груз. языке).

² ნაცყებია ზ. ქვეყანა არა ოლიგარქებმა, არამედ, ქართულ ღირებულებებზე ორიენტირებულმა ადამიანებმა უნდა მართონ! (Начкебия З. Страной должны править не олигархи, а люди, ориентированные на грузинские ценности!). URL: <http://iverioni.com.ge/10236-qveyana-ara-oligarqebmaramed-qarthul-ghirebulebebze-orientirebulmadamianebma-unda-marthon.html> (на груз. языке).

³ მაისურაძე გ. პანდემია და ქართული სახელმწიფოებრიობის დაუსრულებელი პროექტი (Майсурадзе Г. Пандемия и незавершенный проект грузинской государственности). URL: <https://ge.boell.org/ka/2020/04/22/pandemia-da-kartulisakhelmciproebricobis-dausrulebeli-proekti> (на груз. языке).

⁴ თევზაძე გ. საქართველო: ძალაუფლების სიმულაციები (Тевзадзе Г. Грузия: моделирование силы). URL: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=542> (на груз. языке).

⁵ ფერაძე ქ. სახელმწიფო სისტემა საკუთარი მოქალაქეების წინააღმდეგ (Ферадзе К. Государственная система против собственных граждан). URL: <https://www.timer.ge/სახელმწიფო-სისტემა-საკუთარი> (на груз. языке).

⁶ ნაცვლიშვილი ვ. მიზა და ცრუ რედი-მედი. დამოხმალურება გიორგი მაისურაძის ბლოგზე «მუზა და მიზა» (Нацвлишвили В. Миша и фальшивая рыжая дева. Ответ на блог Георгия Майсурадзе «Муза и Миша»). URL: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1022> (на груз. языке).

⁷ ხუნდაძე ტ. რატომ გვჭირდება განვითარების ახალი პარადიგმა? (Хунდაдзе Т. Зачем нужна новая парадигма развития?). URL: <http://european.ge/ratom-gvchirdeba-ganvitarebis-axali-paradigma/> (на груз. языке).

по мнению французского историка Ф. Доса, «безраздельно господствовала структуралистская парадигма», представлявшая собой «критическую парадигму, основанную на соединении лингвистики как дисциплины-образца и двух господствующих дисциплин — социологии и этнологии, и двух авторитетных доктрин — марксизма и психоанализа», то в грузинском интеллектуальном сообществе на статус структурализма как универсальной парадигмы претендовал этнический национализм [15], к началу 1980-х гг. «пришла новая парадигма в центре которой оказалась не структура, а историчность» [1], то в грузинской интеллектуальной среде 2010-х годов более слышимыми стали голоса сторонников ревизионизма доминировавших нарративов и, поэтому, на смену нации, которая воспринималась как универсальная ценность, основанная на категориях этничности, пришли концепты «общества», «гражданства» и «политической нации» [18], ранее незаметные в тени доминирования этнического национализма.

Постсоветские интеллигенции республик [21], которые образовались после распада СССР, столкнулись с кризисом воображения / изобретения идентичности, что отразилось на тактиках и стратегиях воображения сообщества [12]. На смену политической эйфории интеллектуалов, которые принимали участие в восстановлении государственной независимости пришло разочарование в самой политике, участникам и лидерам которой просто неинтересно знать как живут «среднестатистические грузины в нашей среднестатистической стране»¹. В этой ситуации к концу 2010-х годов лозунг-требование «Нам нужны новые герои»² становится более востребованным, а интеллектуалы все больше укрепляются в идеологеме и мифологеме, ставшей фактически общим местом в современном политическом воображении о том, что «Грузия и грузинский народ остаются под ветром идеологической пропаганды», которая, с одной стороны, вынуждает бороться с «нашим собственным правительством», а, с другой — с Россией, которая, по мнению грузинских авторов, стремится «проводить свою собственную политику гегемонии»³.

¹ კარელიძე თ. სამუალო სტატისტიკური ქართველი (Карелидзе Т. Среднестатистический грузин). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/30388/sashualo-statistikuri-qartveli> (на груз. языке).

² ახვლედიანი ა. რევოლუციის შვილები (Ахвლედიანი А. Дети революции). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/45812/revolutsiis-shvilebi> (на груз. языке).

³ არონია გ. საქართველოს მთავრობა, კერძო სექტორი და სამოქალაქო საზოგადოება პროპაგანდას ერთად

Осознание необходимости перемен, как подчеркивал в первой половине 2010-х годов культурный критик Гиа Эдзгверадзе, сочеталось с тем, что основные парадигмы развития грузинского общества мутируют, социально и культурно меняются, качественно и содержательно становясь другими, отличными от тех, которые доминировали в поздней советской или ранней постсоветской Грузии. Рефлексии грузинских интеллектуалов относительно советского прошлого имеют отношение не только к идеологически мотивированным проработкам истории в контекстах актуальной политической ситуации, но самым тесным образом оказываются «связанными с выработкой идентичности в настоящий момент» [7]. Поэтому, по мнению ряда интеллектуалов, «ритуальные практики сохранения и выживания» становились в грузинском обществе «чисто атавистическими». Не удивительно и то, что логически продолжая это предположение Гиа Эдзгверадзе предполагает, что главная задача Грузии как независимого государства состоит в том, чтобы «поставить перед народом решающий императив, расширять, перевести и установить ориентир. Сегодня мы, и смехотворно и позорно заменили эту заповедь смелым выкриком слова «демократия»»⁴. Поэтому понятие «аполитичность»⁵, которое в чрезвычайно политизированной и идеологически мотивированной Грузии 1990—2000-х годов казалось неуместным и бессмысленным, оказывается все более популярным у молодого поколения интеллектуалов, озабоченных отчуждением власти от общества и опасющихся односторонних политических трансформаций, например — внесения поправок в Конституцию без референдума и их общественного обсуждения⁶.

Таким образом, в Грузии к середине 2010-х годов сложилась противоречивая

ავრცელებენ (Арония Г. Правительство Грузии, частный сектор и гражданское общество вместе распространяют пропаганду). URL.: <http://liberali.ge/articles/view/46264/saqartvelos-mtavroba-kerdzoseqtori-da-samoqalaqo-sazogadoeba-propagandas-ertad-avrtseleben--oqsford> (на груз. языке).

⁴ ებგვერადე გ. თვალსაზრისი: ინტელექტი და ქართული საზოგადოება (Эдзгверადзе Г. Перспектива: интеллект и грузинское общество). URL.: <http://liberali.ge/articles/view/3378/tvalsazrisi-intesti-da-qartulisazogadoeba-meore-natsili> (на груз. языке).

⁵ ქურდაძე ს. ისევ სსრკ-ში (Курдаძე С. Опять в СССР). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/45827/Backto-USSR> (на груз. языке).

⁶ მენაბდე ვ. კონსტიტუციის გადასინჯვა საყოველთაო სახალხო განხილვის გარეშე (Менаბდე В. Пересмотр Конституции без всеобщего рассмотрения). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/33231/konstitutsiis-gadasinjva-sayoveltaosakhalkho-gankhilvis-gareshe> (на груз. языке).

ситуация непонимания интеллектуалов и власти, хотя формально основания для кризиса отношений между государством и значительной частью общества были минимальны. И представители политических элит, и интеллектуалы сделали ставку на западную модель развития, определив политический курс, направленный на конфронтацию с Россией и интеграцию в евро-атлантические структуры единственно верным. Несмотря на это формальное совпадение декларируемых целей, в Грузии не сложилось единства между элитами и интеллектуалами, так как политические элиты руководствовались рациональным политическим расчётом, а интеллектуалы оказались чрезмерно радикальны в своих проектах развития общества, хотя несколькими годами ранее и правящие элиты, и интеллектуалы были солидарны в период «революции роз», что частично стимулировалось общими источниками финансирования, представленными западными фондами.

Интеллектуалы как критики власти

Отличительной особенностью восприятия власти со стороны грузинского общества к середине 2010-х годов стало укрепление резко критического отношения, простимулированного разочарованием и несовпадением реалий жизни с ожиданиями. Поэтому число критиков политических элит расширяется и наряду со светскими интеллектуалами в их число входят и некоторые представители Грузинской Церкви. К концу 2010-х годов, несмотря на оптимистические декларации лидеров партий о том, что «Грузия — развитое, демократическое государство с сильными демократическими институтами»¹, свое разочарование в политике стали открыто высказывать и представители Церкви, которая до этого демонстративно актуализировала свою лояльность правительству. В целом светские интеллектуалы и их сторонники в Церкви согласны с тем, что грузинское общество не просто гетерогенно (что в принципе нормально), но идеологически и политически поляризовано и «далеко от единства»², даже в тех случаях,

когда речь идет о национальных интересах. В частности, в 2019 году священник Андриа Сариа, комментируя как особенности сложившегося в Грузии режима, так и последствия его существования для общества, подчеркивал, что элиты «забрали нашу свободу, они забрали наше образование, они забрали нашу экономику, они съели наше государство, они разрушили сознание нации, и как мы можем назвать их правителями государства? Мы можем обвинить националистов в смущении общества, но что мы можем сказать в пользу этого правительства?! У нас есть больший враг, чем Россия?... церковь дала нам послушных правителей, развивая патернализм бесполезных депутатов, пребывающих во власти. Наши тела и души пленены ими... и слабо развитым, торгашеским и бесполезным правительством»³. Дякон Илия Чигладзе полагает, что грузинское общество сталкивается с аналогичными проблемами в политической и религиозной жизни, включая «невежество, идолопоклонство, лицемерие, жадность, зарабатывание денег, ложь»⁴, а архиепископ Бодбийский Иаков и вовсе определил политические элиты современной Грузии как «большевистские»⁵, потому что они склонны акцентировать внимание на взаимных претензиях, отрицая достижения предшественников.

Вероятно тот факт, что политическая и нравственная критика политических элит начала звучать и со стороны Церкви, точнее — ее отдельных представителей, свидетельствует о том, что элиты как форматоры политического режима постепенно скатываются в состояние кризиса, так как доверие к ним со стороны общества постепенно минимизируется и сокращается [3]. Ситуация осложняется и тем, что к концу 2010-х годов Патриарх Илия II в значительной степе-

ganvikhthkhavth-erthmaneths-ghmerthma-gvapatioes-dzalian-didi-danashauli/ (на груз. языке).

³ სარია ა. გამოღვიძების დროა, ეს კაცი მანველებია (Сариа А. Пора просыпаться — человеку больно). URL.: <https://www.timer.ge/mghvdelmomazonimama-adria-saria-gamoghvidzebis-droa-es-kacimavnebelia/> (на груз. языке).

⁴ ჭილაძე ი. რა უნდა მოვთხოვო საერო (Чигладзе И. Что я должен просить у светских властей). URL.: <https://www.timer.ge/ra-unda-movthkhovo-saerokhelisuplebas-rodasac-modzalade-iakobi-rchebamomqmed-episkoposad/> (на груз. языке).

⁵ იაკობი, საქართველოს ყველა ხელისუფლება ერთმანეთს ემსგავსება და საბოლოო ჯამში ყველანი ბოლშევიკები არიან (ო. Иаков, Все правительства Грузии одинаковы, и в конце концов все они — большевики). URL.: <https://www.timer.ge/saqarthvelos-khvela-khelisupleba-erthmanethsemsgavseba-da-sabooloo-jamshi-khvelani-bolshevikebi-arian/> (на груз. языке).

¹ პოლიტიკური საბჭოს წევრის გაი ვოლსკის განცხადება (Заявление Гии Вольски, члена Политсовета). URL.: <http://41.ge/new/796-politikuri-sabchos-tsevrish-giavolskis-ganckhadeba> (на груз. языке).

² მჭედლიშვილი ი. სამწუხაროდ, ერთობისგან ძალიან შორს ვართ, განვიკითხავთ ერთმანეთს, ღმერთმა გვაპატიოს ეს ძალიან დიდი დანაშაული (Мchedlishvili ი. К сожалению, мы очень далеки от единства, мы судим друг друга, и простит нас Бог за это очень большое преступление). URL.: <https://www.timer.ge/arqimandriti-ioane-mchedlishvili-samtukharod-erthobisgan-dzalian-shors-varth>

ни утратил доверие со стороны общества, особенно — прозападных интеллектуалов, оценки которых в отношении его деятельности варьируются от обвинения Церкви в поддержке гомосексуального лобби в Церкви до поддержки сепаратистов¹ и проведения политики в интересах России². Поэтому, некоторыми светскими авторами Церковь и вовсе определяется как «политический союз ювелиров»³, обвиняя иерархов в стяжательстве и накопительстве. Политический аналитик Гоча Мирцхулава в связи с этим подчеркивал, что те, кто выступает в защиту Патриарха, фактически защищают российское влияние в Грузии⁴, что также актуализирует разочарование определенной части общества, как в политике, так и в политизированной Церкви. В этой ситуации Грузинская Церковь вместо того, чтобы стать площадкой для диалога, наоборот, актуализировала как противоречия среди самих интеллектуалов, где голос ее критиков был явно громче голоса ее защитников, так и подчеркнула растущее чувства разочарование и скепсиса относительно элит потому, что Церковь воспринимается в качестве союзника власти.

Скептицизм грузинского интеллектуального сообщества настолько значителен [13], что некоторые интеллектуалы начали задавать провокационные вопросы относительно нужности/ненужности, важности/неважности тех политиков прошлого, кото-

рые в XX веке были воображены как отцы нации, то есть начали продвигать идеи необходимости ревизии истории Грузии. Особенностью развития современной грузинской идентичности в той версии, которую продвигают интеллектуалы, настаивающие на факте параллельного сосуществования власти и общества [9], является устойчивый культурный тренд [10], воспринимаемый в качестве возможности консолидировать интеллектуальное сообщество, которое в значительной степени фрагментировано и гетерогенно [19]. Грузинские интеллектуалы, определяемые как «культурно-интеллектуально-богословская элита» сосуществуют с оставшимися грузинскими интеллигентами — и первое, и второе сообщества очень гетерогенны, там и там есть свои радикалы, маргиналы и консерваторы⁵, что создает условия для их использования их различных мнений представителями власти в целях собственной легитимации и оправдания управления столь нестабильным обществом.

Такая политическая динамика на протяжении существования современной независимой Грузии, воспринимаемой иногда как «вечнозеленая и молодая грузинская демократия», привела к постепенному разочарованию интеллектуалов [19], делающих «огромную работу в условиях деинтеллектуализации, проводимой властью в политике» [2]. Поэтому интеллектуалы предпочли превратить культуру в своеобразную резервацию и интеллектуальное гетто, отделенное от дискредитировавших себя политических пространств. Политический аналитик Вахушти Менабде, например, в 2018 году ответственность за подобную ситуацию возлагал на политические элиты, которые «разрушили идею политики... фактически, конечная задача политического единства — создание справедливого общества. Грузинская политика объявила справедливость инструментом, который должен служить личному благополучию политиков... Грузинская политика представляется нам как поле битвы, заполненное бесполезными призраками, которое не имеет ничего общего с реальностью и не отражает проблемы общества... В такой ситуации политика как механизм достижения справедливости больше не существует. Политика разрушается как идея взаимной заботы и взаимной поддержки граждан»⁶. Поэтому грузинские

¹ მირცხულავა გ. დიდი ღალატი — რუსეთის ეკლესია აფხაზეთში ილია მეორესთან შეთანხმებით მოქმედებს (Мирцхулава Г. Великое предательство — Русская Церковь в Абхазии действует по соглашению с Илией II). URL.: <https://www.timer.ge/didi-ghalati-rusetshis-eklesia-apkhazethshi-ilia-meoresthan-shethankhmbith-moqmedebts/> (на груз. языке).

² მირცხულავა გ. დაბეჯითებით, ვამბობ — რაც ახლა ეკლესიის გარშემო ხდება არის საპატრიარქოს ინსპირირებული და რუსული სცენარი (Мирцхулаვა Г. Я настаиваю: то, что сейчас происходит вокруг церкви — это сценарий Патриархата, вдохновленный русскими). URL.: <https://www.timer.ge/gocha-mirckhulava-dabejithebith-vambob-racakhla-eklesiis-garshemo-khdeba-aris-sapatriarqos-inspirebuli-da-rusuli-scenari/> (на груз. языке).

³ ღმერთის არ გწამთ? ზურაბ ჯაფარიძის აქცია-პერფორმანსი საპატრიარქოსთან (Вы не верите в Бога? Акция-перформанс Зураба Джапаридзе у Патриархата). URL.: <https://www.girchi.com/ge/media/news/3099-ghmertis-ar-gcamt-zurab-japaridzis-aktia-performansi-sapatriarkostan/> (на груз. языке).

⁴ მირცხულავა გ. კარგად გაიხსენეთ რამდენი იქრო-ვერცლის სანაცვლოდაც კი ვერ შესძლო საპატრიარქოსთვის რქების მოგრეხვა ნაცემორაობამ (Мирцхулаვა Г. Помните, что и Национальное движение не могло подчинить Патриархат в обмен на большие деньги). URL.: <https://www.timer.ge/kargad-gaikhseneth-ramdeni-ikro-verclisanacvlodac-ki-ver-shesdzlo-sapatriarqosthvis-rqebis-mogrekhva-nacmodzrabam/> (на груз. языке).

⁵ ასათიანი ს. პოპულიზმი და უფრო მეტი. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/3539690.html> (на груз. языке).

⁶ მენაბდე ვ. როგორ მოგვპარეს პოლიტიკა (Менабდე В. Как политика украла нас). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/41011/rogor-mogvpare-politika> (на

интеллектуалы на современном этапе, став заложниками как своих внутренних противоречий, так и собственной зависимости от правящих элит, вынуждены критиковать политический класс, хотя степень воздействия подобно критике остается крайне незначительной в силу того, что сами интеллектуалы и являются ее потребителями.

Современное интеллектуальное сообщество не только выступает в качестве критика власти, но и стремится найти компромиссные ценностные и этические принципы, которые консолидировали бы общество. Культура, как полагают интеллектуалы, актуализирует различные исторические и современные формы грузинской идентичности, а также вероятные траектории и направления ее будущего развития. Эта вера, вероятно, возникла как одно из последствий разочарования интеллектуалов в актуальном политическом курсе правящих элит. Гиорги Кекелиани, политический публицист и комментатор, комментируя специфику грузинской ситуации, в 2017 году подчеркивал, что, «как только страна стала независимой, грузинское политическое мышление всегда характеризовалось жесткой амбивалентностью. Последнее вполне справедливо можно отнести и к политической культуре, которая серьезно пострадала от деградации советского режима в течение 70 лет. Как только начался процесс демократизации и сформировалась многопартийная система, сразу же стало очевидно, насколько печален этот недавно освободившийся грузинский политический театр»¹.

Грузинские интеллектуалы в подобной ситуации не только констатируют странность современного грузинского общества, воспринимаемого как «поле, в котором внутренние галлюцинации каждого нормально-го человеческого организма приобретают условную иллюзорную реальность. Другими словами, в обществе существует постоянная иллюзия, что внутренние галлюцинации организма не обязательно являются галлюцинаторными, то есть вещами, которые не соответствуют действительности»², но и вынуждены признавать несоответствие моральных норм с теми правилами, которые доминируют в политике, вынужденно кон-

статуируя, что ни один грузинский политик не сможет «добиться успеха в общественной сфере Грузии, если не будет манипулировать историческими, традиционными и моральными ценностями»³.

Поэтому интеллектуалы как особая группа в рамках современного грузинского общества [5] склонны настаивать на том, что Грузия имеет «сложное историческое прошлое», приведшее к тому, что, с одной стороны, «ни одна из политических групп не смогла стать народным правительством, не смогла пересечь границу отчуждения между ним и народом... граждане по-прежнему находятся в состоянии внутреннего протеста и недоверия к властям», а, с другой стороны, те «партии», которые заметны в политическом пространстве (от условных националистов до не менее условных либералов) не имеют постоянных сторонников и избирателей⁴ в силу их неспособности реально изменить ситуацию в стране, создав новый политический класс⁵. В связи с этим культурный критик Еленэ Сичинава подчеркивает, что хотя «неэффективность и бесчеловечность» разрушили Советский Союз и теперь «мы живем в Грузии», тем не менее, перспективы развития и его возможные траектории остаются неясными в силу того, что грузинские интеллектуалы не в состоянии ответить на вопрос: «Что мы хотим сейчас?»⁶

Именно этот вопрос не только сделал видимыми амбиции интеллектуалов, но и обострил чувства ожидания перемен, вскрыв глубину и степень противоречий, существующих в современном грузинском обществе между правящими политическими элитами и интеллектуальными сообществами, чье влияние редуцировано до уровня университетов, академий, культурных проектов и инициатив, а также немногочисленных литературных журналов. Примечательно,

¹ რაინდად ყოფნის ტვირთი (Бремя рыцаря). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/20031/raindad-yofnistsvirti> (на груз. языке).

² საბაშვილი ა. რატომ არ ჰყავს ქართულ პოლიტიკურ პარტიებს სტაბილური ამომრჩეველი? (Сабашвили А. Почему у грузинских политических партий нет стабильных избирателей?). URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/რატომ-არ-ჰყავს-ქართულ-პოლიტიკურ-პარტიებს-სტაბილური-ამომრჩეველი-/30297084.html> (на груз. языке).

³ აბულაძე რ. ძველი პოლიტიკა ახალ პოლიტიკურ კლასს ვერ შექმნის! (Абуладзе Р. Старая политика не может создать новый политический класс!). URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/ძველი-პოლიტიკა-ახალ-პოლიტიკურ-კლასს-ვერ-შექმნის-/30402629.html> (на груз. языке).

⁴ სიჭინავა ე. თაობა, რომელიც მოიგებს ომს (Сичинаვა Э. Поколение, которое выигрывает войну). URL.: <http://liberali.ge/blogs/view/45857/taoba-romelitsmoigebbs-oms> (на груз. языке).

გруз. языке).

¹ კეკელიანი გ. იდეოლოგიური დაპირისპირება: ქართული ოცნება vs ევროპული საქართველო (Кекелиანი Г. Идеологический спор: Грузинская мечта vs Европейская Грузия). URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-giorgi-kekeliანი-ideologiური-dapirispireba/28840521.html> (на груз. языке).

² ლეკიაშვილი მ. ზღურბლი (Лекиашвили М. Попор). URL.: <https://www.liberali.ge/blogs/view/24923/zghurbli> (на груз. языке).

что только политические элиты оказались в состоянии предложить ответ на этот вопрос, сводящийся к интеграции страны в евро-атлантические структуры, и, хотя этот ответ был выработан при участии части грузинского интеллектуального сообщества, большинство интеллектуалов все же в отношении принятия этого решения оказались в маргинальном положении.

Выводы

Вовлеченность в политический процесс как профессиональных политиков, так и интеллектуалов в Грузии привели к противоречивым результатам, которые отражаются практически во всех сферах жизни современного грузинского общества, в том числе — и в средствах массовой информации, которые не только транслируют но и формируют отношение граждан к политике. Несмотря на осознание и понимание этой амбивалентной ситуации, ресурсы грузинского интеллектуального сообщества остаются крайне ограниченными в силу того, что в стране сложилась неосветская модель политической коммуникации и взаимоотношений между элитами и гражданским обществом, которое периодически мобилизуется или для легитимации решений элит или для борьбы с последними.

Вместе с тем политическая динамика в Грузии свидетельствует о том, что гражданское общество к концу 2010-х годов успело стать определенной силой, с которой власти вынуждены в большей или меньшей степени считаться, хотя интеллектуалы предпочитают поддерживать дистанцию от правящих политических элит, пребывая в своих культурных и гуманитарных резервациях, где могут заниматься воспроизводством и продвижением гранд-нарративов, генетически вытекающих из культурной памяти. В целом, в современной Грузии сложилась в определенной степени странная ситуация, основанная на дуализме: с одной стороны, профессиональные политики в значительной степени активны, но, с другой, общество, ставшее гражданским, уже не испытывает того интереса к политике, который оно испытывало в начале 1990-х годов, когда Грузия восстановила свою независимую государственность. Поэтому представители грузинского гражданского общества менее охотно становятся политиками, что свидетельствует как об их определенном разочаровании в политике, так и о том, что интеллектуалы смогли извлечь уроки из неудачного опыта собственной активной политизации в ранней постсоветской Грузии.

Политические и интеллектуальные сооб-

щества современной Грузии развиваются параллельно и почти независимо друг от друга, но векторы и траектории развития и трансформации политической сферы и интеллектуальных сообщества являются противоположными, а интересы — разнонаправленными. Грузия унаследовала от Грузинской ССР мощную креативно и критически мыслящую интеллигенцию, которая социально и культурно за годы независимости мутировала в интеллектуальные сообщества западного типа, не только получавшие поддержку со стороны зарубежных фондов, но и фактически легитимировавшие «революцию роз» и последующие политические изменения. Поэтому разочарование интеллектуалов в политике частично стало и следствием их более ранней вовлеченности в политику, хотя по мере консолидации режима властвующие элиты перестали испытывать необходимость в их услугах. В этой ситуации нельзя исключать того, что тенденции к дальнейшему росту аполитичности или разочарования в политике среди грузинских интеллектуалов будут возрастать, что усилит фрагментацию общества, превратив политику и гуманитарную активность интеллектуалов в социо-культурные резервации, сосуществующие формально в рамках одного социума, но фактически очень разнообразные и гетерогенные, основанные как на различных формах идентичности, так и на социальной и исторической памяти.

1. Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М. : РОССПЭН, 2013. С. 9—56.

2. Інтэлектуальная сітуацыя Беларусі. Апытанне // Палітычная сфера. 2013. № 21 (2). С. 63—77.

3. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. № 3. С. 20—25.

4. Bozóki A. Intellectuals and Politics in Central Europe. Budapest: Central European University Press, 1998. 306 p.

5. DiLeo J. The New Public Intellectual: Politics, Theory, and the Public Sphere. London ; New York : Palgrave Macmillan, 2016. 231 p.

6. Fawn R. Ideology and National Identity in Post-communist Foreign Policy. London ; New York : Routledge, 2004. 254 p.

7. Friedman J. Myth, History, and Political Identity // Cultural Anthropology. 1992. Vol. 7. No. 2. P. 194—210.

8. Goff K. A. Nested Nationalism: Making and Unmaking Nations in the Soviet Caucasus. Cornell University Press, 2021. 336 p.

9. Jennings J. *Intellectuals in Politics*. London ; New York : Routledge, 2013. 256 p.

10. Lilla M. *The Reckless Mind: Intellectuals in Politics*. New York : New York Review Books Press, 2016. 249 p.

11. Lim E. *The Anti-Intellectual Presidency: The Decline of Presidential Rhetoric from George Washington to George W. Bush*. Oxford : Oxford University Press, 2012. 208 p.

12. Lindner R. *New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27, No. 4. P. 631—647.

13. López E., Leighton W. *Madmen, Intellectuals, and Academic Scribblers: The Economic Engine of Political Change*. Stanford : Stanford University Press, 2014. 204 p.

14. MacDonald H. *The Burden of Bad Ideas: How Modern Intellectuals Misshape Our Society*. New York : Ivan R. Dee Press, 2014. 256 p.

15. Manning P. *Strangers in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries*. Princeton : Academic Studies Press, 2019. 345 p.

16. Matsaberidze D. *The Conflict over Abkhazia (1989—2010): The Interaction of Georgian-Abkhazian Nationalisms and the Role of Institutions in the Post-Soviet Developments*. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. 236 p.

17. Posner R.A. *Public Intellectuals: A Study of Decline, With a New Preface and Epilogue*. Harvard : Harvard University Press, 2003. 464 p.

18. Sabanadze N. *Globalization and Nationalism: The Cases of Georgia and the Basque Country*. Budapest : Central European University Press, 2017. 231 p.

19. Schneiderman H.G. *Engagement and Disengagement: Class, Authority, Politics, and Intellectuals*. London ; New York : Routledge, 2017. 318 p.

20. Sowell Th. *Intellectuals and Society* Paperback. New York : Basic Books, 2012. 680 p.

21. Swartz D. *Symbolic Power, Politics, and Intellectuals: The Political Sociology of Pierre Bourdieu*. Chicago : University of Chicago Press, 2013. 304 p.

References

1. Doss F. (2013). Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony. Moscow, ROSSPEN, pp. 9—56. [in Rus].

2. (2013). *Political sphere*, vol. 21, no. 2, pp. 63—77. [in Bel.].

3. Lindner R. (1996). *Contacts and dialogues*, no. 3, pp. 20—25. [in Bel.].

4. Bozóki A. *Intellectuals and Politics in Central Europe*. Budapest, Central European University Press, 1998. 306 p. [in Eng].

5. DiLeo J. (2016) *The New Public Intellectual: Politics, Theory, and the Public Sphere*. London, New York, Palgrave Macmillan, 231 p. [in Eng].

6. Fawn R. (2004). *Ideology and National Identity in Post-communist Foreign Policy*. London, New York, Routledge, 254 p. [in Eng].

7. Friedman (1992). *Cultural Anthropology*, vol. 7, no. 2, pp. 194 — 210. [in Eng].

8. Goff K.A. (2021). *Nested Nationalism: Making and Unmaking Nations in the Soviet Caucasus*. Cornell University Press, 336 p. [in Eng].

9. Jennings J. (2013). *Intellectuals in Politics*. London, New York, Routledge, 256 p. [in Eng].

10. Lilla M. (2016). *The Reckless Mind: Intellectuals in Politics*. New York, New York Review Books Press, 249 p. [in Eng].

11. Lim E. (2012). *The Anti-Intellectual Presidency: The Decline of Presidential Rhetoric from George Washington to George W. Bush*. Oxford: Oxford University Press, 208 p. [in Eng].

12. Lindner R. (1999). *Nationalities Papers*, vol. 27, no 4, pp. 631—647. [in Eng].

13. López E., Leighton W. (2014). *Madmen, Intellectuals, and Academic Scribblers: The Economic Engine of Political Change*. Stanford, Stanford University Press, 204 p. [in Eng].

14. MacDonald H. (2014). *The Burden of Bad Ideas: How Modern Intellectuals Misshape Our Society*. New York, Ivan R. Dee Press, 256 p. [in Eng].

15. Manning P. (2019). *Strangers in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries*. Princeton, Academic Studies Press, 345 p. [in Eng].

16. Matsaberidze D. (2011). *The Conflict over Abkhazia (1989—2010): The Interaction of Georgian-Abkhazian Nationalisms and the Role of Institutions in the Post-Soviet Developments*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 236 p. [in Eng].

17. Posner R.A. (2003). *Public Intellectuals: A Study of Decline, With a New Preface and Epilogue*. Harvard, Harvard University Press, 464 p. [in Eng].

18. Sabanadze N. (2017). *Globalization and Nationalism: The Cases of Georgia and the Basque Country*. Budapest, Central European University Press, 231 p. [in Eng].

19. Schneiderman H.G. (2017). *Engagement and Disengagement: Class, Authority, Politics, and Intellectuals*. London, New York, Routledge, 318 p. [in Eng].

20. Sowell Th. (2012). *Intellectuals and Society*. New York, Basic Books, 680 p. [in Eng].

21. Swartz D. (2013). *Symbolic Power, Politics, and Intellectuals: The Political Sociology of Pierre Bourdieu*. Chicago, University of Chicago Press, 304 p. [in Eng].

For citing: Kirchanov M.V. The intellectual community as a critic of political elites: Georgian experience of the second half of the 2010s // *Socium i vlast'*. 2021. № 1 (87). P. 22—31. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-22-31.

DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-22-31

UDC 323.396 + 329.17

THE INTELLECTUAL COMMUNITY AS A CRITIC OF POLITICAL ELITES: GEORGIAN EXPERIENCE OF THE SECOND HALF OF THE 2010s

Maksim V. Kirchanov,
Voronezh State University,
Faculty of International Relations,
Associate Professor of the Department Chair
of Regional Studies
and Economics of Foreign Countries,
Doctor of History
The Russian Federation, 394018,
Voronezh, Universitetskaya Ploshchad, 1.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

Introduction. The author believes that the relationship between power and intellectuals can range from the active participation of the intelligentsia in politics to the disillusionment of the intellectual community in politics and in the ruling elites. The author analyzes the process in Georgian contexts. It is assumed that politics as a process has ceased to attract public interest, despite a dynamic political life.

Purpose. The purpose of the article is to analyze the process of public disillusionment with politics in the modern Georgian intellectual community.

Methods. Methodologically, the article is based on the principles of analyzing intellectual communities with the elements of the universal method of historicism and a comparative approach, which make it possible to identify and systematize the main features of the process of depoliticization of Georgian society.

Scientific novelty. The author presents a new interpretation of the role of intellectuals in the processes of social disappointment in politics, based on the analysis of original sources in the Georgian language.

Results. It is presumed that 1) Georgian intellectual community in the second half of the 2000s began to lose active interest in its own participation in politics; 2) political parties are also forced to acknowledge the crisis of loyalty because the elites and society develop independently, and their interests coincide rarely; 3) culture became an alternative project that attracts civil society more than real politics; 4) the active political participation of the Church assists to the erosion of political culture, forcing intellectuals to become disillusioned with politics, perceived as a clannish and corrupt sphere of activity.

Conclusions. It is shown that disillusionment with politics in the second half of the 2000s and the gradual migration of intellectuals to cultural practices replaced the politicization of intellectual communities, which determined the main vectors of Georgian development in the previous period.

Key concepts:

Georgia,
politics,
elites,
intellectuals,
depoliticization

Для цитирования: Коротина Н. Ю.
Институциональное оформление
отношений экономического федерализма //
Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 32—40.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-32-40.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-32-40

JEL Classification: B41, H77

УДК 342.24, 332.1

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Коротина Наталья Юрьевна,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой экономики, финансов
и бухгалтерского учета,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: korotina-nyu@ranepa.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема институционального оформления отношений экономического федерализма. Институциональный подход в изучении экономического федерализма позволяет исследовать экономический федерализм как сложный структурированный институт на основе описания взаимодействия действующих институтов федерализма, его структур и механизмов.

Цель. Рассмотреть экономический федерализм с позиций институционального подхода.

Методы. В данной статье были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции в контексте применения институционального подхода при исследовании отношений экономического федерализма.

Научная новизна. В данной статье впервые выделены элементы институционального регулирования системы экономического федерализма; введен в научный оборот критерий разделения институтов экономического федерализма на формализованные и неформализованные.

Результаты. В статье обоснована возможность применения институционального подхода в исследовании экономического федерализма, сформулировано понятие «институт федерализма», раскрыто содержание институционального регулирования федеративных отношений, впервые представлено институциональное оформление системы экономического федерализма в части выделения предметных областей и функций институтов экономического федерализма, сфер институционализации экономического федерализма и экономических последствий институционального регулирования, введен критерий универсальности, позволяющий разделить институты экономического федерализма на формализованные и неформализованные.

Выводы. Система экономического федерализма предполагает наличие институтов в качестве устойчивых норм, правил, процедур, организационных механизмов, регламентирующих взаимодействие участников федерализма, что придает отношениям экономического федерализма институциональное оформление. Институты федерализма одновременно ограничивают и стимулируют повседневное действие его участников. Для эффективного функционирования системы экономического федерализма необходим поиск оптимального соотношения формализованных (универсальных) и неформализованных (избирательных) институтов федерализма.

Ключевые понятия:

экономический федерализм,
институты экономического федерализма,
институциональное регулирование,
институционализация.

Введение

Теория экономического федерализма естественным образом востребована в странах с федеративной формой устройства. В теории экономического федерализма федеративное устройство рассматривается не только как формально правовой статус, но и в качестве системы построения экономических отношений и регионального развития страны. Поэтому для понимания страновых особенностей системы экономического федерализма и развития модели в Российской Федерации сосредоточим внимание на территориальной базе формирования отношений федерализма в федеративных странах.

Следует согласиться с мнением Н. М. Добрынина, что понятие «федерализм» не имеет однозначного толкования по сей день; как в отечественной, так и зарубежной научной литературе федерализм исследуется фрагментарно, преимущественно обсуждаются модели и типы федерализма [5], что связано именно с многоаспектностью феномена федерализма.

Исследование эволюции федерализма показало наличие разносторонних концептуальных подходов к познанию федерализма:

1) гуманистический (в федерализме усматривают гуманистическую идею, идеологию, испытывающую историческое и политическое влияние [15, 25];

2) этнический (федерализм рассматривается как способ решения этнических проблем и конфликтов [22]);

3) взаимосвязь и взаимодействие между различными правительственными уровнями, возникший в результате разделения власти, способной сохранять стабильность и осуществлять контроль над объединенной территорией:

- организация государственного управления в союзе [20];
- способ разделения государственной власти между центром и штатами [21];
- форма разграничения полномочий между правительством обоих уровней власти [24];
- деятельность по управлению государственными делами составных частей федерации [1];
- режим и форма государственного устройства и функционирования федеративных отношений [16; 17];
- форма организации правительства для согласования регионального разнообразия и единства [23].

В данной статье внимание будет уделено экономическим аспектам федерализма.

Обоснование возможности использования институционального подхода в исследовании экономического федерализма

Исследование страновых особенностей системы экономического федерализма требует теоретического описания взаимодействия реально действующих институтов, структур и механизмов, что обусловлено последними достижениями теории институциональной экономики. В настоящее время институциональная методология все более активно применяется в исследованиях разнообразных сторон общественной жизни.

Исследование институтов становится «ядром развития современных экономических теорий», в том числе и теорий, позволяющих раскрыть особенности российского федерализма» [5; 15].

Институциональная теория дает возможность теоретически описать взаимодействие разных реально действующих институтов, которые «всегда составляют стержень, «несущую конструкцию» любого общественного образования» [10]. Институциональная теория понимает экономику как результат «сложного процесса становления «эмерджентной» структуры, в том числе и процесса институционализации правил» [9].

В данной статье применяется авторское понимание экономического федерализма как системы отношений между участниками федеративных отношений по поводу использования экономических ресурсов для реализации экономических интересов территориальных образований федеративного государства при сохранении экономической целостности государства и обеспечения развития каждой территории с учетом ее специфики. Направленность исследовательского внимания на территориальные особенности экономического федерализма позволяет использовать институциональный подход, поскольку, как отмечал один из пионеров российского методологического институционализма Г. Б. Клейнер, изучение региональных аспектов развития «эквивалентно изучению институтов» [7, с. 22—31], а региональная экономика является «естественным полем формирования и действия институтов» [8].

Исследование институтов позволяет определить источник их эволюции, условия и методы достижения эффективных институциональных изменений. Институциональная теория весьма значима для прояснения действий участников сложившихся экономи-

ческих отношений. Значительную роль она отводит осознанному формированию институтов на макро- и мезоуровнях, выработке норм и правил функционирования механизма экономических отношений. Применение институциональной теории в исследовании экономического федерализма объясняется необходимостью принятия научно обоснованных решений для преодоления тормозящих факторов развития федерализма. При этом крайне важной представляется четкая дифференциация используемых методов, инструментов, каналов и алгоритмов федерализма в соответствии со спецификой регионального хозяйства.

П. Чен, рассуждая об области применения институциональной теории, говорит: «В целом институциональная теории <...> потребует своего собственного теоретического пространства — мезоэкономики» [19, р. 121]. При исследовании мезоэкономики К. А. Виттфогель [25], Е. В. Попов [11, 13], Т. Р. Гареев [2] и другие применяют регионально-пространственный подход, что связано с нахождением объекта исследования региональной экономики на промежуточном уровне между макро- и микроэкономикой. Г. Б. Клейнер [8] выделяет региональную мезоэкономику (регионы и территориальные группы предприятий) и межрегиональную мезоэкономику (включающую территориальные социально-экономические образования). Т. Г. Гареев рассматривает предметное поле исследований на пересечении разработок в области институциональной и региональной экономик, формируя «региональный институционализм», и прослеживая связь между региональными системами, институтами, границами локальности распространения как институтов, так и региональных систем. Исходя из этого, он считает возможным исследовать «межрегиональные (субрегиональные) системы на основе анализа их институциональных изменений» [2]. Эти аргументы подчеркивают необходимость использования институциональной методологии в исследовании территориальных особенностей федерализма.

Значимость институциональной методологии четко сформулирована С. Г. Кирдиной: «Траектория развития современной теории в значительной степени направлена именно в сторону изучения институтов» [6].

Из институциональной теории следует выделить общие теоретические позиции, которые могут составить методологическую базу для понимания экономического федерализма на современном этапе развития экономики, институциональный механизм

выступает фактором, детерминирующим режим функционирования системы федерализма, что требует применения институционального подхода в ее исследовании.

Таким образом, институциональный подход в изучении экономического федерализма позволяет исследовать экономический федерализм как «сложный структурированный институт, включающий многоуровневую систему государственной власти, комплекс федеративных отношений, политико-правовую основу функционирования системы экономического федерализма, располагаемые каждым уровнем власти ресурсы, коммуникативные подсистемы (государственный аппарат, государственное управление, федеративную политическую культуру, политические технологии)» [16].

Экономический федерализм с позиций институционального подхода

В трудах отечественных экономистов превалирует подход к институтам как правилам, регулирующим взаимодействие экономических субъектов [4]. Такого подхода придерживается, в частности, И. В. Данилова, которая считает, что институты представляют собой «закрепление обычаев и порядков в виде разработанных формальных и установленных неформальных правил взаимодействия в обществе (норм, прав собственности, законов, традиций, «правил игры» и организаций, отвечающих за их соблюдение)» [3, с. 217].

Применяя данный подход к институтам, автор под **институтом федерализма** предлагает понимать нормы, процедуры, порядок взаимодействия федерального центра, субъектов федерации и муниципальных образований между собой по вертикали государственного устройства как единого целого и по горизонтали многосубъектных взаимоотношений между региональными экономическими пространствами, обеспечивающие стабильное и предсказуемое развитие отношений федерализма.

Использование институционального подхода позволяет выделить институты отношений федерализма как особую систему, своевременная корректировка которой в ответ на социально-экономические изменения в стране обладает регулятивными функциями и способна обеспечить развитие отношений федерализма.

По мнению автора, сущностным вопросом изучения институтов является исследование их в качестве инструментов

регулирования федеративных отношений. В связи с этим в данной работе применяется авторское понимание **институционального регулирования федеративных отношений** как разработки, корректировании, введении институтов, обеспечивающих воздействие на отношения экономического федерализма, для реализации интересов участников отношений федерализма при взаимодействии в целях обеспечения устойчивости и развития системы федерализма, реализации экономического потенциала территорий страны и роста ВВП.

В представленной работе элементы институционального регулирования системы экономического федерализма (табл. 1) были представлены на основе следующих общих принципов построения системы:

- принцип целостности — позволил охватить все предметные области, которые в совокупности позволяют представить систему отношений федерализма в целом, в единстве ее элементов;
- принцип полноты — позволил представить полный набор функциональных характеристик, необходимых для конкретизации особенностей функционирования институтов федерализма;
- принцип системности — позволил выделить сферы институционализации и связи между ними.

Совокупность указанных принципов позволила уточнить экономические последствия институционального регулирования отношений федерализма.

Итак, каждый из выделенных институтов федерализма выполняет в системе определенную функцию и относится к конкретной сфере институционализации: 1) в институтах, объектом регулирования которых являются отношения, складывающиеся в организационно-управленческой сфере, относятся нормы, закрепляющие равноправие субъектов федерации, нормы, разграничивающие предметы ведения и полномочия, нормы, закрепляющие сферу общих полномочий и предметов ведения, институт федеративного вмешательства, институт согласительных процедуры; 2) к институтами, регулирующим бюджетную сферу, относятся правила и нормы разграничения доходных источников, механизм выравнивания возможностей регионов, нормы возмещения затрат регионов по переданным полномочиям; 3) к институтами, воздействующим на сферу государственной и муниципальной собственности, относятся соглашения по разграничению государственной и муниципальной собст-

венности; 4) к институтам, объектом регулирования которых являются экономические отношения федерализма, затрагивающие экономическое пространство в целом и пространство регионов, относятся механизмы участия государства в рыночном секторе экономики (финансового участия федерации в социально-экономических проектах регионов, финансового участия регионов в социально-экономических проектах муниципальных образований, целевая поддержка бизнес-структур, целевые трансферты населению).

Классический подход к институтам как правилам подразумевает выделение формализованных и неформализованных правил: «институты включают в себя как формальные правила и неформальные ограничения (общепризнанные нормы поведения, достигнутые соглашения, внутренние ограничения деятельности), так и определённые характеристики принуждения к выполнению тех и других» [12]. Рассмотрение экономического федерализма с позиций сложившихся формализованных и неформализованных институтов позволяет максимально более полно описать и проанализировать его сущность. Эта позиция требует пояснения сути разграничения формализованного и неформализованного подходов в отношениях федерализма.

Традиционный подход разграничивает институты на формальные и неформальные. Формальные институты включают в себя фиксированные правовые нормы взаимоотношений субъектов, неформальные институты характеризуют действующие в стране культурные и этические нормы [18], психологические установки, обычаи, традиции. То есть критерием выступает юридическое закрепление нормы.

На наш взгляд, критерий юридического закрепления норм не в полной мере способствует пониманию сути институтов федерализма. Это связано с тем, что субъектами федерализма вступают органы государственной власти разных уровней, и все их взаимоотношения оформлены определенным образом и закреплены законодательным документом, начиная от конституции, кодексов и федеральных законов до нормативных актов и правил, которые подкреплены подзаконными нормативно-правовыми актами, административными регламентами, обеспечивающих исполнение отдельных предписаний. Любые неформальные контракты, сопровождающиеся перераспределением функций или ресурсов в государстве или регионе, получают воплощение в юридическом закреплении. В силу этого юридическое

**Элементы институционального регулирования системы
экономического федерализма**

Предметная область институтов экономического федерализма	Функции институтов экономического федерализма	Сфера институционализации экономического федерализма	Экономические последствия институционального регулирования
Нормы, закрепляющие равноправие государственно-территориальных субъектов федерации	Исключение превалирования одних субъектов в составе Федерации над другими в части получения большего объема полномочий за счет других субъектов, устранение ущемления прав отдельных субъектов в целях укрепления единства государства	Организационно-управленческая сфера	Повышение единства, стабильности и целостности экономики страны
Нормы, разграничивающие предметы ведения и полномочия	Нейтрализация противоречий интересов федерального центра, субъектов, муниципальных образований; определение зоны ответственности каждого уровня власти перед гражданами		
Нормы, закрепляющие сферу общих полномочий и предметов ведения	Реализация функций государства		
Институт федеративного вмешательства	Обеспечивает единство экономической и политической организации федеративного государства, обеспечивает механизмы интеграции, объединяющих субъекты		
Институт согласительных процедур	Разрешение конфликтных ситуаций внутри федерации в системе федеративных отношений		
Правила и нормы разграничения доходных источников	Обеспечение возложенных на государственно-территориальные образования полномочий источниками финансирования	Бюджетная сфера	Повышение устойчивости и прозрачности финансовой системы страны
Механизм выравнивания возможностей регионов	Обеспечение возможности для всех регионов выполнять государственные требования и стандарты		
Нормы возмещения затрат регионов по переданным полномочиям	Возмещение затрат регионов при выполнении ими функций федерального центра		
Условия и механизм ограничения финансовых операций	Препятствие в осуществлении регионами расходов, не соответствующих федеративным целям		
Соглашения по разграничению государственной и муниципальной собственности	Исключение борьбы органов власти разных уровней за собственность и доходы от ее владения, распоряжения, пользования	Сфера государственной собственности	Повышение эффективности использования государственной и муниципальной собственности
Механизмы участия федерации в социально-экономических проектах регионов	Стимулирование экономической активности рыночного сектора в регионах	Сфера экономического пространства регионов	Повышение эффективности экономики регионов и страны
Целевая поддержка бизнес-структур	Стимулирование экономического развития и предпринимательской активности отдельных бизнес-структур и отраслей экономики		
Целевые трансферты населению	Стимулирование жизнедеятельности населения в регионе		

оформление отношений федерализма не может быть критерием отношения института к формальным и неформальным.

Автор также не согласен с позицией В. В. Радаева [14], который в качестве критерия отнесения институтов к формальным и неформальным относит законность, считая неформальные институты незаконными, нелегитимными.

По нашему мнению, в системе экономического федерализма следует выделять «формализованные» и «неформализованные» институты. *Критерием отнесения института федерализма к формализованным и неформализованным является требование универсальности применения* определенной нормы ко всем регионам (муниципальным образованиям). То есть, если определенный институт универсальный, действует для всего перечня регионов (одни и те же правила, способы их выполнения, ставки, нормы, формулы распределения) на постоянной основе, он относится к формализованным; если институт действует в регионах избирательно, то он относится к неформализованным.

На наш взгляд, в системе экономического федерализма формализованные институты фиксируют типичные способы воздействия, формируя жесткий каркас взаимоотношений поведения федерального центра в отношении регионов и регионального центра в отношении муниципальных образований. Неформализованные подходы, применяемые к регионам (муниципальным образованиям) избирательно в зависимости от их роли и значения в едином федеративном государстве, образуют гибкую изменяемую структуру, объективно обусловленную горизонтальным отличием территорий субъектов и изменяющуюся под влиянием практических действий.

Таким образом, институты федерализма, относящиеся к организационно-управленческой, бюджетной сфере и сфере государственной собственности относятся к формализованным (универсальным), а институты, федерализма, применяемые для институционального регулирования рыночного сектора экономики к неформализованным (избирательным).

Вывод

Система экономического федерализма с позиций институционального обеспечения предполагает наличие институтов в качестве устойчивых норм, правил, процедур, организационных механизмов, регламентирующих

взаимодействие всех участников федерализма. Институциональное оформление системы экономического федерализма в России с позиций управления экономическим развитием территории на сегодняшний день не завершено и требует разработки действенных правил, процедур и механизмов, стимулирующих экономический рост.

Институты федерализма одновременно ограничивают и стимулируют повседневное действие его акторов. На наш взгляд, в системе экономического федерализма целесообразно оптимальное соотношение формализованных и неформализованных институтов. Универсальные, формализованные институты обеспечивают выполнение субъектами экономического федерализма закрепленных за ними государственных функций, позволяют акторам выполнять оперативную, стандартную работу по обеспечению жизнедеятельности на соответствующей территории, функционировать, что позволяет системе в целом сохранять целостность. Использование неформализованных институтов в системе экономического федерализма позволяет избирательно подходить к решению отдельных вопросов, касающихся не всех, а только отдельных территорий. Применение неформализованных институтов позволяет учитывать различные проблемы, которые не могут быть решены без активного государственного воздействия, которое в итоге ведет к эволюционному развитию системы экономического федерализма, то есть к усложнению системы, приобретению новых характеристик, качественных изменений.

Необходимо отметить, что и неформализованные, и тем более формализованные институты не являются следствием спонтанного развития, они возникают в результате эволюционирования. Формализованные институты федерализма являются результатом регулирующего, ограничительного воздействия, неформализованные — результатом стимулирующего, побуждающего воздействия.

1. Бойко Ю. П. Федерализм как принцип государственного устройства: вопросы теории // Евразийский юридический журнал. 2013. № 1 (56). С. 78—81.

2. Гареев Т. Р., Елисеева Н. А. Институты и институциональные изменения в контексте теоретико-игрового подхода // Terra Economicus. 2020. Т. 18, № 1. С. 102—120.

3. Данилова И. В. Закономерности пространственного фискального регу-

лирования в институциональной среде : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. — 349 с.

4. Данилова И. В., Карпушкина А. В. Институциональное регулирование социально-трудовых отношений в России: теоретические, методологические и прикладные аспекты. Челябинск, 2013.

5. Добрынин Н. М. Конституционализм, конституция России и конституционализация российского права: несколько тезисов о конъюнкции смыслов и юридических практик // Государство и право. 2020. № 4. С. 25—37.

6. Кирдина-Чэндлер С. Г. Институциональный дизайн российских экономических реформ: основные вызовы // Современные вызовы и реалии экономического развития России : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л. И. Ушвицкого, А. В. Савцовой. М., 2020. С. 87—89.

7. Клейнер Г. Б. Мезоэкономические проблемы российской экономики // Мезоэкономика: состояние и перспективы : монография / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер, М. А. Дерябиной. М. : ИЭ РАН, 2018. 314 с.

8. Клейнер Г. Б. Системные проблемы отечественной экономики: мезоэкономика, микроэкономика, экономика предприятий // Вестник ЦЭМИ. 2018. № 1. С. 5.

9. Круглова М. С. Мезоэкономическая теория в англоязычной научной литературе // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9, № 3. С. 24—35.

10. Лемещенко П. С., Астраух Ю. Л., Институциональный анализ: особенности методологии изучения связей в экономических системах // Беларусь-2030: государство, бизнес, наука, образование : материалы VI Междунар. науч. конф. / редкол.: А. А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 19—21.

11. Некипелов А. Д., Попов Е. В. Моделирование экономических институтов : монография. 2-е изд. М., 2019.

12. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 7.

13. Попов Е. В., Семячков К. А. Институциональная модель развития «умных» городов // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 4 (33). С. 38—53.

14. Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике. М. : ГУ-ВШЭ, 2001. 42 с.

15. Родионова А. К. Институциональный концепт «федерализм» и его роль в решении проблем политической жизни госу-

дарств // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 02 (117). С. 103—109.

16. Умнова И. А., Костылева Е. Д. Современный российский федерализм и перспективы развития российского государства и права // Российское правосудие. 2019. № 3. С. 104—108.

17. Федорященко А. С. О равноправии субъектов федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти // Законодательство и экономика. 2013. № 10. С. 125.

18. Харчилава Х. П. Роль формальных и неформальных институтов в российской экономике // Вестник Университета. 2014. № 11. С. 188—193.

19. Chen P. Equilibrium illusion economic complexity and evolutionary foundation in economic analysis // Evolutionary and Institutional Economics Review. 2008. № 5 (1). P. 81—127. URL: <https://link.springer.com/article/10.14441%2Feier.5.81> (дата обращения: 24.12.2019).

20. Föderalismus in Deutschland / red. T. Brode, P. Brandt, S. Lampe, J. Beselt. URL: http://www.bpb.de/publikationen/Föderalismus_in_Deutschland.html (дата обращения: 08.09.2007).

21. Hasit B. Thankey Hindu nationalism and south Asian security. URL: <http://www.collectionscanada.ca/pdf> (дата обращения: 11.04.2008).

22. Jinadu A. Ethnic Conflict and Federalism in Nigeria. URL: <http://www.socionet.ru/publication> (дата обращения: 08.09.2007).

23. Teps D. Kontseptualnye osnovy federalizma [Conceptual framework of federalism]. St.-Petersburg : Law Center Press, 2002. P. 16.

24. Watts R. L. Federalism, Federal Political Systems, and Federations. 1998. URL: <http://www.federalism.ch/files/documents/bionote:watts.pdf> (дата обращения: 12.03.2005).

25. Wittfogel K. A. Agrarian Problems and the Moscow-Peking Axis // Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. 1962. № 21(4). Dec. P. 678—698.

References

1. Bojko Ju.P. (2013) *Evrazijskij juridicheskiy zhurnal*, no. 1 (56), pp. 78—81 [in Rus].

2. Gareev T.R., Eliseeva N.A. (2020) *Terra Economicus*, vol. 18, no. 1, pp. 102—120 [in Rus].

3. Danilova I.V. (2004) *Zakonomernosti prostranstvennogo fiskal'nogo regulirovaniya v institucional'noj srede*. Cheljabinsk, Izd-vo JuUrGU, 349 p. [in Rus].

4. Danilova I.V., Karpushkina A.V. (2013) Institucional'noe regulirovanie social'no-trudovykh otnoshenij v Rossii: teoreticheskie, metodologicheskie i prikladnye aspekty. Cheljabinsk [in Rus].
5. Dobrynin N.M. (2020) *Gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 25—37 [in Rus].
6. Kirdina-Chjendler S.G. (2020) Institucional'nyj dizajn rossijskikh jekonomicheskikh reform: osnovnye vyzovy // *Sovremennye vyzovy i realii jekonomicheskogo razvitija Rossii*. Moscow, pp. 87—89 [in Rus].
7. Klejner G.B. (2018) Mezojekonomicheskie problemy rossijskoj jekonomiki // *Mezojekonomika: sostojanie i perspektivy*. Moscow, Ije RAN, 314 p. [in Rus].
8. Klejner G.B. (2018) *Vestnik CJeMI*, no. 1, p. 5 [in Rus].
9. Kruglova M.S. (2017) *Zhurnal institucional'nyh issledovanij*, vol. 9, no. 3, pp. 24—35 [in Rus].
10. Lemeshhenko P.S. Astrauh Ju.L. (2019) Institucional'nyj analiz: osobennosti metodologii izuchenija svjazej v jekonomicheskikh sistemah. // *Belarus'-2030: gosudarstvo, biznes, nauka, obrazovanie*. Minsk, pp. 19—21 [in Rus].
11. Nekipelov A.D., Popov E. V. (2019) Modelirovanie jekonomicheskikh institutov. Moscow [in Rus].
12. Nort D. (1997) *Voprosy jekonomiki*, no. 3, p. 7 [in Rus].
13. Popov E.V., Semjachkov K.A. (2020) *Municipalitet: jekonomika i upravlenie*, no. 4 (33), pp. 38—53 [in Rus].
14. Radaev V.V. (2001) Novyj institucional'nyj podhod i deformalizacija pravil v rossijskoj jekonomike. Moscow, GU-VShJe, 42 p. [in Rus].
15. Rodionova A.K. (2015) *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 02 (117), pp. 103—109 [in Rus].
16. Umnova I. A., Kostyleva E.D. (2019) *Rossijskoe pravosudie*, no. 3, pp. 104—108 [in Rus].
17. Fedorjashhenko A.S. (2013) *Zakonodatel'stvo i jekonomika*, no. 10, p. 125 [in Rus].
18. Harchilava H. P. (2014) *Vestnik Universiteta*, no. 11, pp. 188—193 [in Rus].
19. Chen P. (2008) *Evolutionary and Institutional Economics Review*, no. 5 (1), pp. 81—127. Available at: <https://link.springer.com/article/10.14441%2Feier.5.81>, accessed 24.12.2019 [in Eng].
20. Föderalismus in Deutschland. Available at: http://www.bpb.de/publikationen/Föderalismus_in_Deutschland.html, accessed 08.09.2007 [in Germ].
21. Hasit B. Thankey Hindu nationalism and south Asian security. Available at: <http://www.collectionscanada.ca/pdf>, accessed 11.04.2008 [in Eng].
22. Jinadu A. Ethnic Conflict and Federalism in Nigeria. Available at: <http://www.socionet.ru/publication>, accessed 08.09.2007 [in Eng].
23. Teps D. (2002) Conceptual framework of federalism. St.-Petersburg, Law Center Press, p. 16 [in Eng].
24. Watts R.L. (1998) Federalism, Federal Political Systems, and Federations. Available at: <http://www.federalism.ch/files/documents/bionote:watts.pdf>, accessed 12.03.2005 [in Eng].
25. Wittfogel K.A. (1962) *Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies*, no. 21 (4), December, pp. 678—698 [in Eng].

For citing: Korotina N.Yu. Institutionalism of economic federalism relations // *Socium i vlast'*. 2021. № 1(87). P. 32—40. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-32-40.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-32-40

JEL Classification: B41, H77

UDC 342.24, 332.1

INSTITUTIONALISM OF ECONOMIC FEDERALISM RELATIONS

Natalya Yu. Korotina,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Department of Economics,
Finance and Accounting,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: korotina-nyu@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The article deals with the problem of institutionalism of economic federalism relations. The institutional approach to studying economic federalism makes it possible to study economic federalism as a complex structured institution based on describing the interaction of the existing institutions of federalism, its structures and mechanisms.

The purpose of the article is to consider economic federalism from the standpoint of the institutional approach.

Methods. In the article, the author uses general scientific methods of analysis and synthesis, deduction and induction in the context of applying the institutional approach when studying the economic federalism relations.

Scientific novelty. In the article, for the first time, the author highlights the elements of institutional regulation of the economic federalism system; has introduced the criterion for dividing the economic federalism institutions into formalized and non-formalized ones.

Results. The author justifies the possibility of using the institutional approach when studying economic federalism, formulates the concept of "institution of federalism", discloses the content of the institutional regulation of federal relations, presents for the first time the institutional design of the economic federalism system in terms of identifying subject areas and functions of economic federalism institutions, the spheres of institutionalization of economic federalism and economic consequences of institutional regulation. The author introduces the criterion of universality, which makes it possible to divide the institutions of economic federalism into formalized and non-formalized ones.

Conclusions. The system of economic federalism presupposes the presence of institutions as stable norms, rules, procedures, organizational mechanisms governing the interaction of federalism participants, which gives the relations of economic federalism an institutional setting. Institutions of federalism both restrict and stimulate the day-to-day action of its participants. For the effective functioning of the economic federalism system, it is necessary to search for the optimal ratio of formalized (universal) and non-formalized (electoral) federalism institutions.

Key concepts:
economic federalism,
institutions of economic federalism,
institutional regulation,
institutionalism.

Для цитирования: Плетнёв Д. А., Басырова Д. М. Влияние университетской науки на развитие регионов России // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 41—59. DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-41-59.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-41-59

УДК 338.001.36

ВЛИЯНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

Плетнёв Дмитрий Александрович,
Челябинский государственный университет,
Доцент кафедры экономики отраслей и рынков,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454001,
г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
E-mail: pletnev@csu.ru

Басырова Дина Маратовна,
Челябинский государственный университет,
Российская Федерация, 454001,
г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
E-mail: basyrova.dinam@gmail.com

Аннотация

Введение. Одним из драйверов развития российских регионов традиционно считаются находящиеся на территориях университеты, и в частности развитие научной деятельности в них. Однако такое убеждение обычно основывается на умозрительных заключениях и не подвергается детальной эмпирической проверке.

Цель. Оценка взаимосвязи развития науки в вузах российских регионов и индикаторов регионального развития по данным 2017—2018 годов.

Методы. В статье использованы методы обобщения, группировки, оценки показателей центральной тенденции и вариации, а также методы корреляционного анализа. Исследование основывалось на данных региональной статистики, представленной на официальном сайте Росстата, а также на данных мониторинга эффективности вузов, проводимого по заказу Министерства науки и высшего образования РФ.

Научная новизна исследования. В статье впервые представлен эмпирический анализ взаимосвязи показателей социально-экономического развития российских регионов и показателей научной деятельности в вузах региона. Особенностью исследования является использование выборки однородных регионов. Из выборки были исключены регионы, не имеющие значимых научных результатов, а также регионы-лидеры экономического развития. В результате исследовалось «ядро» из 57 российских регионов, обладающих сходными характеристиками как экономического развития, так и результатами научной деятельности. Это повысило практическую значимость сделанных выводов и их достоверность.

Результаты. В результате проведенного исследования установлено, что между всеми показателями регионального развития и науки в вузах существует статистически значимая связь. Однако более глубокий анализ позволил установить, что эта связь носит косвенный характер. В ряде случаев можно говорить об обратном влиянии — регионального развития на научные результаты в вузах.

Выводы. Установлено, что используемые в системе государственного управления показатели оценки результативности и эффективности научной деятельности не являются ключевыми с точки зрения влияния на региональное развитие. Выявлено, что публикации в ведущих мировых базах и в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) в равной степени связаны с региональным развитием. Определено, что в ряде случаев внутри рассмотренной выборки можно выделить две группы регионов, имеющих различный характер зависимости между региональным развитием и наукой в вузах.

Ключевые понятия:

региональное развитие,
валовой региональный продукт,
региональный университет,
публикационная активность,
РИНЦ.

Введение

Возникновение университетов является одним из важнейших событий, повлиявших на развитие человечества. На протяжении многих веков люди передают, структурируют и анализируют информацию, а также на ее основе создают новые теории и разработки, обеспечивают переход к более эффективным и справедливым типам общества. Университеты оказывают большой вклад в развитие стран и мира в целом. Образовательные учреждения разных стран объединяются и собирают международные команды для научных исследований, разработки путей решения глобальных проблем. Безусловно, глобализация приносит множество положительных моментов, например, объединение народов, обмен опытом, многосторонняя проработка проблем из-за различного видения, программы обмена для студентов и другое. Однако есть и противоположная сторона глобализации, которая несет проблемы и риски в сферу образования. Масштабное сотрудничество с университетами из других стран обычно доступно лишь столичным или федеральным университетам. Это происходит из-за большего финансирования их государством, а также, зачастую, их географической доступности. В связи с этим образовательные учреждения регионов рискуют остаться без должного внимания, являясь при этом важной составляющей системы образования и страны. Вместе с тем, региональные университеты — это своеобразные точки притяжения, интеллектуальные котлы [3; 6], в которых происходит формирование регионального интеллектуального потенциала, необходимого для сбалансированного пространственного развития страны, преодоления разрыва между центрами и периферийными регионами [4]. По общему убеждению, наиболее объективно развитие университетов могут характеризовать показатели развития их научной деятельности, которые отражают востребованность идей и разработок ученых и преподавателей в науке и хозяйственной практике.

Целью статьи является оценка взаимосвязи развития науки в вузах российских регионов и индикаторов регионального развития по данным 2017—2018 годов.

Вопрос о влиянии университетов на региональное развитие находится в фокусе внимания многих авторов. В. Е. Третьяков выделил несколько предположений о возрастании роли провинциальных университетов, среди которых: перемещение основной

тяжести социально-экономических проблем из центра в регионы; стремление субъектов Российской Федерации к самостоятельности; снижение активности населения в межтерриториальных перемещениях; необходимость подготовки кадров, ориентированных на решение новых региональных, политических, экономических и социальных задач; потребность в региональном центре кристаллизации научных и общественных идей, в открытой демократической площадке, в точке притяжения для учебных и научных учреждений, стремящихся к единению [16].

О. В. Лешуков, Д. Г. Евсеева и другие провели исследование, в ходе которого предположили, что в оценке влияния особое внимание следует уделить трем сферам — экономика, наука и инновации и человеческий капитал [13]. Исходя из них, было выделено несколько блоков изучения:

- Вклад в экономическое развитие региона — наличие на территории региона университетов и их влияние на основные экономические показатели. Для исследования данного блока были использованы следующие показатели: объем средств, который формируется университетами за счет налоговых отчислений; объем финансовых средств университета в расчете на численность приведенного контингента; расходы студентов из других регионов; доля студентов, обучающихся на местах с полным возмещением стоимости обучения; доля обучающихся по системе целевой подготовки; средняя заработная плата ППС к средней заработной плате в регионе.
- Вклад в развитие человеческого капитала региона — как дополнение к экономическому подходу, учитывается влияние наличия образования и приобретенных в университетах компетенций у населения. Для оценки влияния исследователями были выбраны следующие показатели: премия за высшее образование и доля трудоустроенных выпускников в регионе расположения университета.
- Вклад в инновационное развитие региона. Исследовались значения следующих показателей: объем лицензионных соглашений; вклад вузов в региональные расходы на НИОКР; объем НИОКР; количество цитирований публикаций в РИНЦ; количество цитирований публикаций в Scopus.

Исследуя эти сферы, ученые пришли к следующему результату — было выделено

З субиндекса влияния системы высшего образования на развитие регионов (вклад в экономическое развитие региона, вклад в развитие человеческого капитала региона, вклад в инновационное развитие региона) и, исходя из их результатов, выявили 4 типа систем высшего образования («драйверы регионального развития», региональные системы высшего образования с высоким, умеренным и низким уровнем влияния). Исследователи пришли к выводу о том, что прямой связи между субиндексами и уровнем развития региона нет, и для определения степени влияния нужно проводить более масштабный комплексный анализ с большим количеством дополнительных данных.

М. В. Курбатовой, Е. С. Каган и А. А. Вшивковой было проведено исследование, где сделан упор именно на взаимосвязь научно-технического потенциала и социально-экономического развития региона. Под научно-техническим потенциалом они понимают комплексную характеристику уровня развития науки, а также возможностей и ресурсов, которыми располагает государство, регион, общество для решения научно-технических проблем [12]. По их мнению, основным источником научно-технического потенциала регионов являются университеты. Определение влияния проводилось путем использования индекса научно-технического потенциала, который включает в себя следующие блоки: финансирование и результативность научных исследований и разработок, кадры науки, а также показателя валового регионального продукта на душу населения. Первым этапом работы стал корреляционный анализ, который доказал наличие прямой связи средней силы между данными показателями. Вторым этапом является двухуровневый кластерный анализ, позволивший выделить 4 группы регионов, схожих по значениям экономического и научно-технического развития. Результатом работы стало выявление статистической зависимости между уровнем научно-технического потенциала и социально-экономического развития.

Научно-практическую результативность вузов изучили Е. Балацкий и В. Сергеева. Математическими методами авторы составили научно-практический рейтинг российских вузов, который позволил проанализировать их по степени успешности на рынке НИР. Это важно, так как успешность и востребованность вуза в настоящее время зависит не только от качества предоставляемых образовательных услуг, но и от воз-

можности самостоятельно зарабатывать средства, выполняя НИР [2]. В противном случае университет может быть подвергнут административным санкциям. Для составления данного рейтинга авторы использовали значение суммы средств, полученных университетом по линии НИР, а для рейтинга, учитывающего масштабы университета — средний объем НИР на единицу профессорско-преподавательского персонала. Проведя еще несколько вычислений, авторы пришли к выводу о том, что технические вузы являются более успешными в данной сфере, нежели классические и гуманитарные. Обобщая отмеченное выше, социально-экономическое развитие региона прямо зависит от научно-технического потенциала университетов, который можно увеличить при помощи «технологизации» вузов.

Миссия регионального университета не может быть ограничена только образовательной и исследовательской функциями [18]. Набирает популярность теория «третьей миссии». Многие ученые предполагают, что в последнее время этого недостаточно, и в университетах должна раскрываться, как минимум, еще одна сфера, а именно социальная. Многие ученые посвятили свои работы изучению этой темы.

О. В. Зиневич и Т. А. Балмасова в своем исследовании предполагают, что взаимодействие высшей школы с регионами сопряжено с усилением «третьей миссии» университетов, реализация которой делает его ключевым «игроком» экономического и социального развития региона [8]. Под «третьей миссией» понимается вклад университетов в социальную жизнь — культуру, окружающую среду, инновации, подготовку кадров, а также помощь в решении социальных вопросов и многое другое, связанное с социальной сферой жизни. Однако качественная реализация «третьей миссии» требует изменений и модернизации в системе образования страны. Поэтому исследователи анализируют опыт уже реализовавших на своей территории данную программу стран, а именно Германии. Итогом изучения стало выявление необходимости более близкого взаимодействия университетов, институтов гражданского общества и бизнеса. Эти 3 сферы являются ключевыми участниками социально-экономического развития, и лишь их синтез станет мощным двигателем прогресса. Необходимы взаимодействие всех заинтересованных сторон при выработке оптимальной образовательной политики, система отлаженных инструментов предвидения потребностей бизнеса, регулирования

региональных рынков труда и образования, формирования значимой и точной информации, характеризующей их состояние.

Уже начинает формироваться идея «четвертой миссии университета» — культурообразующей. Н. В. Сафронов говорит о том, что реализация культуросозидающей функции университета состоит в формировании социального слоя, который, вобрав в себя определенные знания, навыки и умения, потенциально может стать элитой региона, которая, в идеале, благодаря своей высокой интеллектуальной и общегуманитарной активности, должна вывести регион на более высокий уровень [15].

Создание опорных вузов было призвано сыграть ключевую роль в реформировании высшего образования в России [17]. А. А. Фирсова и А. А. Нархова, проанализировав западные подходы к взаимосвязи деятельности университетов и регионального развития, пришли к похожему выводу. Иностранцы исследователи также уверены в эффективности взаимодействия и реализации совместных проектов университетов, государства и промышленности для стимулирования и поддержки науки и инноваций. Большинство западных исследований, связанных с университетской деятельностью, основаны на измеримых показателях, однако нет единого мнения о качестве и методах применения данных показателей при оценке деятельности университета [12].

А. А. Оленев выделил 5 функций современного университета: производить новые знания, снабжать общество достоверными знаниями, удовлетворять запросы рынка труда, обеспечивать конкурентоспособность национальной экономики, подготовка перспективных кадров для модернизации экономики. Также он привел примеры российских проектов, которые реализуются на данный момент и направлены на модернизацию системы образования, в том числе государственные проекты «Федеральные университеты», «Развитие кооперации российских вузов и производственных предприятий», «Опорные университеты» и «Национальные исследовательские университеты». По мнению исследователя, реализация подобных проектов и активное взаимодействие участников социально-экономического развития будет способствовать повышению престижа российского образования в международном образовательном поле, экономическому росту и сбалансированному развитию региона [14].

Е. А. Кранзеева анализирует современные модели университетов, которые, по ее

мнению, способны повлиять на социально-экономическое развитие регионов:

- модель предпринимательского университета содействуют развитию регионов путем участия в патентовании, лицензировании и сопутствующих академических мероприятиях;
- модель университета региональной инновационной системы предполагает активное участие в инновационном развитии региона путем коллаборации и взаимодействия с промышленной сферой;
- модель университета с новой формой производства знаний («Режим 2») предполагает исследование и помощь в решении конкретных социальных проблем региона и междисциплинарное взаимодействие;
- модель вовлеченного университета означает активную социальную, политическую и гражданскую роль вузов в регионе [11].

Также автор рассматривает роль опорных вузов в регионе и считает, что они несут ответственность не только за свое развитие, но и развитие всего региона.

По мнению А. С. Вагановой, функционирование университета приносит региону многочисленные выгоды как экономического, так и неэкономического характера [5]. Среди сфер, на функционирование которых влияют университеты, автор выделяет политику, демографию, экономику, инфраструктуру, имидж региона, культуру, образование и социальную сферу. Она делает акцент на экономической стороне, и считает университет крупным хозяйствующим субъектом, поскольку его ежедневное функционирование генерирует значительный процент регионального продукта, дохода и занятости. Также автор выявил, что влияние высших учебных заведений на экономику региона может быть краткосрочным (с точки зрения расходов самого университета, сотрудников, студентов и посетителей) и долгосрочным (знания, образование, наука, инновации, подготовка кадров).

По мнению М. А. Каменских, перспективу влияния университетов на региональное развитие принято разделять на краткосрочную, которая увеличивает показатель валового регионального продукта и долю университетов в нем, а также способствует росту заработной платы, занятости, налоговых выплат, и долгосрочную, влияние которой распространяется на устойчивое развитие региона, инвестиции в оборудование, число патентов и генерацию новых знаний [10].

Одной из популярнейших моделей является модель «тройной спирали», разработанная Г. Ицковицем. Она показывает то, как взаимодействуют 3 основополагающие части инновационного развития страны — государство, бизнес и наука. На начальном этапе генерации знаний взаимодействуют власть и университет, затем в ходе трансфера технологий университет сотрудничает с бизнесом, а на рынок результат выводится совместно с властью и бизнесом [9]. Университеты, как основные представители сферы науки, играют немаловажную роль в инновационном развитии региона, а, следовательно, и в экономическом.

25 сентября 2015 года Организацией объединенных наций был принят список из 17 глобальных целей в области устойчивого развития, которые направлены на улучшение благосостояния и защиту нашей планеты. На их основе Британское издание Times Higher Education опубликовало рейтинг, оценивающий влияние университетов на социальное и экономическое развитие. Индикаторами стали не только экономические, а более широко раскрывающие роль университетов показатели — здоровье и благополучие, качественное образование, гендерное равенство, достойная работа и экономический рост, ответственное потребление и производство¹.

В современной России имеется три типа университетов: столичный, федеральный и региональный. И каждый университет имеет свой ареал влияния, определяемый его интеллектуальным, научным, культурным потенциалом. Региональный тип университетов остается самым многочисленным в Российской Федерации [1]. Таких на сегодняшний день более 600.

Таким образом, представленные выше исследования обосновывают важнейшую роль, которая отводится университетам в социально-экономическом развитии региона и страны. Такой же позиции придерживаются и российские власти, последовательно реализующие проекты и программы, ставящие своей целью развитие университетов, в том числе региональных.

Так, в паспорте национального проекта «Наука», утвержденном Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года, предусмотрены цели, напрямую связанные с развитием науки в 30 российских вузов вошли в рейтинг влияния университетов на социальное и экономическое развитие // Интерфакс Образование. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/2749/> (дата обращения: 01.04.2020).

университетах по всей стране: место РФ по числу статей, числу патентов и числу исследователей, численность ученых и доля молодых ученых, опережающий рост внутренних затрат на исследования и разработки по отношению к ВВП, а также сама сумма таких затрат.

Способы реализации этих амбициозных целей также находятся в прямой связи с региональным развитием: создание по всей стране научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦ), обновление приборной базы, развитие российских научных журналов, увеличение числа аспирантов и в целом «зеленый свет» молодым ученым. Вопрос об обоснованности сделанных в этом документе прогнозов и степени соответствия мероприятий федеральных проектов заявленным целям требует отдельного рассмотрения, тем более что скоро появятся и первые итоги. В настоящей же статье предлагается анализ сложившихся на момент принятия этого национального проекта (который определил вектор развития российской науки как минимум до 2024 года) количественно измеримых взаимосвязей показателей экономического развития регионов и показателей развития науки в университетах.

Методы и материалы

В работе использовался следующий подход. На первом этапе были выделены показатели, характеризующие социально-экономическое развитие российских регионов. При выборе учитывались такие критерии, как их популярность и узнаваемость, соответствие признаваемым государством и обществом целям развития, легкость получения и наличие признанной методики расчета. В список таких показателей были включены следующие показатели (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, в основном выбранные показатели характеризуют валовые результаты экономического развития, и выражаются в абсолютных величинах. Источником данных для этих показателей является региональная статистика Росстата². Период наблюдения — 2016—2018 годы (получение более свежих данных сдерживается поздними сроками публикации значений валового регионального продукта (данные за 2018 год были опубликованы только в феврале 2020 года).

На втором этапе для характеристики результатов развития науки в университетах

² URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения: 01.12.2020).

Таблица 1

Показатели социально-экономического развития регионов, используемые в исследовании, и их обозначения

№ п/п	Показатель	Обозначение
1	Численность населения, тыс. чел.	RD ₁
2	Валовой региональный продукт, млрд руб.	RD ₂
3	Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	RD ₃
4	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в обрабатывающих производствах, млрд руб.	RD ₄
5	Оборот розничной торговли, млрд руб.	RD ₅
6	Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, млрд руб.	RD ₆
7	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	RD ₇
8	Среднедушевые денежные доходы, тыс. руб. в мес.	IRD ₁

использованы данные мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, проводимого Министерством науки и высшего образования РФ¹. В исследовании использовались следующие показатели, отражающие развитие науки или же являющиеся «контрольными», позволяющими выделить влияние прочих факторов (табл. 2).

Показатели табл. 2 по вузам были либо непосредственно взяты из мониторинга, либо рассчитаны при помощи простейших арифметических на основе мониторинговых показателей (например, в мониторинге использованы данные о публикациях на 100 ППС, они пересчитаны в общее число публикаций по вузу через показатель УВ₇). Далее для получения агрегированных данных по региону осуществлялся свод показателей по основным вузам региона. В расчете учитывались только вузы с числом студентов более 2000 исходя из предположения, что у филиалов и «мелких» вузов возможности для самостоятельного проведения серьезных научных исследований ограничена. И на самом деле, анализ научных результатов

¹ URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo> (дата обращения: 01.12.2020).

таких вузов показал, что их вклад в региональные показатели крайне мал. Более того, на практике это означало, что подавляющее большинство анализируемых вузов имели статус университетов, и поэтому в дальнейшем исследовании термины университеты и вузы будут использоваться как синонимы.

Полученная выборка была очищена от нетипичных наблюдений (регионов, в которых либо нет университетов с числом обучающихся более 2000, либо регионов, чье экономическое развитие явным образом определяется уникальными факторами, и не вписывается в причинно-следственные схемы представленных выше объяснений (Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области, «академические» Новосибирская и Томская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округ). Также в ходе предварительного анализа распределения было установлено, что некоторые регионы, ранее отнесенные нами к категории «Центров» (см. [4]), также сильно выделяются на фоне общей тенденции и их включение в общую выборку некорректно (Республика Татарстан, Свердловская область, Краснодарский и Красноярский края). Их также было решено исключить из

Таблица 2

Показатели, характеризующие развитие вузов и науку в них, используемые в исследовании, и их обозначения

№ п/п	Показатель	Обозначение
1	Объем НИОКР, млн руб.	ED ₁
2	Количество публикаций ППС вузов в б/д Web of Science Core Collection, шт.	ED ₂
3	Количество публикаций ППС вузов в б/д Scopus, шт.	ED ₃
4	Количество публикаций ППС вузов, индексированных в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), шт.	ED ₄
5	Бюджет вузов региона, млн руб.	ED ₅
6	Число студентов вузов региона, человек	ED ₆
7	Общая численность ППС вузов региона (без совместителей), чел.	ED ₇
8	Объем НИОКР на одного работника ППС, тыс. руб.	IED ₁

анализируемой совокупности. Таким образом, исследование касалось 57 «среднего» российского региона (в предложенной ранее интерпретации — «Периферии 1» и «Периферии 2»), и предполагало выявление общих именно для этой группы регионов свойств и характеристик взаимосвязи регионального развития и науки в вузах. В исследовании использовалась следующая логическая модель взаимосвязи регионального развития и науки в вузах (рис. 1).

На рисунке представлена исходная модель взаимосвязанных факторов регионального развития и развития вузовской науки. Она не является полной и бесспорной, од-

нако в данном исследовании упор делался на такое представление о возможности связи. При этом не отрицалась и возможность обратной связи, когда региональное развитие влияет на развитие вузов и науки в них.

На следующем этапе была проведена оценка корреляционной связи показателей развития науки в университетах и показателей экономического развития регионов при помощи линейного коэффициента корреляции и коэффициента ранговой корреляции Спирмена, а также дана оценка статистической значимости корреляционной связи. Корреляция строилась для исходных показателей год к году, а также с лагом

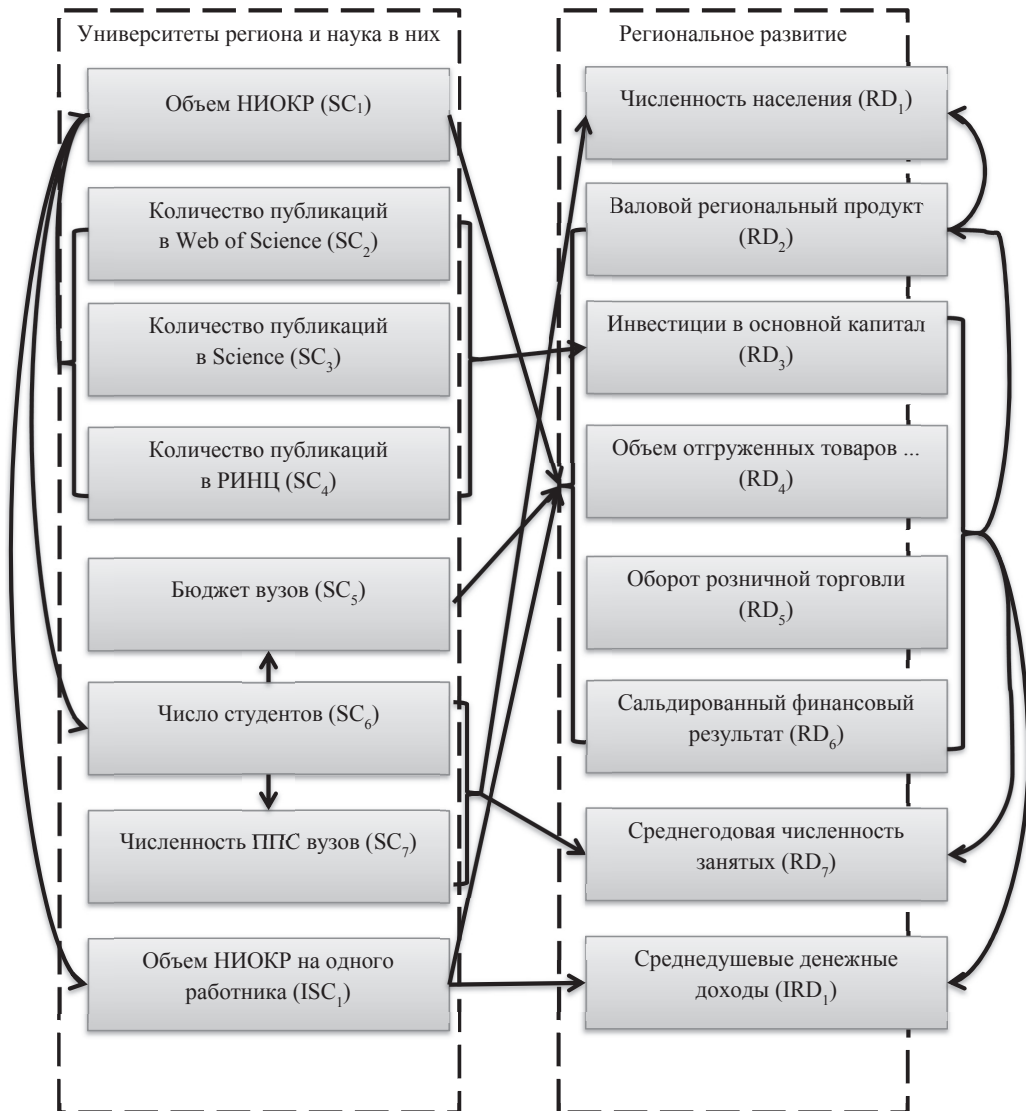

Рис. 1. Принципиальная схема взаимосвязей, анализируемых в исследовании

в один год. На основе полученных результатов сформулированы выводы, обобщения и подготовлены предложения для продолжения исследования.

Результаты

С точки зрения распределения по валовому региональному продукту выборка является бимодальной, что может говорить о наличии двух «точек притяжения», соответствующих «Периферии 1» (более высокие значения) и «Периферии 2». Это утверждение требует, вместе с тем, отдельной проверки (рис. 2).

Похожая картина наблюдается и в распределении по величине инвестиций в основной капитал (бимодальное распределение, см. рис. 3), что может считаться

аргументом в пользу выдвинутой теории. Распределение по сальдированному финансовому результату и по среднему душевому доходу близко к нормальному, что говорит об однородности сформированной выборки по показателям регионального развития (рис. 4).

Распределение выборки по числу вузов, числу публикаций в различных базах и по объему доходов от НИОКР на 1 ППС близко к логнормальному, что говорит за кумулятивный характер формирования этих показателей. Распределения регионов по количеству студентов, числу ППС, по совокупному бюджету вузов и объему доходов от НИОКР — бимодальное, также свидетельствующее о наличии двух групп и двух «точек притяжения» в выборке (рис. 5—8).

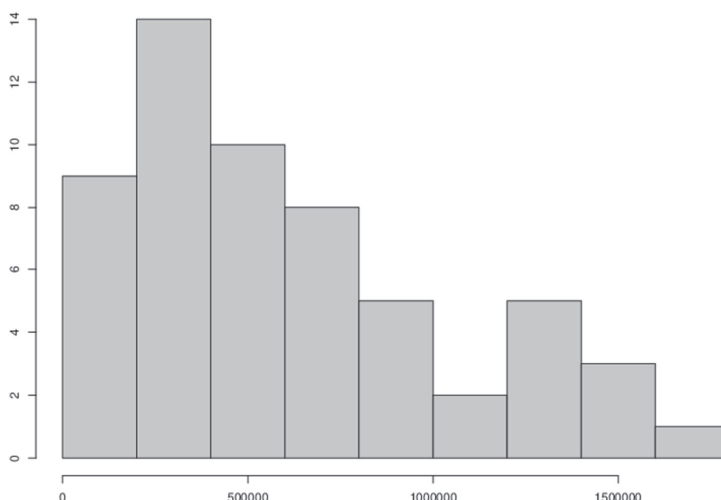

Рис. 2. Распределение регионов выборки по величине валового регионального продукта, млн руб., 2018 г.

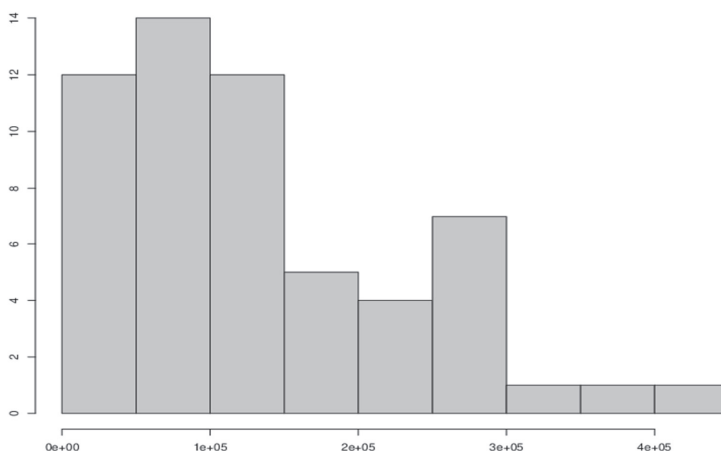

Рис. 3. Распределение регионов выборки по величине инвестиций в основной капитал млн руб., 2018 г.

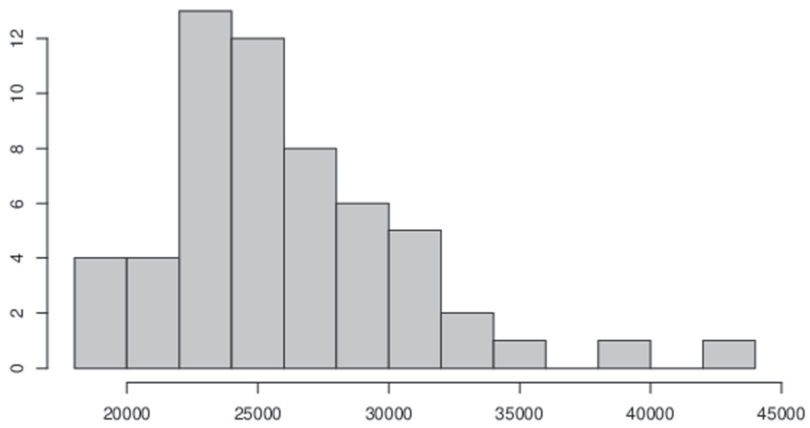

Рис. 4. Распределение регионов выборки по величине среднедушевого дохода в месяц, тыс. руб., 2018 г.

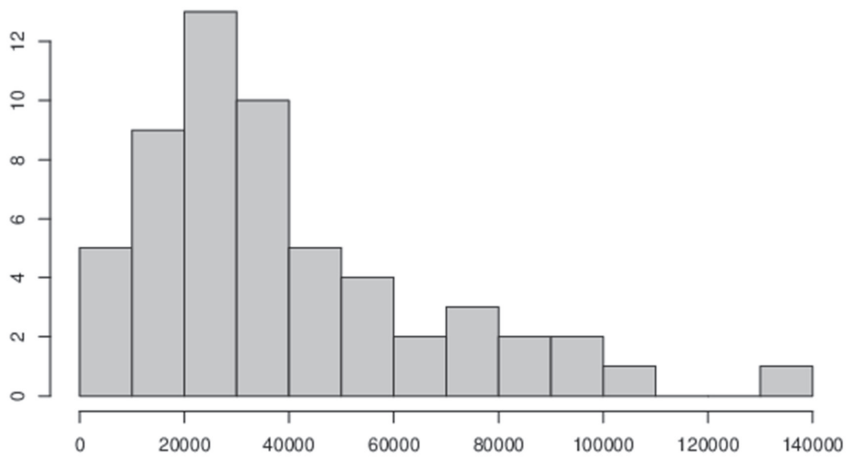

Рис. 5. Распределение регионов выборки по числу студентов, человек, 2018 г.

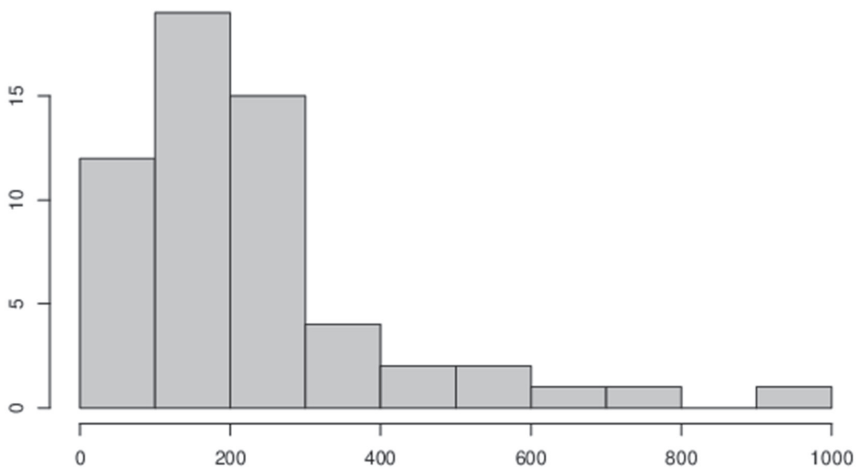

Рис. 6. Распределение регионов выборки по объему доходов от НИОКР на 1 ППС, человек, 2018 г.

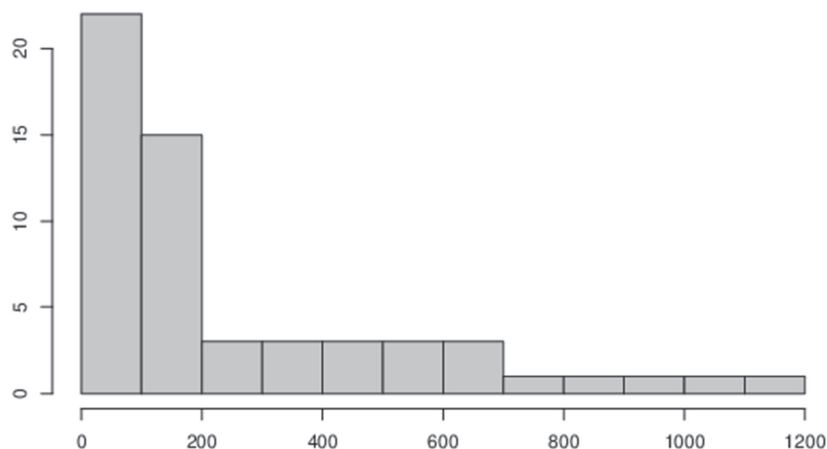

Рис. 7. Распределение регионов выборки по числу публикаций в б/д Web of Science Core Collection, ед., 2018 г.

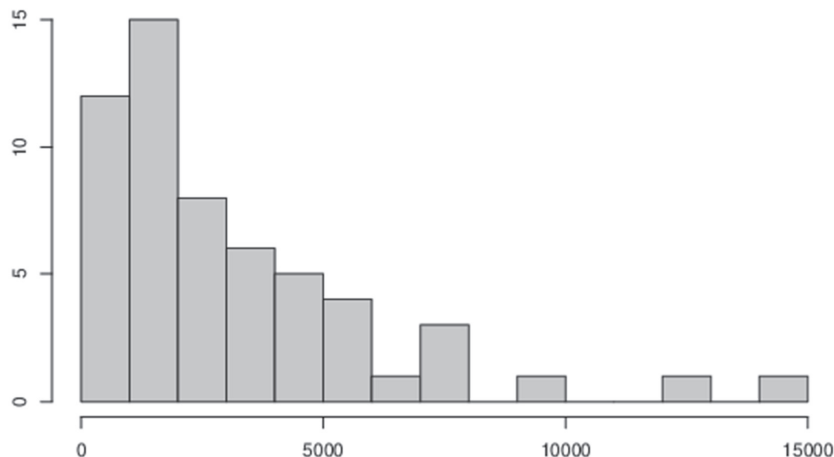

Рис. 8. Распределение регионов выборки по числу публикаций в б/д Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), ед., 2018 г.

Характеристики распределений по показателям представлены в табл. 3.

Помимо этого в настоящем исследовании использовались данные о вузовской науке за 2017 год (мониторинг 2018 года), исходя из гипотезы о возможном отложенном влиянии на региональное развитие научных достижений. Статистические характеристики показателей вузовской науки за 2017 год представлены в табл. 4.

1. Корреляционные матрицы

Для представленных показателей были рассчитаны линейные коэффициенты корреляции, а также коэффициенты ранговой корреляции Спирмена. Ожидаемо большинство абсолютных значений как для корреляции показателей 2018 года, так и для корреляции по-

казателей экономического развития 2018 года с показателями вузовской науки в 2017 году оказались статистически значимыми. Иными словами, регионы с большим числом вузов, преподавателей, студентов, публикаций и затрат на научно-исследовательские работы в целом имеют более высокие значения валового регионального продукта, инвестиций в основной капитал, оборота розничной торговли, сальдированный финансовый результат и численность населения (табл. 5).

Похожая картина наблюдается и при расчёте коэффициентов ранговой корреляции Спирмена (линейный коэффициент корреляции рангов). Точно также, большинство коэффициентов статистически значимы, что называется «с запасом» (табл. 6).

Таблица 3

Характеристики распределений значений основных показателей для регионов выборки (57 регионов, 2018 год)

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Первый квартиль	Медиана	Третий квартиль
Число вузов	13	8	7	11	16
Численность населения, тыс. чел.	1532	931	942	1238	1963
Среднедушевые денежные доходы в мес., руб.	26 171	4614	23 270	25 292	28 708
ВРП в 2018 году, млн руб.	610 213	425 144	280 012	549 973	834 023
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	132 566	94 320	56 851	109 925	191 318
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, млн руб.	69 726	94 755	6 146	32 778	112 787
Всего студентов в вузах региона, человек	38 914	28 123	21 185	30 479	50 342
Объем НИОКР на 1 НПР, тыс. руб.	231	181	110	194	280
Общая численность ППС (без внешних совместителей)	1144	997	474	876	1515
Общий объем НИОКР, млн руб.	325	453	61	134	369
Число публикаций в WoS	258	283	57	147	393
Число публикаций в Scopus	361	418	83	210	469
Число публикаций в РИНЦ	3231	2834	1248	2177	4342
Совокупный бюджет вузов, млн руб.	3265	3285	1072	2070	3786

Таблица 4

Характеристики распределений значений основных показателей для регионов выборки (2017 год)

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Первый квартиль	Медиана	Третий квартиль
Всего студентов в вузах региона, человек	40 184	28 136	21 651	31 255	51 192
Объем НИОКР на 1 НПР, тыс. руб.	212	166	101	177	278
Общая численность ППС (без внешних совместителей)	1155	1035	483	867	1481
Общий объем НИОКР, млн руб.	311	444	51	124	349
Число публикаций в WoS	263	322	56	130	368
Число публикаций в Scopus	313	407	63	154	362
Число публикаций в РИНЦ	3413	3585	994	1990	4805
Совокупный бюджет вузов, млн руб.	2901	2985	986	1745	3064

Однако вместе с первыми и явными выводами о наличии сильной положительной связи науки в вузах и региональным развитием, следует отметить и следующие неочевидные свойства полученных связей:

1. Коэффициенты ранговой корреляции устойчиво выше линейных коэффициентов корреляции;
2. Коэффициенты корреляции, рассчитанные с лагом в 1 год, показывают меньшие значения, чем рассчитанные год к году;
3. Наименьшая сила связи в обоих случаях выявлена для единственного

показателя, не являющегося валовым (среднедушевого дохода);

4. Единственный «неваловой» фактор (объем НИОКР на 1 НПР), между тем, во всех случаях статистически значимо был связан с «валовыми» показателями регионального развития;
5. Теснее других с показателями вузовской науки связаны оборот розничной торговли (RD5) и среднегодовая численность занятых (RD7);
6. Наиболее высокие значения коэффициентов корреляции с показателями регионального экономического

Таблица 5

Линейные коэффициенты корреляции показателей экономического развития регионов выборки и показателей науки в вузах

Показатели вузовской науки	Показатели регионального развития							
	RD1	IRD1	RD2	RD3	RD6	RD4	RD5	RD7
Число вузов 2018 год	*0,921	□0,215	●0,780	0,641	0,394	0,651	*0,912	*0,919
SC6	*0,905	□0,074	●0,781	0,620	0,442	●0,727	*0,884	*0,909
ISC1	0,401	□0,323	0,491	0,355	□0,282	0,526	0,473	0,447
SC7	*0,831	□0,159	●0,754	0,623	0,407	0,585	*0,840	*0,846
SC1	●0,749	□0,271	●0,746	0,556	0,424	0,698	*0,816	●0,792
SC2	*0,813	□0,191	*0,802	0,648	0,503	●0,725	*0,812	*0,862
SC3	*0,814	□0,193	●0,796	0,641	0,480	●0,721	*0,830	*0,861
SC4	●0,787	□0,097	0,688	0,619	0,394	0,482	●0,798	●0,778
SC5	●0,765	□0,297	●0,771	0,647	0,460	0,567	*0,802	●0,797
2017 год								
SC6	*0,935	□0,119	●0,787	0,588	0,418	●0,717	*0,910	0*,945
ISC1	0,451	0,363	0,552	0,413	□0,335	0,598	0,529	0,504
SC7	●0,784	□0,153	●0,743	0,598	0,421	0,601	●0,798	*0,816
SC1	●0,733	□0,273	●0,746	0,554	0,454	●0,720	*0,800	●0,786
SC2	●0,786	□0,173	●0,746	0,571	0,390	●0,713	*0,803	*0,833
SC3	●0,794	□0,176	●0,770	0,580	0,445	●0,714	*0,813	*0,843
SC4	●0,746	□0,077	0,672	0,542	0,380	0,542	●0,756	●0,756
SC5	●0,753	□0,286	●0,745	0,584	0,425	0,569	●0,784	●0,793

Примечание: * — значения коэффициентов больше 0,8 — здесь уровень значимости измеряется 1×10^{-13} , то есть связь гарантированно существует, ● — коэффициенты больше 0,7 (уровень значимости — 1×10^{-9}), □ — значения коэффициента, не значимые на 1 % уровне).

Таблица 6

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена для показателей экономического развития регионов выборки и показателей науки в вузах

Показатели вузовской науки	Показатели регионального развития							
	RD1	IRD1	RD2	RD3	RD6	RD4	RD5	RD7
Число вузов	*0,919	0,553	*0,892	*0,855	●0,752	*0,802	*0,949	*0,937
SC6	*0,939	0,428	*0,812	0,781	0,693	*0,846	*0,886	*0,929
ISC1	0,586	0,646	●0,704	0,664	0,638	●0,734	0,659	0,644
SC7	*0,891	0,497	*0,850	*0,804	0,697	*0,808	*0,900	*0,907
SC1	●0,781	0,605	*0,830	●0,775	0,699	*0,815	*0,834	*0,821
SC2	*0,853	0,544	*0,871	*0,818	●0,755	*0,855	*0,889	*0,891
SC3	*0,859	0,533	*0,858	*0,808	●0,736	*0,854	*0,889	*0,892
SC4	*0,882	0,374	●0,774	●0,744	0,672	●0,781	*0,852	*0,876
SC5	*0,842	0,582	*0,879	*0,836	●0,731	*0,807	*0,889	*0,877
SC6	*0,967	0,465	*0,838	●0,794	●0,704	*0,844	*0,924	*0,960
ISC1	0,615	0,682	●0,751	●0,714	0,679	●0,745	0,699	0,676
SC7	*0,841	0,507	*0,845	●0,773	●0,773	*0,874	*0,852	*0,872
SC1	●0,764	0,593	*0,836	●0,773	●0,749	*0,847	*0,815	*0,812
SC2	●0,774	0,509	*0,819	●0,726	●0,783	*0,888	●0,798	*0,818
SC3	●0,789	0,520	*0,829	●0,741	●0,797	*0,888	*0,811	*0,829
SC4	●0,778	0,375	0,745	0,681	●0,753	*0,839	●0,756	●0,798
SC5	*0,816	0,582	*0,877	*0,812	●0,781	*0,852	*0,852	*0,858

Примечание: * — значения коэффициентов больше 0,8 — здесь уровень значимости измеряется 1×10^{-13} , то есть связь гарантированно существует, ● — коэффициенты больше 0,7 (уровень значимости — 1×10^{-9})

развития наблюдались у факторов «число студентов», «число ППС», «число вузов»;

7. Значения коэффициентов корреляции для показателей числа публикаций в ведущих мировых базах (Web of Science и Scopus) и показателей регионального развития несущественно отличаются от соответствующих показателей для числа публикаций, проиндексированных в РИНЦ.

Обсуждение

Выявленные выше связи и закономерности могут быть содержательно интерпретированы следующим образом (нумерация соответствует пунктам выше по тексту, на которых основывались сделанные умозаключения):

1. Связь показателей науки в вузах и регионального развития носит нелинейный характер. Это означает, что для дальнейшего анализа силы и направления связи целесообразно использовать ранговые коэффициенты корреляции (Спирмена, Кендалла);

2. Результаты исследования позволяют предположить, что ВЛИЯНИЯ вузовской науки на региональное развитие гораздо меньше, чем их ВЗАИМОСВЯЗИ. Для оценки влияния более уместно использовать корреляцию с лагом в один или даже два года. Однако в данном случае влияние прошлогодних показателей вузовской науки на региональное развитие оказывается слабее, чем того же 2018 года. Это скорее всего означает, что и региональное развитие, и вузовская наука, находятся под влиянием общих фундаментальных факторов, а также развиваются во взаимосвязи: быстрее рост и лучше финансовые показатели в экономике — охотнее предприятия вкладываются в НИОКР, больше доходов у населения — больше студентов и доходов вузов, а больше доходов — больше поддержки публикационной активности ППС.

3. Тот факт, что среднедушевые доходы практически не зависят от степени развития вузовской науки, также говорит в пользу сомнений в той силе ее влияния на региональное развитие, которая зафиксирована рассчитанными значениями коэффициентов корреляции. На уровне экономической теории неоднократно было доказано, что развитие экономики — это в первую очередь рост благосостояния людей, а не абстрактных секторов экономики или валового продукта.

4. Наличие статистически значимой связи объемов доходов от НИОКР на одного

НПР с валовыми показателями экономического развития также говорит в пользу о как минимум двустороннем влиянии, или даже о том, что наука в вузах развивается в тех регионах, в которых есть и экономическое развитие.

5. Сравнение значений коэффициентов корреляции, характеризующих связь разных показателей экономического развития, также позволяет сделать предварительный вывод о том, что идея о том, что вероятность обратной причинно-следственной связи (т. е. влияния регионального развития на науку в вузах) существенно выше, чем прямой. На самом деле, уместнее предположить, что более высокая экономическая активность и большее число занятых в регионе косвенно, через описанные выше механизмы, влияет на объем НИОКР и число публикаций.

6. Выявленная тесная связь регионального развития с «тестовыми» показателями, такими как число студентов, число вузов и число ППС (напрямую не связанными с наукой) позволяет предположить, что на социально-экономическое развитие регионов влияет сам факт присутствия вузов и степень их распространения, нежели степень результативности научной деятельности, измеряемая мониторинговыми показателями. Такой вывод расходится с принятой на вооружение федеральной политикой сокращения числа вузов во имя повышения качества подготовки в них, а также говорить в пользу более равномерного распределения числа бюджетных мест среди вузов страны. Иными словами, строившаяся последнее десятилетие «пирамида университетов», скорее всего, себя не оправдала в контексте именно регионального развития.

7. Наличие одинаково значимой связи регионального развития как с числом публикаций в мировых базах, так и в отечественном РИНЦ, позволяет указать на ошибочность практики ориентации научной деятельности исключительно на зарубежный публикации в «высокорейтинговых» публикаций. Для различных задач социально-экономического развития регионов важны и зарубежные, и отечественные публикации, причем не только в изданиях, входящих в Web of Science или Scopus.

Интересно проследить, каким визуальным образом (корреляционным полем) характеризуются некоторые из выявленных зависимостей, а также каково в них место отдельных регионов (для этой цели целесообразно использовать регионы родного для авторов Уральского федерального округа). На приведенных ниже рисунках представлены

корреляционные поля для следующих пар показателей (все данные — за 2018 год):

1. Валового регионального продукта и числа студентов (рис. 9);
2. Валового регионального продукта и объема доходов от НИОКР (рис. 10);
3. Инвестиций в основной капитал и объема доходов от НИОКР на 1 НПР (рис. 11);
4. Инвестиций в основной капитал и числа публикаций в Scopus (рис. 12);
5. Инвестиций в основной капитал и числа публикаций в РИНЦ (рис. 13);
6. Среднедушевых доходов населения и объема доходов от НИОКР на 1 НПР (рис. 14).

На всех графиках два региона, представляющие УрФО в выборке (Челябинская и Тюменская области), выделены свечением вокруг соответствующих точек.

Визуальный анализ рис. 9 и 10 позволяет предположить, что внутри выборки существует и могут быть описаны двумя

разными моделями две различные по характеру связи: первая проходит выше условной линии линейной регрессии, вторая — ниже. Если быть конкретнее, то в случае моделирования зависимости ВРП от числа студентов имеет смысл отдельно рассматривать выборку, включающую Республику Башкортостан, Республику Саха (Якутию), Архангельскую, Иркутскую, Кемеровскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Самарскую, Тюменскую и Челябинскую области, а также Пермский край, и отдельно — все остальные регионы. Для первой модели будет характерны более высокие значения ВРП при сопоставимом с другими регионами числе студентов. Это может означать, что главным источником экономического развития этих регионов является не человеческий капитал и региональная система его воспроизводства, а иные факторы.

Визуальный анализ рис. 11, 12 и 13 позволяет утверждать, что достаточно большая группа регионов, имея значительные

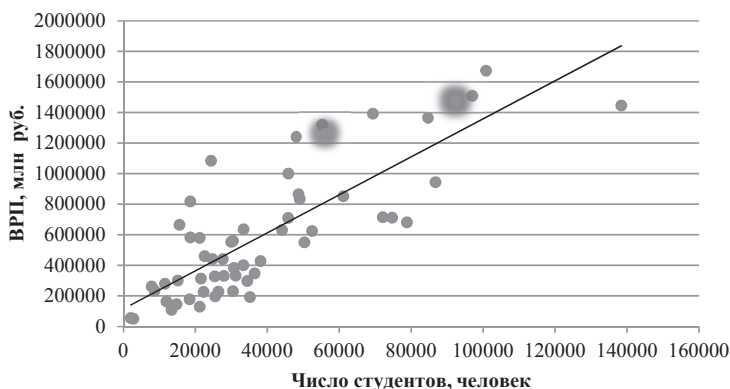

Рис. 9. Корреляционное поле, иллюстрирующее связь числа студентов и валового регионального продукта в 2018 году для регионов выборки

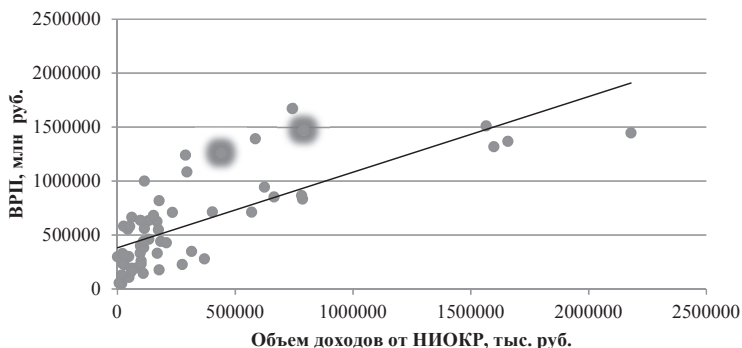

Рис. 10. Корреляционное поле, иллюстрирующее связь объема НИОКР и валового регионального продукта в 2018 году для регионов выборки

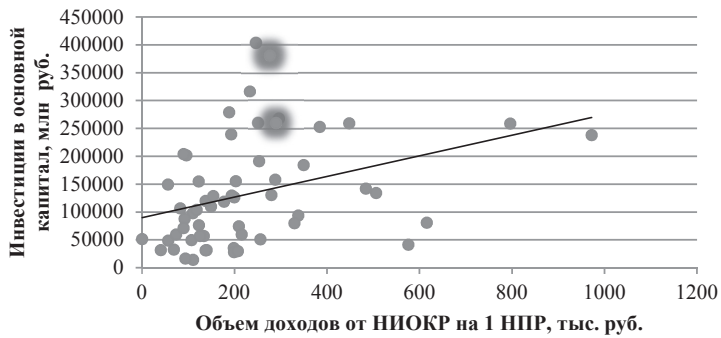

Рис. 11. Корреляционное поле, иллюстрирующее связь объема НИОКР на одного НПР и инвестиций в основной капитал в 2018 году для регионов выборки

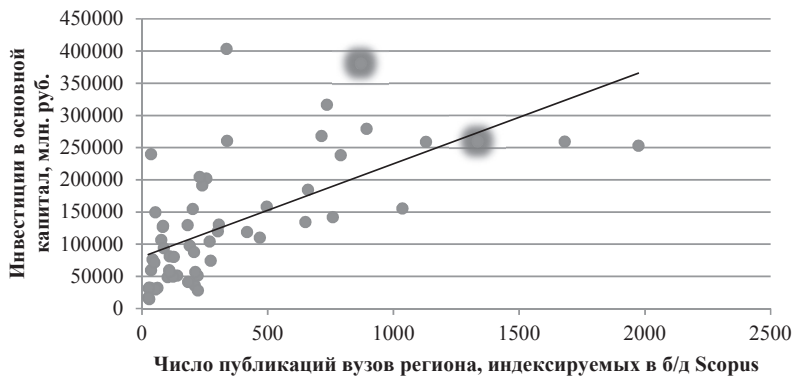

Рис. 12. Корреляционное поле, иллюстрирующее связь числа публикаций, индексируемых в б/д Scopus и инвестиций в основной капитал в 2018 году для регионов выборки

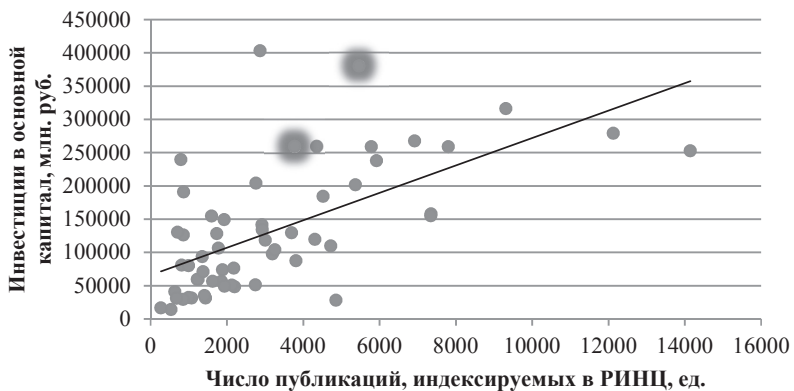

Рис. 13. Корреляционное поле, иллюстрирующее связь числа публикаций, индексируемых в РИНЦ и инвестиций в основной капитал в 2018 году для регионов выборки

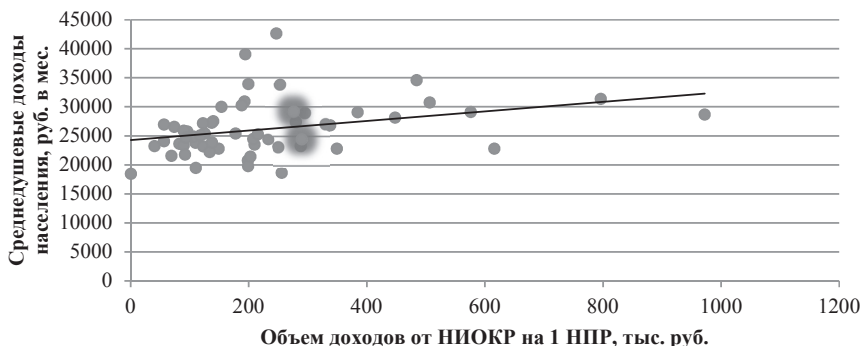

Рис. 14. Корреляционное поле, иллюстрирующее связь объема НИОКР на 1 НПП и среднедушевых доходов населения в 2018 году для регионов выборки

инвестиции в основной капитал, обходится при этом без существенных научных результатов в виде статей или доходов от НИОКР (во всех случаях этот вывод можно применить и к входящим в выборку регионам УрФО). С другой стороны, в выборке также присутствует ряд регионов, чьи научные успехи не приводят к оживлению инвестиционной активности в регионе (в первую очередь, речь идет о Нижегородской области и Пермском крае).

Представленные на рис. 14 соотношения, пожалуй, в наибольшей степени отражают единственную и устойчивую тенденцию взаимосвязи рассмотренных показателей. Вместе с тем, следует отметить, что «влияние» «научных» доходов вузов на среднедушевые доходы всего населения регионов выборки незначительное — если при 100 тыс. рублей «научных» доходов на НПП среднедушевой доход составляет примерно 25 тыс. рублей в месяц, то семикратный рост «научных» доходов приводит всего лишь к росту среднедушевого дохода до 30 тыс. рублей, т. е. на 20 %.

Заключение

1. Представленный в статье подход, связанный с выделением в структуре российских регионов их статистически однородной группы (не включающей как явных лидеров, так и явных аутсайдеров) оправдал себя, позволив прийти к статистически значимым для этой совокупности регионов выборки. Этот вывод по сути подтверждает заявленный ранее в [4] принцип выделения среди российских регионов центров и периферий двух типов. С учетом сделанных в статье обобщений, типы периферий могут быть расширены до трех. Однако эта гипотеза требует дальнейшей проверки, что выходит за рамки настоящей статьи.

2. Анализ всей совокупности рассчитанных показателей позволяет сделать вывод о том, что выбранные Министерством образования и науки РФ (и используемые сегодня Министерством науки и высшего образования) индикаторы для оценки результативности и эффективности научной работы вузов (речь об объеме доходов от НИОКР и количестве публикаций в ведущих мировых базах) не оказывают влияния на результаты регионального развития. Связь между этими показателями есть, но она носит косвенный или даже обратный характер. Такой вывод основан на двух результатах: более тесной связи регионального развития с числом студентов и ППС, нежели с результатами научной деятельности вузов, а также на «затухающей» силе связи в случае лаговой корреляции.

3. В представленной выборке регионов сила связи регионального развития и количества публикаций в ведущих мировых базах оказалась практически такой же, как в случае связи регионального развития с количеством публикаций в РИНЦ. Иными словами, невнимание регулирующих органов к публикационной активности в российском поле научных изданий не может объясняться низким качеством или представительностью соответствующих индексов. Причины следует искать в другом.

Представленные результаты и выводы в большей степени — приглашение к дискуссии и к дальнейшим исследованиям, которые можно осуществлять по следующим направлениям:

- анализ корреляции качественных показателей, отражающих и региональное развитие (наряду со среднедушевыми доходами, это может быть уровень безработицы, доля инвестиций в ВРП, а также доля инновационной

продукции, средняя рентабельность организаций, доля накоплений населения в его доходах), и науку в вузах (число публикаций на 100 ППС, доля доходов от НИОКР в бюджете вуза, показатели патентной активности). Это позволит элиминировать влияние фактора размера региона на исследование;

- анализ корреляции приростов валовых показателей, а также темпов роста качественных показателей, включая анализ лаговой корреляции. Это позволит оценить влияние не самих значений показателей науки, а их изменений, на изменение регионального развития. Полученные результаты могут дополнить или опровергнуть полученные в данном исследовании выводы;
- построение регрессионных моделей, описывающих влияние науки в вузах на региональное развитие, включающие и институциональные факторы. Это позволит проверить выдвинутые гипотезы при помощи прогнозирования (в том числе ретроспективного), а также предложить рекомендации органам исполнительной власти по совершенствованию поддержки вузовской науки.

1. Аккиева С. И., Сампиев И. М. Роль университета в социально-экономическом и культурном развитии региона // *Общество: философия, история, культура*. 2015.

2. Балацкий Е., Сергеева В. Научно-практическая результативность российских университетов // *Вопросы экономики*. 2014. № 2. С. 133—148.

3. Бархатов В. И. Тренды развития регионов в условиях «новой нормальности» и «новой реальности» // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 9 (431). С. 43—56.

4. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // *Социум и власть*. 2019. № 5 (79). С. 65—83.

5. Ваганова А. С. Анализ направлений влияния университета на экономическое развитие региона // *Таврический научный обозреватель*. 2015. № 5. С. 42—44.

6. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Ситковский А. М. Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // *Вестник Челябинского государ-*

ственного университета. 2019. № 11 (433). С. 38—47.

7. Зайцева О. П. Основные тренды развития регионального высшего образования // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2017. С. 196—203.

8. Зиневич О. В., Балмасова Т. А. На пути модернизации: миссия университета в региональном развитии // *Профессиональное образование в современном мире*. 2018. Т. 8, № 3. С. 2000—2010.

9. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.

10. Каменских М. А. Оценка экономического влияния университета в системе региона // *Проблемы современной экономики*. 2015. № 3 (55). С. 361—363.

11. Кранзеева Е. А. Новые модели университетов: вклад в региональное развитие // *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. Т. 21, № 5. С. 64—73.

12. Курбатова М. В., Каган С. Е., Вшивкова А. А. Региональное развитие: проблемы формирования и реализации научно-технического потенциала // *TERRA ECONOMICUS*. 2018. С. 101—117.

13. Лешуков О. В., Евсеева Д. Г., Громов А. Д., Платонова Д. П. Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России. М. : НИУ ВШЭ, 2017. 30 с.

14. Оленев А. А. Загрузка на местах: влияние регионального вуза на социально-экономическое развитие территории // *Креативная экономика*. 2013. № 4. С. 48—53.

15. Сафронов Н. В. Четвертая миссия университета в пространстве региона // *Совет ректоров*. 2014. № 4. С. 16—25.

16. Третьяков Е. В. О региональной роли университетов // *Университетское управление: практика и анализ*. 2000. № 2. С. 5—6.

17. Фирсова А. А., Нархова А. А. Зарубежные подходы к оценке влияния университета на регион // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2014. Т. 14. Вып. 2, ч. 1. С. 289—294.

18. Шабалин Ю. Е. Модернизация высшей школы: место и роль регионального университета // *Совет ректоров*. 2012. № 6. С. 10—26.

References

1. Akkiewa S.I., Sampiev I.M. (2015) *Obshchestvo: filosofija, istorija, kultura* [In Rus].

2. Balackij E., Sergeeva V. (2014) *Voprosy jekonomiki*, no. 2, pp. 133—148 [In Rus].
3. Barhatov V.I. (2019) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (431), pp. 43—56 [In Rus].
4. Barhatov V.I., Pletnjov D.A., Kapkaev U.S. (2019) *Socium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65—83 [In Rus].
5. Vaganova A.S. (2015) *Tavriceskij nauchnyj obozrevatel'*, no. 5, pp. 42—44 [In Rus].
6. Gordeev S.S., Zyrjanov S.G., Sitkovskij A.M. (2019) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11 (433), pp. 38—47 [In Rus].
7. Zajceva O.P. (2017) *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija*, pp. 196—203 [In Rus].
8. Zinevich O.V., Balmasova T.A. (2018) *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, no. 3 (8), pp. 2000—2010 [In Rus].
9. Ickovic G. (2010) Trojnaja spiral'. Universitety — predprijatija — gosudarstvo. Innovacii v dejstvii. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravlenija i radioelektroniki, 238 p. [In Rus].
10. Kamenskih M.A. (2015) *Problemy sovremennoj jekonomiki*, no. 3 (55), pp. 361—363 [In Rus].
11. Kranzeeva E.A. (2017) *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, no. 5 (21), pp. 64—73 [In Rus].
12. Kurbatova M.V., Kagan S.E., Vshivkova A.A. (2018) *TERRA ECONOMICUS*, pp. 101—117 [In Rus].
13. Leshukov O.V., Evseeva D.G., Gromov A.D., Platonova D.P. (2017) Ocenka vklada regional'nyh sistem vysshego obrazovanija v social'no-jekonomicheskoe razvitie regionov Rossii. Moscow, NIU VSHE, 30 p. [In Rus].
14. Olenev A.A. (2013) *Kreativnaja jekonomika*, no. 4, pp. 48—53 [In Rus].
15. Safronov N.V. (2014) *Sovet rektorov*, no. 4, pp. 16—25 [In Rus].
16. Tret'jakov E.V. (2000) *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, no. 2, pp. 5—6 [In Rus].
17. Firsova A.A., Narhova A.A. (2014) *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija «Jekonomika. Upravlenie. Pravo»*, no. 14 (2, 1), pp. 289—294 [In Rus].
18. Shabalin Ju.E. (2012) *Sovet rektorov*, no. 6, pp. 10—26 [In Rus].

For citing: Pletnev D.A., Basyrova D.M.
The influence of university science
on the Russian regions' development //
Socium i vlast'. 2020. № 1 (87). P. 41—59.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-41-59.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-41-59

UDC 338.001.36

THE INFLUENCE OF UNIVERSITY SCIENCE ON THE RUSSIAN REGIONS' DEVELOPMENT

Dmitry A. Pletnev,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Economics of Industries and Markets,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor.
Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Brat'yev Kashirinykh, 129.
E-mail: pletnev@csu.ru

Dina M. Basyrova,

Chelyabinsk State University.
Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Brat'yev Kashirinykh, 129.
E-mail: basyrovaadinam@gmail.com

Abstract

Introduction. One of the drivers of the Russian regions' development is traditionally considered to be local universities and the scientific activity development, in particular. However, such a belief is usually based on speculative conclusions and is not subjected to detailed empirical testing. The purpose of the study is to assess the relationship between the development of science in universities in Russian regions and indicators of regional development according to 2017—18 data.

Methods. The authors use methods of generalization, grouping, assessment of indicators of central tendency and variations, as well as methods of correlation analysis. The study is based on the data from regional statistics presented on the official website of Russian Statistics Agency, as well as data from monitoring the universities

effectiveness, commissioned by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Scientific novelty of the research. For the first time, the authors present an empirical analysis of the relationship between indicators of socio-economic development of Russian regions and indicators of scientific activity in universities in the region. The study is characterized by using a sample of homogeneous regions. The sample excluded regions that did not have significant scientific results, as well as regions that are leaders in economic development. As a result, a "core" of 57 Russian regions with similar characteristics of both economic development and the results of scientific activity was investigated. This increased the practical significance of the conclusions and their reliability.

Results. As a result of the study, it was found out that there is a statistically significant relationship between all indicators of regional development and science in universities. However, a deeper analysis made it possible to establish that this relationship is indirect. In some cases, we can talk about the opposite influence - regional development on scientific results in universities.

Conclusions. It was found that the indicators used in the public administration system for assessing the effectiveness and efficiency of scientific activity are not key in terms of their impact on regional development. It was revealed that publications in leading world databases and in the Russian Science Citation Index (RSCI) are equally related to regional development. It has been determined that in a number of cases, within the considered sample, it is possible to distinguish two groups of regions with a different nature of the relationship between regional development and science in universities.

Key concepts:

regional development,
gross regional product,
regional university,
publication activity,
RSCI.

Для цитирования: Забелина И. А., Парфенова К. В. Механизмы ускоренного экономического роста регионов Дальнего Востока // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 60—75. DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-60-75.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-60-75

УДК 332.1

МЕХАНИЗМЫ УСКОРЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Забелина Ирина Александровна,

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, старший научный сотрудник лаборатории эколого-экономических исследований, кандидат экономических наук, доцент. Российская Федерация, 672014, г. Чита, ул. Недорезова, 16а. E-Mail: i_zabelina@mail.ru

Парфенова Ксения Владимировна,

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, научный сотрудник лаборатории географии и регионального природопользования, кандидат географических наук. Российская Федерация, 672014, г. Чита, ул. Недорезова, 16а. E-Mail: gorina08@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время вопросы ускоренного экономического развития Дальнего Востока остаются в фокусе внимания государства. В число ключевых механизмов государственной политики входит формирование территорий опережающего развития (ТОР). В статье поставлена задача изучения влияния принятых институциональных мер на благосостояние и качество жизни населения на дальневосточных территориях. Особое внимание уделяется изучению миграционных процессов и анализу экономической активности населения Дальнего Востока.

Цель. Изучить эффекты от реализации механизмов ускоренного экономического роста, а также оценить их влияние на качество жизни в регионах Дальнего Востока.

Методы. Используются методы: экономико-математического моделирования, расчетно-аналитические, сравнительного и пространственного анализа.

Научная новизна исследования. Для комплексной оценки уровня благополучия регионов авторами предложено дополнить мультипликативную модель, основанную на расширенной функции благосостояния А. Сена, сводным экологическим индексом. Он учитывает экологические условия жизни людей, представляющие собой важный аспект благосостояния. Получены экологически скорректированные показатели благополучия для восточных регионов РФ. Исследована их динамика, а также изучена взаимосвязь с данными миграционной активности населения в период формирования новых институтов опережающего развития на Востоке страны.

Результаты. Установлено, что большинство дальневосточных территорий по-прежнему отстают по социально-экономическому развитию от среднероссийского уровня. Результаты оценки уровня благополучия регионов на основе мультипликативной модели без учета экологического фактора показали, что наиболее благополучными являются сырьевые территории. Показано, что роль экологических факторов в качестве жизни на дальневосточных территориях России весьма значительна — экологически скорректированный уровень благополучия заметно ниже показателя, не учитывающего данный аспект благосостояния. Выявлено, что неблагоприятные в социально-экономическом отношении регионы со сложными природно-климатическими условиями проживания имеют очень высокие показатели миграционного оттока. Их коэффициенты миграционной убыли отражают наличие кризиса в экономическом развитии, причем возрастающего в последние годы. Анализ тенденций экономической активности показал наличие взаимосвязи между динамикой численности занятых и реализацией проектов ТОР на дальневосточных территориях. **Выводы.** Сделан вывод, что принимаемые государством меры по опережающему экономическому развитию восточных территорий страны пока не оказали заметного позитивного влияния на благосостояние и качество жизни в регионах Дальнего Востока.

Ключевые понятия:

регионы Дальнего Востока, территории опережающего развития (ТОР), социальное благополучие, миграционные процессы, экологические условия жизни населения.

Введение

Проблема существующей неоднородности экономического пространства территории России заметно сказывается на уровне социального благополучия ее регионов, обуславливая необходимость выработки механизмов регионального развития. Подобные меры государственного управления должны учитывать не только социально-экономическую специфику регионов, но и экологические факторы территориального развития, имеющие определенное влияние на формирование качества жизни населения. В отдельных регионах с сырьевой направленностью экономического развития экологическая нагрузка на природные среды достаточно высока. Такая ситуация характерна и для большинства дальневосточных территорий [7], в основе хозяйственной деятельности которых по-прежнему лежат природно-ресурсные отрасли [1; 5]. В комплексе данные факторы формируют определенный уровень благополучия регионов, индикатором состояния которых может выступать миграционное движение населения.

Учитывая существующие задачи по снижению миграционной убыли населения на территории России, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹ правительство страны уделило значительное внимание регионам Дальнего Востока, имеющим наибольшие проблемы демографического и миграционного характера. Прежде всего государственные мероприятия региональной политики направлены на создание новых механизмов территориального развития, поскольку миграционная составляющая в наибольшей степени позволяет отразить чувствительность населения к социально-экономическому «климату». В этом контексте в проведенных ранее исследованиях [22] было выявлено, что наиболее уязвимыми в социодемографическом отношении являются слабо заселенные регионы Востока России с дискомфортными природно-климатическими условиями проживания и нестабильной социально-экономической обстановкой. В большей степени это периферийные, депрессивные территории, являющиеся стабильными донорами мигрантов.

Основным вектором решения возникающих трудностей правительство РФ видит в стимулировании экономического развития

данных территорий за счет создания в дальневосточном макрорегионе федеральных институтов. Так, в 2012 г. было образовано Министерство по развитию Дальнего Востока (далее переименовано в Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики). В период с 2014 по 2017 гг. был принят целый ряд федеральных законодательных актов, в их числе закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»². После вступления в силу этого нормативно-правового акта начался активный процесс разработки проектов государственно-частного инвестирования, направленных на стимулирование хозяйственной деятельности субъектов и повышение качества жизни проживающего в них населения.

Подобная логика регионального управления территорией согласуется с идеями территориального развития экономистов Ф. Перру и Ж.-Р. Будвиля [26] — они не только обозначили условия появления точек экономического роста, но и предложили понимать под ними наряду с предприятиями и отраслями разномасштабные территории, являющиеся источниками инновационного и экономического развития всей страны. Регионы, успешно реализующие проекты на территориях опережающего социально-экономического развития (ТОР или ТОСЭР), могут стать реальными драйверами экономического развития для всего дальневосточного макрорегиона. Кроме того, это может способствовать решению миграционных проблем — любой административный центр в условиях миграционного движения является местом притяжения, а экономический импульс развития территории оказывается значительным притягивающим фактором миграции.

Созданные в субъектах Дальневосточного макрорегиона федеральные институты территориального развития должны способствовать реализации комплексных мероприятий по повышению качества жизни в них. Однако на протяжении ряда лет степень реализации и использования регионами предложенных государством механизмов развития является разной. Возникают вопросы — стали ли регионы, в которых реализуются проекты в рамках ТОР, подобными точками экономического развития? Способствовали ли экономические перемены повышению качества жизни и снижению оттока

¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 20.08.2020).

² О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 20.08.2020).

населения с дальневосточных территорий? Поиск ответов на поставленные вопросы и определил цель данного исследования, которая заключается в изучении эффектов от реализации механизмов ускоренного экономического роста, а также оценке их влияния на качество жизни в регионах Дальнего Востока. Начальным периодом в нашей работе будет выступать 2014 г., т. е. год вступления в силу закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Благополучие регионов и миграционные процессы на Востоке РФ

Ключевыми целями реализации разработанных государством механизмов опережающего развития Дальнего Востока являются: достижение основных показателей качества жизни выше среднего уровня по РФ (включая реальные денежные доходы); стабилизация и увеличение численности населения, в т. ч. за счет притока мигрантов из других российских регионов¹. Проанализируем как изменилось благосостояние и качество жизни на дальневосточных территориях в период становления новых институтов развития.

В современной отечественной и зарубежной литературе большое внимание уделяется исследованию благосостояния как экономической категории, теоретическому обоснованию его измерителей [8; 19; 30 и др.], а также предпринимаются попытки оценки таких показателей для различных стран и/или регионов [4; 10; 14; 25; 28 и др.]. В настоящей работе мы будем придерживаться общепринятого определения благосостояния, под которым понимается «мера, степень обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования» [20] (в рамках данного исследования понятия «благополучие» и «благосостояние» используются как тождественные). В работе [21] авторы подчеркивают, что благосостояние многогранно и многие его нематериальные составляющие не находят отражения в традиционно используемых измерителях дохода. Это относится и к экологическому аспекту, который в условиях возрастающего антропогенного воздействия на окружающую среду приобретает все большую значимость. Поскольку экономическое развитие

большинства регионов Дальнего Востока традиционно ориентировано на добычу и переработку природных ресурсов (т. е. виды деятельности, оказывающие наиболее выраженное негативное воздействие на окружающую среду) нельзя недооценивать роль экологических факторов в качестве жизни населения этих территорий.

Социальное благополучие регионов может быть измерено с использованием мультипликативной модели [11], основанной на расширенной функции благосостояния А. Сена [29]. Эта модель была расширена за счет включения в нее компонента, учитывающего экологические условия жизни населения. Методология оценки уровня благополучия российских регионов с учетом экологической составляющей подробно изложена в работе [6]. Здесь приведем лишь краткую характеристику параметров пятикомпонентной мультипликативной модели, на основе которой были выполнены расчеты для дальневосточных территорий (табл. 1).

Сравнительный анализ включенных в модель характеристик социально-экономического развития показал, что приграничные территории Дальнего Востока по-прежнему заметно отстают от среднероссийского уровня (табл. 2). Более высокие показатели среднедушевых денежных доходов и среднедушевого ВРП имеют регионы, специализирующиеся преимущественно на добыче природного сырья: Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха (Якутия), Камчатский край и Чукотский АО. Среди приграничных территорий выделяются Приморский и Хабаровский края. Почти все анализируемые регионы (за исключением Забайкальского края и Республики Бурятия) характеризуются и более высокой стоимостью жизни — значение соответствующего индекса меньше 1, т. е. стоимость фиксированного набора товаров и услуг в них выше стоимости аналогичного набора в РФ.

Результаты оценки уровня благосостояния регионов Дальнего Востока представлены в табл. 3. Наиболее благополучными, согласно модели без учета экологического фактора, оказались уже упомянутые Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Сахалинская и Магаданская области — уровень благополучия в них выше среднего по РФ (9189 руб./чел. в 2018 г.). Хабаровский и Приморский края также превосходят среднероссийский уровень.

Включение в модель компонента, учитывающего экологические условия жизни населения, заметно повлияло на результаты

¹ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. С. 5. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitiidalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

Таблица 1

Компоненты мультипликативной функции благосостояния и их характеристика

Компонент модели	Обозначение компонента в формуле	Краткая характеристика
Среднедушевой валовой региональный продукт (ВРП) в регионе, руб./чел.	Y / N	ВРП в расчете на душу в сопоставимых ценах 2008 г.
Доля доходов населения в ВРП в регионе	D / Y	Рассчитывается как отношение денежных доходов населения к ВРП (обе стоимостные характеристики приведены к сопоставимым ценам 2008 г.)
Индекс, обратный стоимости жизни в регионе	$\bar{C} / C$	Рассчитывается как отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в стране к стоимости данного набора в регионе
Показатель, учитывающий дифференциацию доходов в регионе	$(1 - G)$	Рассчитывается как $1 - G$, где G — внутрирегиональный коэффициент Джини для номинальных доходов населения
Интегральный экологический индекс, характеризующий качество окружающей среды в регионе	$E = \sum_i^n P_i / n$	Определяется как среднее арифметическое нормированных частных экологических индексов, которые рассчитываются на основе следующих показателей: удельный вес исследованных проб воздуха с превышением предельно допустимых концентраций (P_1); удельный вес исследованных проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим и микробиологическим показателям (P_2, P_3); удельный вес исследованных проб почвы селитебных территорий, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим, микробиологическим и паразитарным показателям ($P_4 - P_6$). E изменяется в диапазоне от 0 до 1: чем выше его значение, тем благополучнее состояние окружающей среды в регионе

Таблица 2

Основные социально-экономические характеристики регионов Дальнего Востока и РФ

Регион	Среднедушевой ВРП (в ценах 2008 г.), тыс. руб./чел.		Среднедушевые денежные доходы населения (в ценах 2008 г.), руб./чел.		Индекс, обратный стоимости жизни в регионе	
	2014	2018	2014	2018	2014	2018
Амурская область	163,95	168,12	15423	14918	0,90	0,97
Еврейская ОА	139,62	154,81	12634	11242	0,83	0,87
Забайкальский край	136,99	145,07	11829	11265	1,11	1,06
Камчатский край	271,72	313,31	24983	24846	0,62	0,62
Магаданская область	331,74	382,77	26220	27512	0,69	0,71
Приморский край	184,36	189,20	17599	17806	0,82	0,87
Республика Бурятия	126,59	120,01	12703	11945	1,02	1,05
Республика Саха (Якутия)	369,54	404,80	21857	22466	0,81	0,80
Сахалинская область	847,20	879,19	26408	27805	0,74	0,84
Хабаровский край	218,70	218,15	19500	19079	0,78	0,84
Чукотский АО	625,28	637,51	41278	42761	0,62	0,59
РФ в целом	251,39	262,27	17480	16137	—	—

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. Национальные счета. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts#>. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 16.12.2020).

Таблица 3

Уровень благополучия и его изменение за период с 2012 по 2018 г. в регионах Дальнего Востока и РФ*

Регион	Уровень благополучия без учета экологического фактора			Уровень благополучия с учетом экологического фактора		
	$S_i = (Y_i / N_i) \times (D_i / Y_i) \times (\bar{CI} / CI_i) \times (1 - G_i)$					
	$S_{Ei} = (Y_i / N_i) \times (D_i / Y_i) \times (\bar{CI} / CI_i) \times (1 - G_i) \times E_i$					
	2012	2018	Изменение, %	2012	2018	Изменение, %
Амурская область	8487	8702	2,5	7352	7885	7,2
Еврейская АО	6612	6361	-3,8	5474	4869	-11,1
Забайкальский край	8279	7540	-8,9	5266	6044	14,8
Камчатский край	8447	9676	14,5	7649	9329	22,0
Магаданская область	9780	12 008	22,8	6980	9916	42,1
Приморский край	8365	9483	13,4	4382	5264	20,1
Республика Бурятия	7582	7781	2,6	5489	6483	18,1
Республика Саха (Якутия)	10 200	10 649	4,4	8415	9192	9,2
Сахалинская область	9860	13 564	37,6	6874	11 835	72,2
Хабаровский край	8680	9907	14,1	5521	7538	36,5
РФ в целом	9054	9189	1,5	7060	7483	6,0

* В связи с тем, что необходимые для оценки уровня благополучия с учетом экологической составляющей за 2014 г. данные не предоставлены в полном объеме, начальным периодом здесь был выбран 2012 г. Чукотский АО исключен из анализа по той же причине.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики и Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Национальные счета. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts#>. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. Охрана окружающей среды в Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209>. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2012 году». URL: https://rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=1178; Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2018 году». https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=12053 (дата обращения: 25.11.2020).

расчетов. В ряде регионов со сложной экологической ситуацией уровень благосостояния снизился: наиболее существенно на приграничных территориях — Еврейской АО, Хабаровском и Забайкальском краях. Особенно выделяется Приморский край, который оказался на предпоследнем месте (последняя позиция — у г. Санкт-Петербург) в рейтинге российских регионов по величине сводного экологического индекса. Его значение в Приморском крае в 2018 г. составило всего 0,56 (т. е. разница между показателями S и S_E составила 44 %). Наиболее остро здесь стоит проблема загрязненности водных объектов и почв (регион лидирует по числу негативных проб почвы по санитарно-химическим показателям — 34,7 % от общего числа исследованных проб).

За период с 2012 по 2018 гг. почти все восточные регионы демонстрировали положительную динамику — уровень благосостояния в них увеличился. Наиболее

заметный рост показателя с учетом экологического фактора отмечался в Сахалинской и Магаданской областях, Хабаровском крае. Отдельно стоит упомянуть Еврейскую АО, которая имела отрицательную динамику изучаемых характеристик регионального развития: показатели S и S_E снизились на 3,8 и 11,1 % соответственно.

Плохие экологические условия в сочетании с дискомфортом более холодного климата, слабой социальной инфраструктурой, низкими доходами и высокой стоимостью жизни способствуют сокращению постоянного населения и ухудшению качества человеческого капитала. Так, только за период с 2006 по 2017 гг. абсолютные потери дальневосточных территорий в межрегиональном обмене населением составили 263 тыс. человек [18]. Приграничные с Китаем регионы РФ и территории с суровыми природно-климатическими условиями проживания демонстрируют очень низкую оседлость

мигрантов. Подтверждают эту ситуацию коэффициенты миграционного прироста. Из представленных в табл. 4 данных видно, что наибольшее миграционное неблагополучие в 2018 году характерно для Еврейской АО, Магаданской области и Забайкальского края.

Существует некоторая незначимая корреляция между уровнем социального благополучия с учетом экологического фактора и коэффициентом миграционного прироста населения в 2018 г. (рис. 1).

Наименьший уровень благополучия и высокий коэффициент миграции наблюдается в Еврейской АО. Этот же регион характеризовался ухудшением экологических условий проживания в период создания новых механизмов ускоренного развития Дальнего Востока — сводный экологический индекс снизился с 0,83 до 0,77 (рис. 2). На его динамику в большей степени повлияли частные экологические индексы по воде: за рассматриваемый период существенно увеличилось число неудовлетворительных

Таблица 4

Коэффициенты миграционного прироста регионов Востока РФ (на 10 000 чел. населения)

Регион	2005	2010	2014	2017	2018
Амурская область	-100	-60	-16	-26	-43
Еврейская АО	-159	-49	-108	-119	-111
Забайкальский край	-47	-46	-62	-74	-69
Камчатский край	-199	-41	-98	17	-22
Магаданская область	-180	-141	-153	-97	-187
Приморский край	-51	-35	-20	-29	-24
Республика Бурятия	-26	-24	-13	-35	-40
Республика Саха (Якутия)	-28	-71	-70	-28	-47
Сахалинская область	-104	-63	-59	49	-7
Хабаровский край	-93	-31	-19	-26	-37

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели — 2019 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_14p/Main.htm (дата обращения: 20.05.2020).

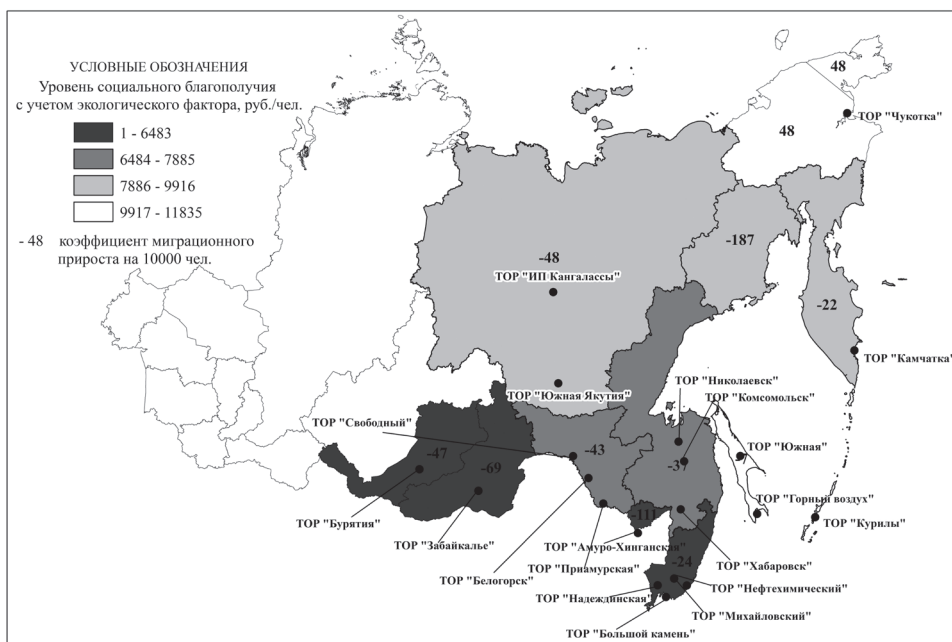

Рис. 1. Уровень социального благополучия с учетом экологического фактора и коэффициент миграционного прироста населения, 2018 г.

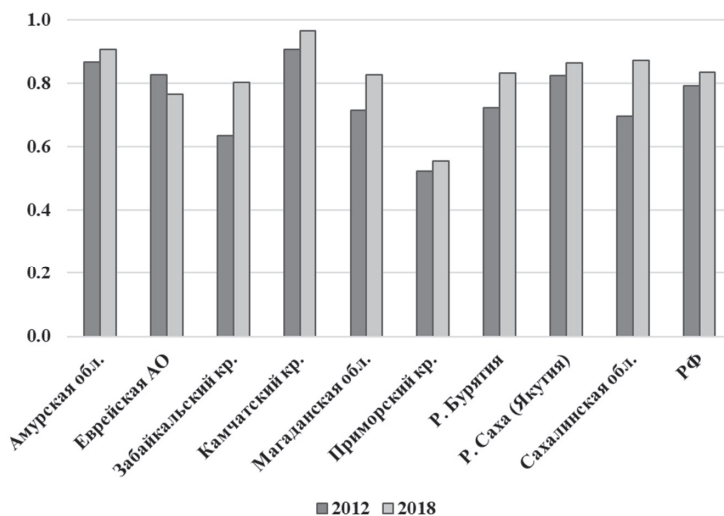

Рис. 2. Сводный экологический индекс для регионов Дальнего Востока и РФ

проб по санитарно-химическим и микробиологическим показателям.

Аутсайдерами дальневосточного макро-региона по уровню социального благополучия также являются недавно включенные в дальневосточный федеральный округ (ДФО) Республика Бурятия и Забайкальский край. Их коэффициенты миграционного прироста отражают наличие кризиса в экономическом развитии регионов, причем возрастающего в последние годы, особенно для последнего региона. ТОРы на их территории только недавно были созданы и эффект их реализации еще проявляется слабо. Что касается экологических условий, то оба региона оказались в числе территорий с положительной динамикой: сводный экологический индекс за анализируемый период увеличился за счет улучшения характеристик качества атмосферного воздуха. Сюда же попадает Приморский край, который, как уже упоминалось выше, заметно потерял в рейтинге благополучия после включения экологического компонента в модель.

Большая часть субъектов Дальнего Востока характеризуются, с одной стороны, высоким уровнем благополучия (в шести регионах показатель S_{ξ} превышает среднероссийское значение — 7483 руб./чел. в 2018 г.), а с другой — высокими значениями убыли населения по сравнению с общим показателем по ДФО (-40 чел. в 2018), что свидетельствует о неоднозначности ситуации и обуславливает необходимость проведения более глубоких исследований в этом отношении.

Одним из положительных эффектов от создания преференциальных территорий на

Дальнем Востоке является создание новых рабочих мест (в том числе высокопроизводительных), что должно способствовать решению проблемы низкого уровня доходов населения дальневосточных регионов¹. Из представленных на рис. 3 данных видно, что большинство регионов с высоким уровнем социального благополучия (Республика Саха (Якутия), Чукотский АО, Хабаровский и Приморский края и др.), имеют достаточно высокие показатели числа созданных рабочих мест. Исключение составляет Магаданская область, которая находится на этапе создания ТОР «Колыма», а также Забайкальский край и Республика Бурятия, недавно вступившие в программу по ТОР. При этом необходимо учитывать тот факт, что по регионам нет подробной статистики о созданных рабочих местах, в официальных документах и средствах массовой информации представлены количественные показатели, однако не уточняется, привлекается иностранная рабочая сила или кадры местного рынка труда, что имеет важное значение. Кроме того, коэффициент миграционного прироста может дать лишь некоторую картину ситуации, т. к. миграционное движение населения — это явление непрерывное, и даже при лучших показателях социально-экономического развития (например, в г. Москва или г. Санкт-Петербург) убыль населения, его «перетекание» всегда будет иметь место, вопрос в количественных показателях.

¹ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. С. 44. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitiidalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

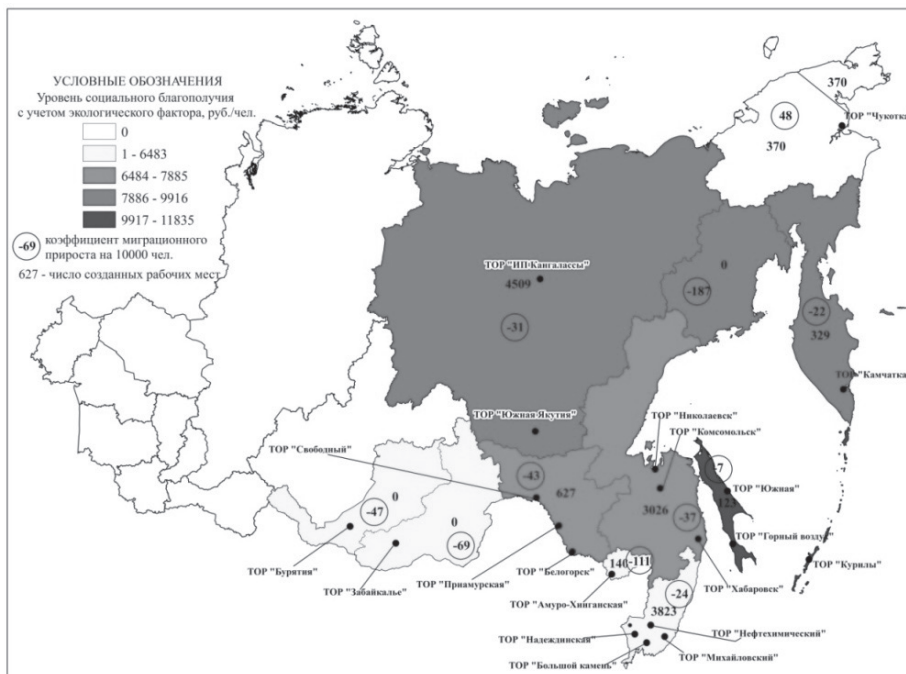

Рис. 3. Уровень социального благополучия с учетом экологического фактора, коэффициент миграционного прироста населения и число созданных рабочих мест, 2018 г.*

* Официальный бюллетень АО «Корпорация развития Дальнего Востока». URL: <https://erdc.ru/upload/iblock/5b9/5b973a9e85d50a7cc584a7c1ee76f4ef.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

Анализ тенденций экономической активности населения регионов Дальнего Востока

Действие предложенных государством механизмов ускоренного развития направлено прежде всего по повышению уровня жизни населения регионов Дальнего Востока, что напрямую скажется на уровне социального благополучия и показателях миграционного движения. Данная стратегическая задача была озвучена в Докладе о комплексном развитии регионов Дальнего Востока¹.

В настоящее время в дальневосточном макрорегионе создана 21 ТОП². По данным

¹ Доклад о комплексном развитии регионов Дальнего Востока. С. 44. URL: <https://minvr.ru/upload/doc/22-12-2017/doklad-o-kompleksnom-razvitiidalnego-vostoka.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).

² Полный список преференциальных территорий: особых экономических зон (ОЭЗ) федеральных и региональных, опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР, ТОП) в моногородах, на Дальнем востоке и других муниципальных образованиях Российской Федерации. URL: <https://решение-верное.рф/toser-all> (дата обращения: 21.08.2020).

Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики каждый четвертый проект уже осуществляет операционную деятельность (115 из 435); треть из 75 000 планируемых рабочих мест уже создана; почти 26 000 дальневосточников трудятся на введенных в эксплуатацию заводах и фабриках; четверть общего объема заявленных инвестиций уже вложены (711,5 млрд рублей из 2,9 трлн руб.)³.

Возникает закономерный вопрос — насколько эффективно решается задача по снижению напряженности на региональных рынках труда за счет предлагаемых мер? В данной части статьи предлагается рассмотреть изменения среднегодовой численности занятых в основных видах экономической деятельности (ВЭД), на которые ориентированы проекты ТОП⁴ в

³ Дальневосточные предприниматели выбирают ТОП. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/24590/> (дата обращения: 21.08.2020).

⁴ Сравнительный анализ среднегодовой численности занятых выполнен с использованием данных Федеральной службы государственной статистики и информации Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; <https://minvr.gov.ru>

контексте получаемого эффекта от их реализации.

Начиная с периода принятия закона о проектах TOP, значительное снижение числа занятого населения в сельскохозяйственной отрасли наблюдается практически во всех регионах Дальнего Востока, кроме Чукотского АО (рис. 4). Отдельно стоит упомянуть Приморский край, поскольку для него ВЭД «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство» на сегодняшний день представлен якорными проектами, в их числе рыбоперерабатывающие проекты компаний «Доброфлот» и «Русский минтай»; инициатива компании «Русагро-Приморье» по строительству свиноводческого кластера. Еще один проект реализует группа компаний «Арника», которая строит заводы по животноводству на TOP «Надеждинская».

В добывающей отрасли отдельных регионов также наблюдается снижение среднегодовой численности занятых, однако, оно не столь значительное. Самое существенное увеличение количества работников в ВЭД «Добыча полезных ископаемых» произошло в Республике Саха (Якутия) — на 3,2 человек за период с 2014 по 2018 гг. В данном регионе реализуются проекты по добыче угля на горно-обогатительных комплексах «Денисовский» и «Инаглинский». В настоящее время резиденты уже инвестировали свыше 41,8 млрд рублей и создали 6,8 тысяч рабочих мест. Заметный рост численности занятых также отмечался в Амурской области, которая

по итогам 2019 г. стала лидером по приросту объема инвестиций в основной капитал на Дальнем Востоке. Данный регион выделяется среди остальных дальневосточных субъектов по общему объему инвестиций— суммарный объем проектов, реализуемых резидентами TOP «Свободный», «Белогорск» и «Приамурская», составляет 1,2 трлн рублей¹.

В отношении ВЭД «Обрабатывающие производства» основной объем занятых приходится на Приморский и Хабаровский края, а также Республику Бурятия (рис. 5). Причем для первых двух отмечается прирост количества работников по сравнению с другими регионами. В Приморье это связано с судостроительным комплексом и заводом «Звезда», упомянутых ранее рыбоперерабатывающих проектах компаний «Доброфлот» и «Русский минтай», а также Восточным нефтехимическим комплексом. Кроме того, на заводе «Европласт» было открыто производство пластмассовых изделий, а комбинат «Приморье» ввел в эксплуатацию новое производство домостроительных комплектов, которые применяются при возведении жилых микрорайонов. В Хабаровском крае запущены заводы по производству тепло- и звукоизоляционных материалов и деревопереработке².

Численность занятого населения в строительной отрасли соответственно коррелирует с вводимыми производственными

¹ Дальневосточные предприниматели выбирают TOP. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/24590/> (дата обращения: 21.08.2020).

² Дальневосточные предприниматели выбирают TOP...

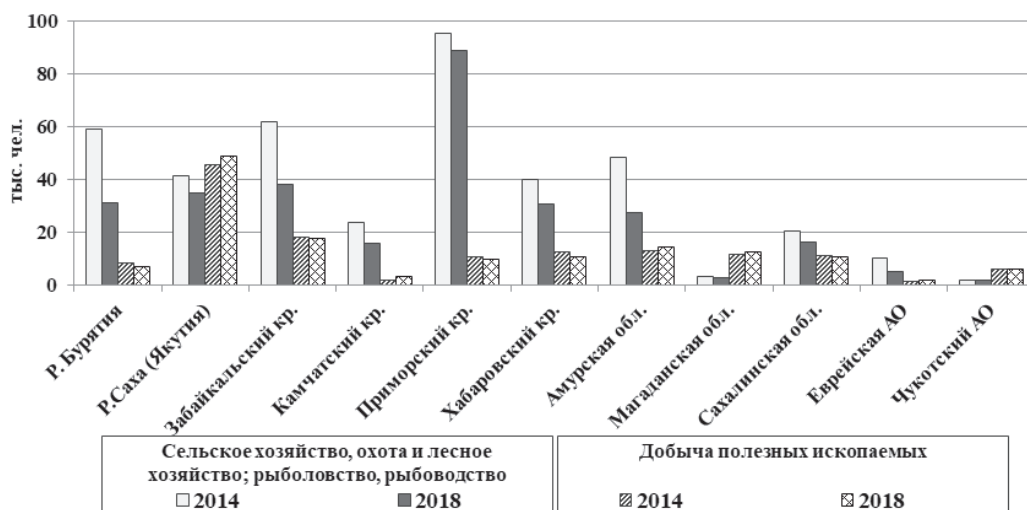

Рис. 4. Среднегодовая численность занятых в ВЭД «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство» и «Добыча полезных ископаемых», 2014 и 2018 г.

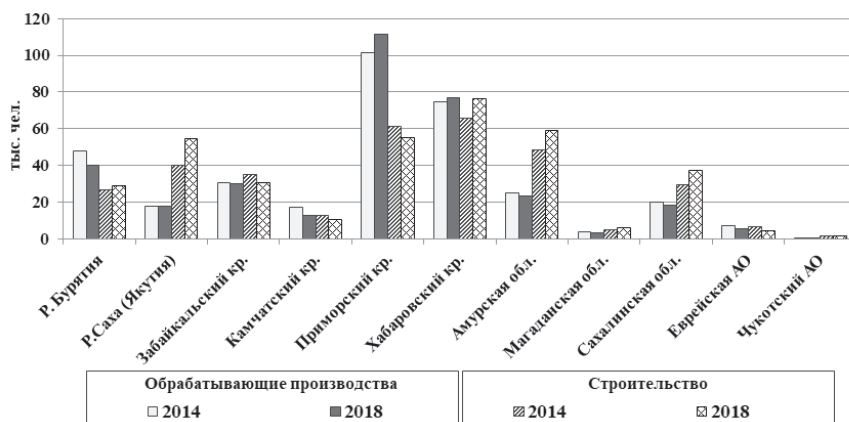

Рис. 5. Среднегодовая численность занятых в ВЭД «Обрабатывающие производства» и «Строительство», 2014 и 2018 г.

мощностями в регионах, кроме упомянутых уже Приморском и Хабаровских краях, Амурской области, Республике Саха (Якутия), рост числа занятых наблюдается в Республике Бурятия и Сахалинской области.

Вообще, среди всех субъектов Дальнего Востока, почти 90 % проектов приходится на Приморский край, чем объясняются высокие показатели занятости в этом регионе. Кроме того, Приморский край лидирует и по количеству резидентов, на втором месте Камчатский и Хабаровский края — 100, 98 и 69 соответственно. Наибольшее количество создаваемых рабочих мест (около 31 000) также в Приморском крае, где действуют четыре ТОР — «Надеждинская», «Михайловский», «Большой Камень» и «Нефтехимический»¹.

Об определенной сохраняющейся напряженности в экономике регионов Дальнего Востока говорят также показатели уровня безработицы². Согласно данным Федеральной службы по труду и занятости социально-экономическая ситуация с 2014 г. ухудшилась или сохранилась на прежнем уровне в Республиках Бурятия и Саха (Якутия), а также в Еврейской АО (рис. 6а).

По данным выборочных обследований рабочей силы, проводимых Федеральной службой государственной статистики (рис. 6 б), рост уровня безработицы зарегистри-

рован в Республике Бурятия и Магаданской области, сохраняется неблагоприятная ситуация на рынке труда в Забайкальском крае и Чукотском АО.

Обсуждение

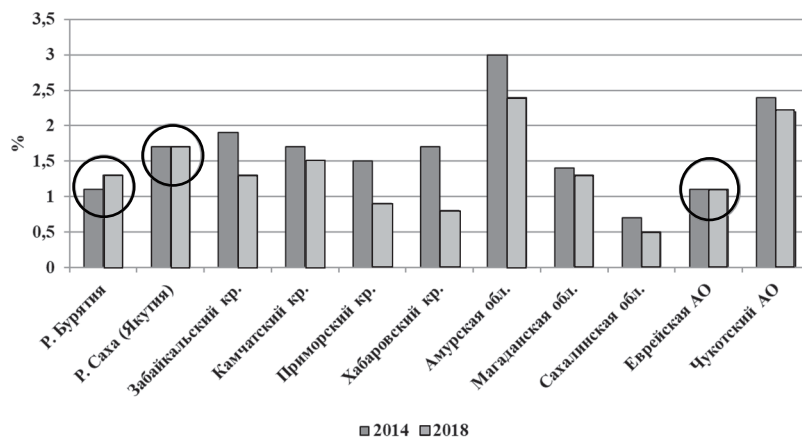
Сдвиги от реализации проектов ТОР в социально-экономическом развитии регионов наблюдаются, но на данном этапе они не характеризуются эффектом масштабности — имеют в основном локальное действие. Подтверждают это и невысокие показатели создания рабочих мест в ряде проектов [17].

Необходимо время для их полноценного функционирования и стабильности политических и экономических условий существования для всех экономических агентов социально-экономического пространства территорий, на которых происходит пространственная укорененность институтов развития (в данном исследовании термин «embeddedness» М. Грановеттера³). Так, по мнению П. А. Минакира, «недостаточно просто выделить территорию, обеспечить ее инфраструктурой и предоставить на этой территории налоговые и административные льготы. Главное условие успеха — возможность эффективного предпринимательства на этих территориях. Бизнес интересуется снижением налогов, но прежде всего, он интересуется длительным прибыльным функционированием» [13, с. 8]. Главную роль в реализации проектов ТОР играет именно малый и средний бизнес — общее количество дальневосточных резидентов малых и средних предприятий достигает 85 %⁹, выполнение этих усло-

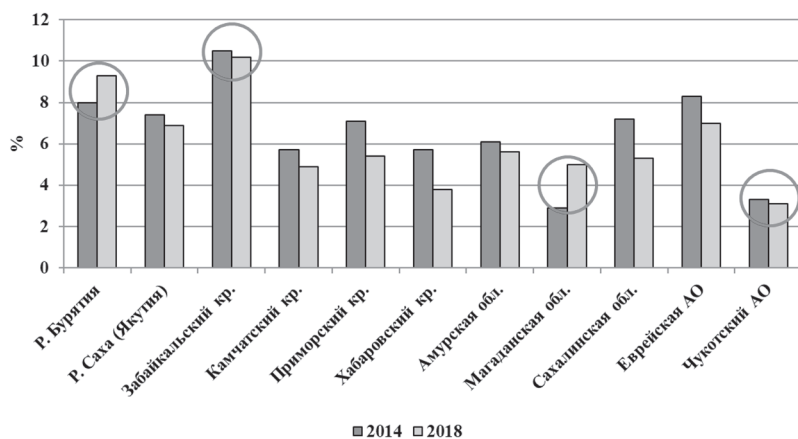
¹ Дальневосточные предприниматели выбирают ТОР. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/24590/> (дата обращения: 21.08.2020).

² Анализ показателей уровня безработицы выполнен с использованием данных Федеральной службы по труду и занятости РФ и выборочных обследований рабочей силы, проводимых Федеральной службой государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 22.04.2020).

³ Переведено по: Swedberg R. New Economic Sociology: What Has Been Accomplished, What Is Ahead? // Acta Sociologica. 1997. Vol. 40. P. 161—182.

а)

б)

Рис. 6. Уровень безработицы в регионах Дальнего Востока (в среднем за год), 2014 и 2018 гг.:
 а) по данным Федеральной службы по труду и занятости РФ
 б) по данным выборочных обследований рабочей силы, проводимых Федеральной службой государственной статистики

вий является наиболее актуальными.

Кроме того, федеральная и региональная политика должна учитывать особенности связанности социально-экономического пространства, его специфику не только в транспортном отношении, но и возможности межрегионального взаимодействия, что непосредственным образом сказывается на экономическом развитии. Это подтверждают так же исследования А. В. Суворовой о полюсах роста в регионах России и их прямом и обратном эффекте. По ее мнению, «большая часть регионов Сибири слабо связаны с окружающими их территориями (во многом это объясняется значительными расстояниями между цен-

трами экономической активности данных субъектов РФ). Территория Дальнего Востока и части Юга России не испытывают существенного влияния со стороны своих соседей». Не отмечает ощутимых экономических сдвигов в регионах и П. А. Минакир: «...однако прорыва пока не наблюдается. Пока социально-экономическая динамика в регионе соответствует общенациональным тенденциям, что особенно досадно в части социального развития. В регионе нарастал разрыв между обещанными и реальными изменениями» [12, с. 9].

Необходимо также учитывать особенности современных механизмов территориального управления — «это инстру-

менты точечного развития, позволяющие рассматривать изменения экономики региона в локальном аспекте на принципах поляризованного развития»¹. Это значительно отличается от масштабных и комплексных строек советского периода освоения пространства страны не только по капиталовложениям в территорию, но и степенью ориентации на подъем местной экономики. Учитывая также, что исторически многие регионы Дальнего Востока по причине разных факторов не отличались высокими показателями социально-экономического развития, ждать от них быстрых и результативных хозяйственных сдвигов в условиях начала реализации проектов ТОР пока не стоит. В подобных процессах становится важным, зачастую не учитываемый фактор экономических изменений — зависимость текущего развития от предшествующего — path dependence [2]. Быстро растущие регионы соседствуют с быстро растущими, а медленно растущие окружены медленно растущими регионами и богатые регионы соседствуют с богатыми, а бедные — граничат с бедными (High-high and low-low clustering) [23, с. 11]. Действие этого фактора зачастую не принимается в расчет, хотя именно он во многом определяет стартовые условия и возможности для реального эндогенного экономического роста в регионах и предпосылки для улучшения качества жизни населения. По нашему мнению, этот фактор можно отнести к категории «факторов притяжения» миграционной мобильности населения. Так, к примеру, недавно включенный в программу создания преференциальных территорий приграничный регион Забайкальский край (ранее Читинская область) исторически отличался «буферным» экономическим положением между Сибирью и Дальним Востоком, он не вписывался в общую специализацию — энергетику и энергоемкие производства [3, с. 79]. В связи с этим А. А. Недешевым высказывалась концепция, рассматривающая роль географического положения территории как экономического моста между Сибирью и Дальним Востоком [15, с. 23]. За счет Байкало-Амурской магистрали (БАМ) планировалось приблизить регион к районам Севера-Востока страны, увеличить экономические связи с восточными частями и получить выход к Тихому океану [3, с. 79]. Однако данные потенциалы не были реализованы в полной мере. Опре-

деленное глубинное положение региона и его слабая экономическая самостоятельность ограничивают возможности межтерриториального развития и кооперирования, а также взаимодействие с соседними территориями. На сегодняшний день в регионе реализуется новый этап «перезагрузки» выделенных территорий ТОР «Забайкалье»². В рамках его реализации определено восемь особых территориальных «площадок», на которых планируется реализация разных проектов. Одна из крупных площадок ТОР «Северное Забайкалье» определена в Каларском районе — на территории практически «пионерного освоения», где до настоящего времени промышленного освоения практически не велось, а основная сфера занятости населения относится к обслуживанию БАМа и традиционному природопользованию.

Другая крупная площадка — город Краснокаменск, определен как ТОР еще в 2016 году в связи с необходимостью поддержки крупнейшего в Забайкальском крае моноструктурного города, благополучие которого определяется деятельностью градообразующего предприятия «Приаргунское производственное горно-химическое объединение (ППГХО)». ТОР призван диверсифицировать экономику Краснокаменска с целью не повторения им печальной судьбы других моногородов региона. Стартовые условия в регионе и современное состояние реализации проектов пока не дают значительного импульса экономического развития — пока подготавливается промышленная инфраструктура и строительные площадки, привлекаются иностранные мигранты и вахтовые рабочие из региона, заявленных показателей создания рабочих мест для местного населения пока не отмечается. Соответственно, в миграционном отношении экономика края не удерживает трудоспособное население (регион покидают, прежде всего, высококвалифицированные кадры [16]) — по этому показателю территория является неблагоприятной среди других субъектов Сибирского и Дальневосточного ФО.

Заключение

Результаты исследования показали, что большинство дальневосточных территорий по-прежнему отстают по уровню социально-экономического развития от среднероссийского уровня. Наиболее благополучными, согласно мультипликативной модели без

¹ Дец И. А. Роль проектного подхода в территориальном развитии на примере Байкальского региона : автореф. дис. ... канд. канд. геогр. наук. Иркутск, 2013. 22 с.

² ТОР «Забайкалье». URL: <https://www.zab-invest-portal.ru/toser/> (дата обращения: 21.08.2020).

учета экологического фактора, оказываются регионы, специализирующиеся преимущественно на добыче и переработке полезных ископаемых (Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области). Обращает на себя внимание, что приграничные территории (Забайкальский край, Республика Бурятия, Еврейская АО) оказываются в числе наименее благополучных, при этом реализуемые меры опережающего развития пока способствуют заметному росту их благосостояния. Напротив, в Еврейской АО за период с 2012 по 2017 гг. отмечалось снижение комплексных характеристик регионального развития.

Включение в модель экологической составляющей показало, что роль экологических факторов в качестве жизни на дальневосточных территориях России весьма значительна: экологически-скорректированный уровень благополучия российских регионов оказался ниже показателя, не учитывающего данный аспект благосостояния. В некоторых из них разница заметно превышает среднероссийский уровень — 16 %, а в Приморском крае достигает 44 %. Плохие экологические условия в сочетании с дискомфортом более холодного климата, слабой социальной инфраструктурой, низкими доходами и высокой стоимостью жизни способствуют сокращению постоянного населения и ухудшению качества человеческого капитала. Несмотря на принимаемые государством меры по ускоренному экономическому развитию восточных территорий страны миграционная ситуация в регионах остается сложной. Неблагополучные в социально-экономическом отношении регионы (Забайкальский край, Еврейская АО и др.), а также территории с дискомфортными природно-климатическими условиями проживания (Республика Саха (Якутия) и Магаданская область) демонстрируют очень высокие показатели миграционного оттока. Их коэффициенты миграционного прироста отражают наличие кризиса в экономическом развитии регионов, причем возрастающего в последние годы, особенно для Забайкальского края. ТОРы на его территории только недавно были созданы и эффект их реализации еще проявляется слабо. По данным опроса, проведенного Е. С. Красинец, «...россияне в своей основной массе не рвутся на Дальний Восток: в настоящее время свыше 40% жителей региона подумывают о переезде в другие регионы страны или за рубеж. Основными факторами, формирующими негативные миграционные настроения жителей Дальнего Востока, являются: уровень

доходов (37,6 %), слабое развитие социальной инфраструктуры (23,2 %), жилищные условия (22,4 %) и др. Важными в выборе стратегии миграционного поведения оказываются также отсутствие перспектив для жизни в местах постоянного проживания (17,2 %)» [9].

Пока еще рано ожидать значительных положительных эффектов от реализации разработанных правительством механизмов по ускоренному развитию Дальнего Востока. Однако эффективное функционирование преференциальных территорий может способствовать эндогенному экономическому росту. Так, в последние годы приобретает популярность точка зрения, что сами институты (в данном контексте ТОРы) являются эндогенными факторами экономического роста [24; 27]. Также по мнению ряда российских исследователей, именно «...идеи, институты, население и человеческий капитал сейчас являются центром теорий экономического роста» [23, с. 7].

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-010-00434 А). Общая методология исследования разработана в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН по теме «Механизмы обеспечения экономической устойчивости и экологической безопасности в новой модели развития регионов востока РФ в условиях трансграничных отношений и глобальных вызовов 21 в», № 121032200126-6.

1. Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 1. С. 43—56.

2. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3—17.

3. Булаев В. М., Новиков А. Н. Географическое положение как предмет исследования конкретной территории. Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2002. 140 с.

4. Васильева Е. В. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню благосостояния населения // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 44 (371). С. 14—24.

5. Глазырина И. П. Минерально-сырьевой комплекс в экономике Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. 2011. № 1 (439). С. 19—35.
6. Забелина И. А. Эколого-экономическое благополучие российских регионов: сравнительный анализ // ЭКО. 2020. № 9. С. 24—45.
7. Забелина И. А., Делюга А. В. Эколого-экономические тенденции в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке в условиях институциональных изменений // ЭКО. 2019. № 5 (539). С. 66—88.
8. Коновалова А. В., Миненкова В. В. Теоретико-методические подходы к определению понятий «уровень жизни», «качество жизни» и «благополучие» // Экономика устойчивого развития. 2019. № 2 (38). С. 51—54.
9. Красинец Е. С. Миграция населения на новом этапе развития дальневосточной части России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. 2019. С. 442—444.
10. Малкина М. Ю. Оценка социального благополучия российских регионов, уровня и динамики межрегиональных различий на основе функций благосостояния // Terra Economicus. 2016. Т. 14, № 3. С. 29—49.
11. Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 49—62.
12. Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 1. С. 7—17.
13. Минакир П. А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 7—11.
14. Найден С. Н., Белоусова А. В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 1. С. 53—68.
15. Недешев А. А. Экономико-географические исследования хозяйственной структуры зоны БАМ (на примере Удоканского промышленного узла) // География и природные ресурсы. 1984. № 2. С. 95.
16. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / под. ред. И. П. Глазыриной, Л. М. Фалейчик. Чита : Забайкальский государственный университет, 2014. 527 с.
17. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Исав А. Г., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 2. С. 110—149.
18. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение. 2019. № 3. С. 4—14.
19. Смагин И. И. Составляющие и критерии оценки уровня благосостояния: методологический аспект // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 7(53). С. 142—146.
20. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг [и др.]. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2006. 494 с.
21. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Невверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 216 с.
22. Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 2. С. 485—501.
23. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах / О. В. Луговой [и др.]. М. : ИЭПП, 2007. 164 с.
24. Acemoglu D., Johnson S, Robinson J. A. Chapter 6 Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth. 2005. Vol. 1. Pp. 385—472.
25. Armiento M. The Sustainable Welfare Index: Towards a Threshold Effect for Italy // Ecological Economics. 2018. Vol. 152. P. 296—309.
26. Boudeville J. Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh: At the University Press, 1966. 192 p.
27. In Search of Prosperity: Analytical Narratives on Economic Growth / ed. D. Rodrik. Princeton : Princeton University Press, 2003. 520 p.
28. Pyzhev A. I., Syrtsova E. A., Pyzheva Yu. I., Zander E. V. Sustainable development of Krasnoyarsk Krai: new estimates // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 11. С. 2590—2595.
29. Sen A. Real national income // Review of Economic Studies. 1976. Vol. 43 (1). Pp. 19—39.
30. Slycken J., Bleys B.A. Conceptual Exploration and Critical Inquiry into the Theoretical Foundation(s) of Economic Welfare Measures // Ecological Economics. 2020. Vol. 176. Article 106753.

References

1. Antonova N. E., Lomakina N. E. (2018) *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, no. 1, pp. 43—56 [in Rus].
2. Auzan A.A. (2015) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika*, no. 1, pp. 3—17 [in Rus].
3. Bulaev V.M., Novikov A.N. (2002) *Geograficheskoe polozhenie kak predmet issledovanija konkretnoj territorii*. Ulan-Ude, Burjatskij nauchnyj centr Sibirskogo otdelenija RAN, 140 p. [in Rus].
4. Vasilieva E.V. (2014) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 44 (371), pp. 14—24 [in Rus].
5. Glazyrina I.P. (2011) *JeKO*, no. 1 (439), pp. 19—35 [in Rus].
6. Zabelina I.A. (2020) *JeKO*, no. 9, pp. 24—45 [in Rus].
7. Zabelina I.A., Deluga A.V. (2019) *JeKO*, no.5 (539), pp. 66—88 [in Rus].
8. Konovalova A.V., Minenkova V.V. (2019) *Jekonomika ustojchivogo razvitija*, no. 2 (38), pp. 51—54 [in Rus].
9. Krasinets E.S. (2019). *Bol'shaja Evrazija: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik*, pp. 442—444 [in Rus].
10. Malkina M.Yu. (2016) *Terra Economicus*, no. 3, pp. 29—49 [in Rus].
11. Malkina M.Yu. (2017) *Jekonomika regiona*, no. 1, pp. 49—62 [in Rus].
12. Minakir P.A. (2019) *Prostranstvennaja jekonomika*, no. 1, pp. 7—17 [in Rus].
13. Minakir P.A. (2016) *Prostranstvennaja jekonomika*, no. 2, pp. 7—11 [in Rus].
14. Naiden S.N., Belousova A.V. (2018) *Jekonomika regiona*, no. 1, pp. 53—68 [in Rus].
15. Nedeshhev A.A. (1984) *Geografija i prirodnye resursy*, no. 2, p. 95 [in Rus].
16. Prirodnyj capital regiona i rossijsko-kitajskie transgranichnye otnoshenija: perspektivy i riski (2014). Chita, Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 527 p. [in Rus].
17. Prokapalo O.M., Bardal A.B., Isaev A.G., Mazitova M.G., Suslov D.V. (2019). *Prostranstvennaja jekonomika*, no. 2, pp. 110—149 [in Rus].
18. Rybakovskiy O.L., Tayunova O.A. (2019) *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 4—14 [in Rus].
19. Smagin I.I. (2013) *Social'no-jekonomicheskie javlenija i process*, no. 7 (53), pp. 142—146 [in Rus].
20. *Sovremennyj ekonomicheskij slovar'* (2006). Moscow, INFRA-M, 494 p. [in Rus].
21. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. (2016) *Nevernoocenivaja nashu zhizn'. Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmerenij u jeffektivnosti jekonomiki i social'nogo progressa*. Moscow, Izdatel'stvo instituta Gajdara, 216 p. [in Rus].
22. Sworina K.V., Faleychik L.M. (2018) *Jekonomika regiona*, no. 2, pp. 485—501 [in Rus].
23. *Jekonomiko-geograficheskie i institucional'nye aspekty jekonomicheskogo rosta v regionah* (2007). Moscow, IJePP, 164 p. [in Rus].
24. Acemoglu D., Johnson S, Robinson J.A. (2005) *Handbook of Economic Growth*, no. 1, pp. 385—472 [in Eng].
25. Armiento M. (2018) *Ecological Economics*, no. 152, pp. 296—309. [in Eng].
26. Boudeville J. (1966) *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh, At the University Press, 192 p. [in Eng].
27. *In Search of Prosperity: Analytical Narratives on Economic Growth*. Princeton, Princeton University Press., 2003, 520 p. [in Eng].
28. Pyzhev A.I., Syrtsova E.A., Pyzheva Yu.I., Zander E.V. (2015) *Zhurna ISibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, no. 11, pp. 2590—2595.
29. Sen A. (1976) *Review of Economic Studies*, no. 43 (1), pp.19—39 [in Eng].
30. Slycken J., Bleys B.A. (2020) *Ecological Economics*, no. 176, article 106753 [in Eng].

For citing: Zabelina I.A., Parfenova K.V.
Development of the Far East regions:
mechanisms of accelerated economic growth //
Socium i vlast'. 2020. № 1 (87). P. 60—75.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-60-75.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-60-75

UDC 332.1

DEVELOPMENT OF THE FAR EAST REGIONS: MECHANISMS OF ACCELERATED ECONOMIC GROWTH

Irina A. Zabelina,

Institute of Natural Resources, Ecology
and Cryology, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Laboratory
for Environmental and Economic Research,
Cand. SC. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 672014,
Chita, ulitsa Nedorezova, 16a.
E-mail: i_zabelina@mail.ru

Ksenia V. Parfenova,

Institute of Natural Resources, Ecology and Cryol-
ogy, Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences,
Researcher, Laboratory of Geography and Regional
Environmental Management,
Cand. Sc. Geography).
The Russian Federation, 672014,
Chita, ulitsa Nedorezova, 16a.
E-mail: gorina08@yandex.ru

Abstract

Introduction. At present, the issues of the Far East accelerated economic development remain in the focus of the state attention. Among the key mechanisms of state policy is the formation of advanced development territories (ADT). The article sets the task of studying the impact of the institutional measures taken on the welfare and the population's life quality in the Far Eastern territories. Particular attention is paid to studying migration processes and analyzing the economic activity of the Far East population.

The purpose of the article is to study the effects of implementing mechanisms for accelerated economic growth, as well as assess their impact on the life quality in the Far East regions.

Methods. The authors use the following methods: economic and mathematical modeling, computational and analytical methods, comparative and spatial analysis.

Scientific novelty of the research. For a comprehensive assessment of the regional well-being, the authors propose to supplement the multiplicative model based on the A. Sen's extended welfare function with a composite ecological index. It takes into account the ecological conditions of human life, which are an important aspect of well-being. The authors obtain ecologically adjusted indicators of well-being for the eastern regions of the Russian Federation and study their dynamics, as well as the relations with the data on the population's migration activity during the formation of new institutions of advanced development in the East of the country.

Results. The authors find out that most of the Far Eastern territories are still lagging behind the average Russian level in socio-economic development. The results of assessing the level of well-being of regions on the basis of a multiplicative model without taking into account the environmental factor show that the most prosperous areas are raw materials-based territories.

It is shown that the role of environmental factors in the life quality in the Far Eastern territories of Russia is very significant - the ecologically adjusted level of well-being is noticeably lower than the indicator that does not take into account this aspect of well-being. The authors reveal that socio-economically disadvantaged regions with difficult natural and climatic living conditions have very high rates of migration outflow. Their coefficients of migration loss reflect the presence of a crisis in economic development, which has been increasing in recent years. An analysis of trends in economic activity shows a relationship between the dynamics of the number of employed and the implementation of ADT projects in the Far Eastern territories.

Conclusions. The conclusion is that the measures taken by the state for the advanced economic development of the eastern territories of the country have not yet had a noticeable positive impact on the welfare and life quality in the Far East regions.

Key concepts:

the Far East regions,
advanced development territories (ADT),
social well-being,
migration processes,
the population's ecological living conditions.

Для цитирования: Артемова О. В., Савченко А. Н., Ужegov А. О. Качество жизни в российских мегаполисах: поиск возможностей городского развития // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 76—89. DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-76-89.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-76-89

УДК 332.1

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ: ПОИСК ВОЗМОЖНОСТЕЙ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Артемова Ольга Васильевна,
Челябинский филиал Института экономики
УрО РАН, директор филиала,
ведущий научный сотрудник,
доктор экономических наук, профессор.
Российская Федерация, 454091,
Челябинск, ул. Коммуны, д. 68.
E-mail: artemova.ov@uiec.ru

Савченко Анастасия Николаевна,
Челябинский филиал Института экономики
УрО РАН, старший научный сотрудник,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454091,
Челябинск, ул. Коммуны, д. 68.
E-mail: savchenko.an@uiec.ru

Ужegov Артем Олегович,
Институт экономики УрО РАН, аспирант.
Российская Федерация, 620014,
Екатеринбург, ул. Московская, д. 29.
E-mail: uzhegov1996@mail.ru

Аннотация

Введение. Ключевая роль в процессе развития стран, регионов принадлежит городам. Авторами статьи подчеркивается важность развития крупнейших городов, в основе которого находится индустриальная модель, не исчерпавшая свой потенциал. Показаны возможности развития городов на основе эффективного функционирования промышленного сектора экономики для улучшения благосостояния граждан, удовлетворения их потребностей и повышения качества жизни. В этой связи сформулирована гипотеза о том, что крупнейшие российские города, развивающиеся по индустриальной модели, имеют и способны реализовать свой потенциал для повышения качества жизни, сохранения и увеличения численности населения на своей территории. Авторами поставлена **цель:** выявить возможности развития мегаполисов индустриального типа для повышения качества жизни населения (КЖН).

Методы. Использована информационная база: стратегические документы разных уровней,

статистические данные, научная литература, аналитические документы, экспертные оценки развития мегаполисов. Использована индустриальная модель развития крупнейших городов, определены условия, при которых потенциал мегаполисов может быть реализован для повышения качества жизни горожан. Проведен анализ демографической, социальной ситуации в крупнейших российских промышленных городах. Апробированы подходы и некоторые положения исследования на примере городов-миллионников: Екатеринбург, Красноярск, Челябинск, Омск. Проведена группировка городов по признакам роста и убывания, иллюстрацией чего являются благоприятные или неблагоприятные демографические тенденции. Для подтверждения выявленных тенденций и проблем крупнейших городов авторами приведены результаты экспертных оценок по качеству жизни населения и состоянию городской среды. Подчеркивается необходимость системного комплексного развития крупнейших городов индустриального типа для повышения качества жизни населения мегаполисов.

Научная новизна исследования состоит в обосновании перспективности социально-экономического развития крупнейших промышленных городов России на основе индустриальной модели, предусматривающей технологическую трансформацию экономики, использование агломерационных эффектов, формирование дружественной городской среды для жителей и достижение социализации городского пространства.

Результаты и выводы. В результате анализа и с учетом типологии крупнейших городов по функциональной специализации определены две группы городов: одна группа с признаками демографического роста, вторая — с признаками убывания. Города первой группы имеют больший экономический потенциал, возможности агломерации, обеспечивают более комфортное проживание и закрепление населения на своей территории. Напротив, города с признаками убывания имеют меньше возможностей (ресурсов), слабее диверсифицированы, городская среда в них менее комфортна, что отражается на уровне и качестве жизни горожан и сопровождается оттоком населения. В то же время выявлено, что все анализируемые города активно используют цифровые технологии, реализуя, в частности, концепцию «умный город». При этом города с признаками убывания демонстрируют высокие показатели IQ городов. Учитывая выявленные проблемы, авторами предложены перспективные направления развития индустриальных мегаполисов с признаками убывания.

Ключевые понятия:

городская среда,
индустриальная модель,
качество жизни населения,
мегаполис,
растущий город,
стратегия развития,
убывающий город,
умный город.

Введение

Для России при значительной территории и относительно невысокой плотности населения вопрос удержания, освоения и развития своих территорий всегда был и остается актуальным. В этом контексте особое значение имеет увеличение численности проживающего населения на всей территории страны от крупнейшего мегаполиса до малого населенного пункта.

В настоящее время Россия является одной из самых урбанизированных стран, о чем свидетельствует доля городского населения в общей численности населения (в РФ — более 70 %). Значительная доля городского населения сосредоточена в крупнейших и крупных городах. Они (города) во многом определяют расселенческий каркас страны. Действительно, крупнейшие города, как за рубежом, так и в РФ играют исключительно важную роль центров, где сконцентрированы значительные материальные, финансовые и трудовые ресурсы, где сосредоточена деловая, политическая и общественная активность. Среди крупнейших городов России выделяются мегаполисы или города-миллионники, интерес к изучению которых не ослабевает. Они различаются по численности населения, времени возникновения, экономической базе, этапам жизненного цикла, функциональной специализации.

Сегодня в научном сообществе нет единого мнения относительно роли промышленности в современной экономике и места в ней городов. Не вызывает сомнения, что в период индустриализации (начиная с первой промышленной революции XIX в.) роль городов в экономическом развитии усиливалась. Однако с появлением новых тенденций в середине XX и начале XXI веков в экономической, социальной, технологической жизни общества возникали и продолжают возникать споры о жизнеспособности городов в новых условиях, о чем свидетельствуют специалисты [18]. Сохранение значимости крупнейших городов как драйверов экономики на современном этапе отмечается многими учеными и специалистами-урбанистами [3; 4; 11; 14]. Однако следует упомянуть и дугой подход, к примеру концепцию «электронного жилища» Э. Тоффлера, изложенную в книге «Третья волна» [22]. По мнению автора, развитие коммуникационных технологий приведет к снижению значимости (а то и к исчезновению) городов, поскольку люди смогут жить вдали от цивилизации, а с внешним миром будут общать-

ся лишь посредством телекоммуникаций. Отметим, что при чрезвычайных ситуациях, таких как пандемия коронавируса, охватившая весь мир в 2020 г., значительная часть коммуникаций осуществляется в режиме онлайн, а взаимодействие контрагентов возросло в виртуальном пространстве, что не повлияло на процессы урбанизации. Действительно, современные технологии и способы коммуникации трансформируют пространство. В то же время историческая практика показала, что при всей сложности, а порой и нелинейности процесса урбанизации, угасание городов как явление не подтверждается. Скорее стоит вопрос о необходимости эффективного функционирования городов в изменившихся внешних условиях существования.

Существуют разные точки зрения на варианты трансформации мегаполисов индустриального типа: от негативных сценариев и понижательного тренда развития этих городов, до позитивных сценариев и перспективных направлений развития. Авторы статьи придерживаются мнения о том, что крупнейшие российские индустриальные города имеют возможности успешного развития, если адекватно отвечают на внутренние и внешние вызовы. В этом контексте сформулирована цель исследования, которая состоит в выявлении возможностей развития крупнейших городов индустриального типа и разработке направлений реализации этих возможностей для повышения качества жизни людей в мегаполисах.

В качестве методологического приема исследования данной проблемы авторами предложена гипотеза о том, что крупнейшие российские города, развивающиеся по индустриальной модели, имеют и способны реализовать свой потенциал для повышения качества жизни, могут сохранить и увеличить численности населения на своей территории за счет трансформации городской экономики на инновационной основе, положительных агломерационных эффектов, благоприятной городской среды, социализации городского пространства.

Теория

Вопросы, связанные с изучением городского пространства, интересуют ученых ни одно столетие. Различные аспекты этой тематики освещались в трудах зарубежных и отечественных ученых, актуальность которых в настоящее время не утратилась. Так, среди западных ученых отметим А. Вебера [8], А. Леша [13], Э. Берджесса [6], а так-

же представителей социологии города — О. Вальдеса [7], Х. Делитца [9], Р. Парка [15]. Среди российских ученых значительный вклад в развитие теории города внесены такими учеными, как: Е. Г. Анимича [1], В. С. Антонюк [3], И. Д. Тургель [23], Г. М. Лаппо [12] и др.

В качестве типичных критериев типологии городов специалисты отмечают численность населения, географическое положение, степень диверсификации экономики. Исходя из вышеуказанных факторов определяются группы городов: города в составе крупных городских агломераций (численность населения городской агломерации не менее 1 млн человек); крупнейшие, крупные и большие города (от 100 тыс. до 1 млн человек); средние и малые города (менее 100 тыс. человек), моногорода [11].

Внимание авторов статьи сосредоточено на крупнейших городах-миллионниках, являющихся административными центрами субъектов РФ. Исходя из роли индустриального производства в экономике, выделим, как минимум, две возможные траектории развития таких городов. Воспользуемся подходом М. Кастельса [10] для определения моделей экономики городов как альтернативных вариантов их развития. Речь идет о «модели экономики услуг» (расширение сферы финансовых услуг, услуг социального характера; вытеснения промышленной занятости и увеличения занятости в секторе услуг) и «модели индустриального производства» (укрепление промышленного производства, даже при некотором сокращении занятых в нем).

Модель экономики услуг, как правило, связана с признаками диверсификации экономики городов, основой которой являются услуги, высокие технологии, научные исследования, производство нестандартной промышленной продукции. Все эти сектора пользуются агломерационными эффектами, присущими крупному городу [18].

Модель индустриального производства характерна для крупнейших городов, в структуре экономики которых преобладает промышленное производство. Экономика таких городов менее диверсифицирована, по своей структуре она (экономика) близка к специализированной. Ретроспективный анализ развития городов показал, что доминирование отдельных отраслей промышленного производства во многих крупнейших городах сложилось исторически, что позволило определить такие города как старопромышленные [17; 18]. На их территории исторически сложилась концентрация

индустриальных отраслей, которые по своей экономической, социальной и пространственной структуре не вполне соответствуют новым условиям и требованиям. В то же время объективно изменившиеся внешние и внутренние условия создали вызовы функционированию городов: поставили их в условия высокой конкуренции за финансовые, человеческие, административные ресурсы [3; 11; 19].

Индустриальная модель развития крупнейших городов зачастую подвергается критике, имея в виду их недостаточный потенциал для современного развития. Однако однозначная смена направления развития городской экономики от индустриального производства к экономике услуг не является единственно возможной и целесообразной. В настоящее время, по нашему мнению, значимость индустриальных городов как центров концентрации ресурсов, не утрачена. Вопрос перспективы их развития связан с их конкурентоспособностью, инновационной трансформацией, возможностями повышения производительности труда (в частности, в промышленной сфере), обеспечением благоприятных условий для проживания людей [20]. Кроме того, развитие по индустриальному типу не только не означает сужение сферы услуг, а, наоборот, сопровождается ее расширением в связи с тем, что значительная доля услуг сопряжена с промышленным производством.

Важно отметить, что «индустриальная модель» развития городов является весьма обобщенной характеристикой, в рамках которой (модели) возможны различные варианты трансформации. Это связано с условиями пространственного развития территории, отраслевой спецификой городской экономики, степенью ее диверсификации, инновационным потенциалом, экспортными возможностями, качеством институциональной среды. Так, к примеру, индустриальная модель мегаполиса, в основе которой находятся отрасли металлургического производства, имеет специфику в отношении инновационной активности: это, как правило, узкоотраслевая направленность инноваций и их процессный характер. Кроме того, металлургическое производство, ориентированное на экспорт, существенно зависит от конъюнктуры мирового рынка металлов, изменения спроса и, соответственно, колебаний объемов производства и продаж металлургической продукции. В то же время индустриальная модель, приоритетные отрасли которой связаны с машиностроительным производством,

обладает большим потенциалом диверсификации и возможностями к кластеризации, а инновации в этом секторе скорее носят продуктовый характер.

Таким образом, модернизацию экономической базы городов и их социальное развитие нельзя рассматривать без учета сложившейся ранее индустриальной и институциональной среды города.

Согласно выдвинутой гипотезе крупнейшие российские города могут успешно развиваться по индустриальной модели при условии трансформации городской экономики на инновационной основе, положительных агломерационных эффектов, благоприятной городской среды и социализации городского пространства. В этом контексте рассмотрены возможности и препятствия в развитии крупнейших индустриальных городов РФ с целью достижения повышения качества жизни горожан.

Первое. Трансформация городской экономики на инновационной основе. Инновационная активность означает не свертывание традиционных отраслей, а их модернизацию, обновление, существование в новых формах, с одной стороны, и развертывание новых высокотехнологических отраслей — с другой.

При этом необходимо учитывать, что торможение экономического развития индустриальных городов имеет объективную основу. Среди причин замедления развития мегаполисов следует выделить [18]:

- внешние факторы, такие как экономические, технологические, политические шоки;
- проблемы монопрофильной экономической структуры мегаполисов;
- снижение конкурентоспособности продукции, низкая инновационная активность;
- устаревшая промышленная инфраструктура, не отвечающая требованиям гибкого производства;
- зависимость от прежней траектории развития, консервация существующей традиционной промышленной структуры [16];
- ухудшение состояния окружающей среды.

Преодоление негативных тенденций, вызванных названными причинами возможно, в частности, на основе концепции «Индустрии 4.0». Действительно, как отмечал К. Шваб, сегодня мы стоим у истоков четвертой промышленной революции. Она началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты — это «вездесущий» и

мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающиеся машины [24].

Второе. Возможности использования агломерационных эффектов.

Такие эффекты возникают в связи с изменением системы пространственной концентрации промышленной сферы в границах города, а именно вследствие частичного переноса производства из городской зоны крупнейших городов на ближайшие территории других территориальных образований, связанных между собой инфраструктурными, хозяйственными и другими отношениями.

На сегодняшний день не существует однозначного определения агломерации. Исследователи и специалисты определяют различный набор критериев для выделения данных образований. В наиболее общем виде под агломерацией понимается «скопление населенных пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединенных в одно целое интенсивными хозяйственными, трудовыми и культурно-бытовыми связями» [18].

Очевидно, что агломерационные образования являются перспективной формой взаимодействия территориальных образований. А частичное перемещение или уход промышленности из города на близлежащие территории решает ряд проблем экономического, демографического, экологического и социального характера. Кроме того, агломерация, формирующаяся вокруг крупнейших промышленных городов (монотрицентрическая), позволяет сконцентрировать ресурсы (инновационные, трудовые и др.) близлежащих территорий для более эффективного развития, а населению, проживающему в границах агломерации, предоставляет более объемный и качественный по составу пакет социальных услуг (медицинских, образовательных, транспортных и др.).

В то же время следует отметить, что развитие агломераций с позиций совместного освоения пространства эффективным признать достаточно сложно. Ограничения и препятствия, несовершенство институциональной основы замедляют агломерационные процессы в ареале крупнейших городов. До сих пор отсутствует единый подход к составу и численности территориальных образований, входящих в агломерацию, не сформирована нормативно-правовая база, позволяющая организационно оформить агломерацию. Отсутствуют нормативно-правовые акты, определяющие само понятие «агломерация». В этой связи требуется

разработка документов стратегического планирования агломерации и принятие соответствующих региональных и федеральных законов об агломерациях [4].

Третье. Трансформация индустриальных городов в направлении создания качественной городской среды и социализации городского пространства.

У крупнейших городов, использующих индустриальную модель, в настоящее время есть возможности для развития городской среды и социализации городского пространства. В то же время российские исследователи отмечают, что в стратегии развития промышленных городов нашей страны основное внимание уделялось, как правило, перспективам деятельности градообразующих предприятий, их инвестиционной активности, диверсификации производства, повышению их эффективности, что, безусловно, важно, но недостаточно [21]. В этой связи требуют решения проблемы в организации пространства городов, которые стоят на повестке: непривлекательная городская среда и социальная инфраструктура (недостаток рекреационных зон, отсутствие архитектурной уникальности, наличие заброшенных производственных площадок и промышленных зданий на городских территориях и т. д.). Все это негативно влияет на социальную среду и может сопровождаться социальной разбалансированностью. В то же время в проблемных зонах города кроются резервы для создания благоприятной городской среды, социализации городского пространства, которые можно задействовать посредством ревитализации, реновации городских объектов.

На сегодняшний день пришло осознание необходимости реализации стратегий по повышению благополучия, безопасности, комфорта проживания людей и в целом повышения качества жизни населения, которые достижимы на основе развития современной экономической базы городов индустриального типа.

Методы и материалы

Вопросы, связанные с изучением потенциала мегаполисов для достижения высокого качества жизни городского населения, интересуют ученых и специалистов достаточно долго. Интерес представляет анализ данной тематики применительно к российским мегаполисам индустриального типа. В России насчитывается 15 мегаполисов — городов с численностью населения, превышающей 1 млн человек. Каждый из

них имеет свою историю, траекторию развития и особенности.

В качестве признаков индустриализации крупнейших российских городов использовалась доля производства обрабатывающих секторов в создаваемом продукте. Из 15 мегаполисов авторами анализировались города с доминированием отраслей промышленного производства. По указанному признаку из 15 миллионников были выбраны 4 наиболее схожие по доле обрабатывающей промышленности индустриальные мегаполисы РФ. Это позволило выявить отличительные особенности и специфику экономической и социальной среды крупнейших городов, определить возможности их развития для обеспечения достойного уровня жизни граждан.

В работе использован статистический анализ демографических показателей индустриальных мегаполисов; проводился сравнительный анализ этих городов по таким составляющим демографического процесса как общая численность населения, рождаемость, миграционный прирост.

Информационной базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики, стратегические документы РФ, регионов, данные муниципальной статистики, аналитические данные, доклады и экспертные оценки специалистов, информация монографических и периодических изданий.

Авторы придерживались следующего алгоритма исследования:

1. Определение признаков типологии крупнейших городов.
2. Выбор для анализа городов-миллионников по функциональной специализации — обрабатывающее производство.
3. Анализ демографических процессов в индустриальных мегаполисах с целью определения признаков растущего или убывающего города.
4. Оценка КЖН применительно к растущим и убывающим городам.
5. Оценка состояния городской среды мегаполисов с признаками роста или убывания.
6. Использование рейтинговых оценок КЖН и состояния городской среды для определения резервов роста.

Результаты

Подходы и некоторые положения, предложенные авторами, были апробированы на примере мегаполисов РФ. При этом

использовалось несколько признаков типологии крупнейших городов. По численности населения анализировались города-миллионники (за исключением 2 городов федерального значения — Москвы и Санкт-Петербурга). Среди мегаполисов, являющихся центрами регионов РФ, численность населения которых составляет более 1 млн, по функциональной специализации были выделены индустриальные города, где определяющая доля в структуре производства принадлежит обрабатывающим отраслям.

По указанному признаку были выбраны наиболее схожие по доле обрабатывающей промышленности индустриальные мегаполисы: Екатеринбург — административный центр Свердловской области, Челябинск — административный центр Челябинской области, Красноярск — центр Красноярского края, Омск — центр Омской области. Характеристика названных регионов представлена в табл. 1.

Данные таблицы отражают высокий уровень урбанизации в анализируемых регионах от 72,2 до 84,6 %. Доля обрабатывающей промышленности в ВРП региона превышает 30 %, при этом крупнейшие предприятия этой отрасли сосредоточены в административных центрах регионов — городах-миллионниках. Велика и доля занятых в обрабатывающей промышленности регионов: от 17,1 до 26,3 %, что определяет условия труда, уровень занятости и заработной платы работающих.

В экономическом плане индустриальные города-гиганты обеспечивают рост производства, занятость, доходы населения. При этом важна оценка того, насколько город

конкурентоспособен, инвестиционно привлекателен, интересен для бизнеса, трудоспособного населения. Но возникает не менее важный вопрос: создают ли эти города условия для благополучия, комфортности и безопасности проживания всех граждан и конкретных социальных групп. В конечном итоге, способна ли территория «удерживать» свое население. Для оценки этих процессов авторами использовались понятия «растущий город» и «убывающий город» [2] в зависимости от того, притягивает соответствующая территория население или наблюдается его отток с территории.

Было констатировано, что признаки растущего или убывающего города, прежде всего, связаны с демографической ситуацией. Для иллюстрации этого представлена динамика численности населения индустриальных мегаполисов (табл. 2).

Рассматривая демографическую ситуацию в анализируемых городах с наибольшей численностью, отметим следующее. Екатеринбург демонстрирует незначительный рост: с 2014 по 2019 гг. ежегодно наблюдалось увеличение численности населения, которое составило за эти 6 лет 4,85 %. У Красноярска та же тенденция: при ежегодном незначительном росте увеличение численности горожан за этот же период составило 5,7 %. Следует констатировать, что у этих мегаполисов есть признаки растущего города по критерию «численность населения».

Напротив, в Челябинске и Омске есть признаки убывающего города по численности населения. Так, в Челябинске убывание началось с 2019 г., при этом за 6-летний период увеличение численности населения

Таблица 1

Характеристика регионов по отраслевой специализации, 2017 г.

Регион	Доля городского населения в общей численности населения, %	Доля обрабатывающей промышленности в ВРП, %	Доля занятых в обрабатывающей промышленности от общей численности занятых, %
Свердловская область	84,6	31,0	20,0
Челябинская область	82,6	35,3	22,5
Омская область	72,2	36,7	14,5
Красноярский край	77,2	31,4	14,0

Источник: Составлено авторами по данным: Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 07.11.2020); Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: <https://chelstat.gks.ru/population> (дата обращения: 07.11.2020); Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://omsk.gks.ru/population> (дата обращения: 07.11.2020); Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32970> (дата обращения: 07.11.2020).

Таблица 2

Численность населения городов, тыс. чел.

Год	г. Екатеринбург	г. Челябинск	г. Омск	г. Красноярск
2014	1446	1169	1166	1037
2015	1461	1183	1174	1053
2016	1478	1192	1178	1068
2017	1488	1199	1178	1084
2018	1502	1202	1172	1092
2019	1516	1201	1165	1096

Источник: Составлено авторами на основе базы данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 07.11.2020).

составило менее 3 %. В Омске — убывание с 2018 г., снижение численности население за этот период составило менее 1 %.

Динамика численности населения в мегаполисах во многом определяется рождаемостью, рис. 1.

На графике явно видно, что рождаемость во всех 4 мегаполисах убывает с 2016 г., что свидетельствует о неблагоприятной тенденции. При сходном тренде ситуация в городах различается по числу рождений на 1000 чел. населения. В Екатеринбурге в 2014 г. этот показатель составлял 14,4 чел. (наибольшее значение среди рассматриваемых мегаполисов), в 2019 г. — 11,6. Соответственно в Челябинске 13,9 и 10,7; в Омске 13,7 и 9,5, в Красноярске 15,0 и 11,0 чел. на 1000 населения¹.

Миграционная составляющая также играет существенную роль в определении чи-

сленности населения крупнейших городов. Данные о миграционном приросте (убыли) представлены на рис. 2.

В миграционном приросте г. Екатеринбурга явная тенденция не просматривается, наибольшее значение миграционного роста имеет место в 2014 г. (11 182 чел.) и в 2018 г. (11 232 чел.). В г. Красноярск — снижение миграционных процессов, при этом пик относится к 2014 (12 121 чел.), а в 2019 г. — абсолютное убывание миграционного потока (-2431 чел.). В Челябинске и Омске просматривается явная тенденция убыли миграционных потоков, при этом в отрицательной зоне по этому показателю Челябинск находится с 2018г., а Омск с 2016 г. Приведенные данные свидетельствуют об оттоке населения из 3-х индустриальных мегаполисов: Красноярска, Челябинска, Омска.

Итак, демографическая ситуация в анализируемых городах-миллионниках характеризуется динамикой общей численности населения, которая определяется

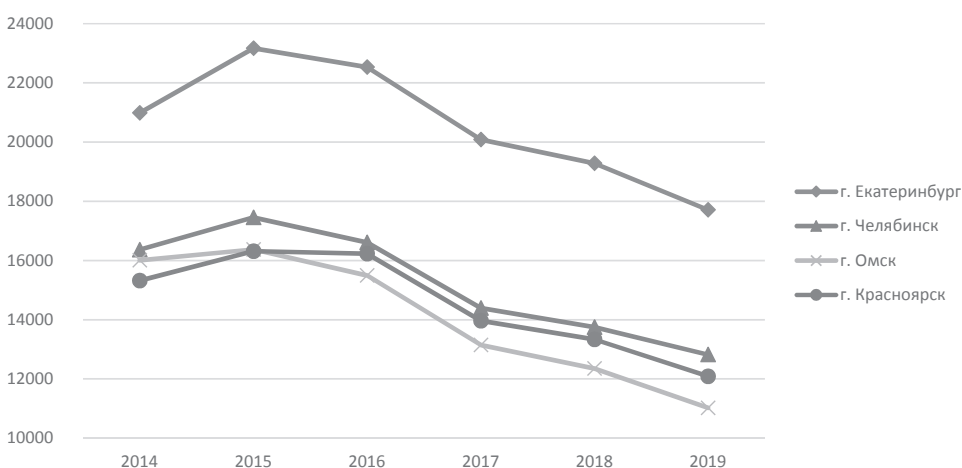

Рис. 1. Динамика рождаемости в мегаполисах, чел.

Составлено авторами на основе базы данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 07.11.2020)

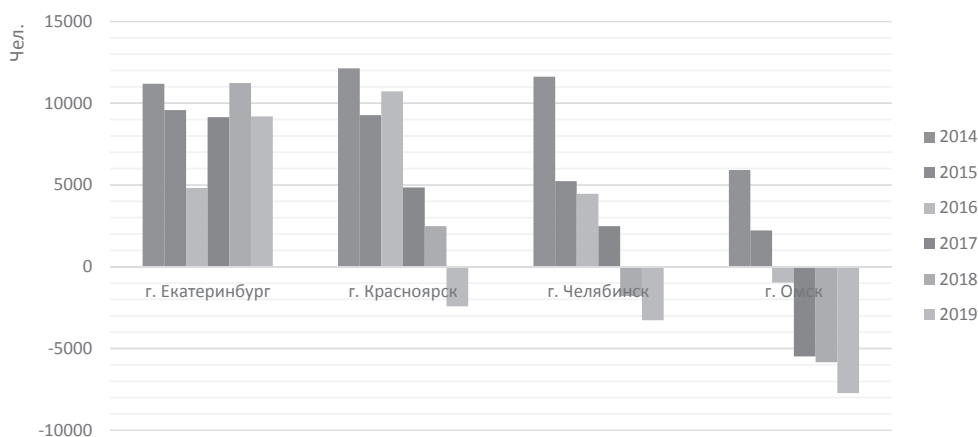

Рис. 2. Динамика миграционных потоков в городах-миллионниках, чел.

Составлено авторами на основе базы данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 07.11.2020)

динамикой рождаемости и смертности, миграционным приростом или убылью. Учет этих демографических факторов позволил разделить анализируемые города на 2 группы: первая группа характеризуется признаками роста населения, в нее входят Екатеринбург и Красноярск; вторая — признаками убывания населения: г. Челябинск и г. Омск.

С учетом предложенной группировки городов проанализируем рейтинговые оценки городов по качеству жизни населения. Воспользуемся для этого результатами экспертной оценки городов России по качеству жизни (2018 г.), ежегодно проводимой специалистами Domofond.ru. Специалисты определили рейтинг 150 городов по качеству жизни, среди них оценивались 4 из исследуемых нами городов: Екатеринбург, Красноярск, Челябинск, Омск (табл. 3)

Оценка осуществлялась по 10-балльной шкале, где 1 балл обозначает категоричное несогласие, а 10 — полное согласие с утверждениями, которые характеризуют: безопасность, чистоту, экологию, тишину, общественный транспорт, дороги/парковки, магазины и рынки, спорт и отдых, инфраструктуру для детей, работу коммунальных служб, соотношение доходов и стоимости жизни.

В 2018 г. по принятому нами определению городов с признаками роста лучшую оценку (интегральный балл — 6,4) имеют Екатеринбург и Красноярск. Напротив, города с признаками убывания имеют худшие оценки: Челябинск — 5,5; Омск — 5,6. Кроме того, в городах второй группы особыми проблемными зонами являются: в Челябин-

ске — экология, ЖКХ и состояние дорог, в Омске — состояние дорог.

Состояние городской среды и в целом качество жизни населения являются определяющими факторами для удержания жителей в мегаполисах. Авторами проанализировано состояние городской среды для двух групп городов.

Для сравнения анализируемых городов использовалась методика формирования индекса качества городской среды, утвержденная Правительством РФ¹. Разработчиками методики использовались индикаторы, характеризующие шесть типов пространств города: жилье, уличная инфраструктура, озеленение территорий, общественно-деловая инфраструктура, социально-досуговая инфраструктура, общегородское пространство. Каждая группа состоит из 6 индикаторов (индикатор оценивается от 0 до 10, а группа — от 0 до 60 баллов, при этом максимальное значение индекса — 360 баллов). Полученная в результате комплексная оценка городской среды за 2019 г. характеризует уровень комфортности проживания на соответствующей территории. Индексы мегаполисов первой (растущих) и второй (убывающих) городов представлены в табл. 4.

В указанной методике качество городской среды определяется как:

- а) благоприятное — состояние городской среды, при котором количество

¹ Методика формирования индекса качества городской среды : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.03.2019 г. №510-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72104984>.

Таблица 3

Индикаторы качества жизни населения крупнейших городов РФ, баллы

Индикаторы	Екатеринбург	Красноярск	Челябинск	Омск
Интегральный балл	6,4	6,4	5,5	5,6
Экология	6,4	5,2	4,3	5,3
ЖКХ	5,5	6,2	4,9	5,1
Безопасность	6,5	6,9	6	6,1
Общественный транспорт	7,1	6,8	5,9	6
Дороги/парковки	4,4	4,8	3,7	3,8

Источник: Полный рейтинг городов России по качеству жизни в 2018 году // Domofond.ru. URL: https://www.domofond.ru/statya/polnyy_reyting_gorodov_rossii_po_kachestvu_zhizni_v_2018_godu/7679 (дата обращения: 07.11.2020).

Таблица 4

Индекс качества городской среды, баллы

Индикаторы	Растущие		Убывающие	
	г. Екатеринбург	г. Красноярск	г. Челябинск	г. Омск
Интегральный индекс	188	181	161	106
Жилье и прилегающие пространства	42	36	33	16
Улично-дорожная сеть	35	29	23	14
Озелененные пространства	21	26	23	15
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	27	26	25	15
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	29	25	29	20
Общегородское пространство	34	39	28	26

Источник: Индекс качества городской среды, 2019. URL: <https://xn----dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/#/> (дата обращения: 07.11.2020).

набранных баллов составляет более 50 % максимально возможного количества баллов индекса города;

- б) неблагоприятное — состояние городской среды, при котором количество набранных баллов составляет менее 50 % максимально возможного количества баллов индекса города.

Данные таблицы по оценке качества городской среды показывают, что благоприятное состояние городской среды сформировано в городах с признаками роста — Екатеринбурге и Красноярске (их индексы превысили 50 % максимально возможных баллов), хотя отдельные группы показателей в этих городах ниже порога в 50 %). Такое состояние следует отнести к пограничному, а потенциал роста качества городской среды весьма значительным.

Неблагоприятная городская среда сложилась в городах с признаками убывания:

Челябинске и Омске, их относят (согласно методике) к неблагополучным (условно благополучным) городам. Челябинск на фоне Омска по городскому индексу выглядит лучше, но это не говорит об отсутствии проблем в городской среде индустриального города и региона.

Ситуация в Омске наиболее тревожная. Интегральный индекс составляет всего 29 % от максимально возможного. Из 6 направлений оценки городской среды ни один показатель не составляет более 50 % от максимального значения группы (60 баллов). Все направления городской среды по данной методике относятся к проблемным.

Основываясь на оценке городской среды, следует констатировать, что у индустриальных городов, особенно с признаками убывания, сходные проблемы: нарушение баланса между производственной и социальной зонами, поэтому они (города) воспроизводят себя в большей степени как

промышленные зоны, как территории для работы, и в меньшей степени, как места для отдыха и здорового образа жизни горожан.

Позитивные сдвиги могут ожидать в связи с реализацией нацпроектов «Жилье и городская среда», «Цифровая экономика», «Демография», а также при исполнении соответствующих региональных и муниципальных программ, если ожидаемые конечные результаты этих программ будут реализованы, а соответствующие показатели достигнуты.

В современных условиях мощным фактором развития крупнейших городов могут быть технологические инновации [5]. Так, необходимо использовать возможности цифровизации в реализации концепции умных городов. Отметим только один из важных аспектов этой концепции: возможности цифровизации по созданию умной городской среды, которую целесообразно реализовать совместно с благоустройством городского пространства. Такая работа активно ведется. Так, в Екатеринбурге исходят из необходимости совместить благоустройство города с его цифровизацией. Это возможно при применении многофункциональных элементов и инфраструктуры благоустройства территории. Цифровая инфраструктура должна быть интегрирована с общегородской инфраструктурой передачи данных и связанных с ней сетей двойного назначения (камеры видеонаблюдения, точек доступа в Интернет, станций сотовой связи и других элементов «умного города»). В противном случае есть риск возникновения противоречия при исполнении двух нацпроектов — по информатизации и по созданию комфортной городской среды. Городское благоустройство должно предусматривать такую технологию, которая обеспечивает многофункциональные целевые объекты, несущие в себе все коммуникационные возможности¹.

В Красноярске стандарт «Умный город», реализуется по четырем основным направлениям: городское управление (цифровая платформа «Активный гражданин», единая среда управления регионом, электронная модель территориальной схемы обращения с отходами); инновации для городской среды (архитектурная и художественная подсветка); умный городской транспорт (система автоматической фотовидеофиксации нарушений ПДД, система отслеживания

¹ Новые технологии сделают жизнь уральцев более удобной и современной // Екатеринбург. рф. URL: <https://xn--80acgfbs11azdqr.xn--p1ai/news/77863-novye-tehnologii-sdelayut-zhizn-ural'tsev-bolee-udobnoy-i-sovremennoy>.

общественного транспорта); интеллектуальные системы общественной безопасности (комплексная автоматизированная система по фиксации правонарушений «Безопасный город», служба 112, информационно-коммуникационные технологии универсиады)².

В Челябинске определили главную цель — сформировать эффективную систему управления городским хозяйством и создать безопасные и комфортные условия для жизни людей, в основе которых широкое внедрение передовых цифровых и инженерных решений в городской и коммунальной инфраструктуре. В ближайшее время в городе будет внедрен электронный реестр ТКО, запланированы мероприятия по развитию интеллектуальной транспортной сети, внедрению энергоэффективного освещения на улицах и на объектах социальной сферы³.

В Омске исходят из того, что информационные технологии помогают развивать экономику города, наблюдать за окружающей средой и вовлекать граждан в управление мегаполисами. Концепция умного города включает сервисы мониторинга общественного транспорта и отключений воды, света, газа и тепла. В ближайших планах — создание единой сети камер видеонаблюдения с автоматической обработкой данных, разработка сервиса наблюдения за работой специальной техники, внедрение открытых данных⁴.

Интересно, что анализируемые нами мегаполисы, в том числе с признаками убывания, демонстрируют цифровую активность, которая может стать одним из драйверов городского развития. В этом контексте представим результаты оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства (IQ городов). Индекс цифровизации городского хозяйства «IQ городов» разработан Минстроем России совместно с МГУ им. Ломоносова в рамках ведомственного проекта «Умный город», который реализуется в рамках двух национальных проектов — «Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика». «IQ городов» рассчитывается по десяти направлениям

² В Красноярске обсудили цифровизацию и создание «умного города» // Newslab.ru : интернет-газета. URL: <https://newslab.ru/news/899070>.

³ «Умные города» Челябинской области получат новое развитие в 2020 году // Правительство Челябинской области. URL: <https://pravmin74.ru/novosti/umnye-goroda-chelyabinskoy-oblasti-poluchat-novoe-razvitie-v-2020-godu-56352>.

⁴ Умный город Омск стал участником всемирного форума // Администрация города Омска. URL: https://admomsk.ru/web/guest/government/divisions/47/news/-/asset_publisher/Gv8Q/content/681046.

и содержит 47 показателей. «IQ городов» позволит ежегодно оценивать уровень цифровизации городского хозяйства и эффективность внедрения решений «Умного города», выявлять перспективные направления их дальнейшего развития.

По итогам 2018 года: IQ Омска составило 28,58 балла, IQ Красноярска — 26,88, IQ Челябинска — 21,05, IQ Екатеринбурга — 17,35. Для сравнения Москва имеет IQ 81,19 балла, Казань — 52,58, Санкт-Петербург — 50,37¹.

Проведенный анализ позволил определить направления развития мегаполисов индустриального типа, имеющих признаки убывания (табл. 5).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Мегаполисы, в основе которых индустриальной модель, имеют перспективы роста и способны реализовать свой потенциал для повышения качества жизни, могут сохранить и увеличить численности населения на своей территории за счет трансформации городской экономики на инновационной основе, положительных

¹ Минстрой России представил первый индекс IQ городов // Минстрой России : сайт. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-predstavil-pervyy-indeks-iq-gorodov>.

агломерационных эффектов, благоприятной городской среды, социализации городского пространства. Однако возможности для этого у крупнейших промышленных городов разные. Это было подтверждено в исследовании по итогам проведенной типологии крупнейших городов по функциональной специализации с учетом демографической ситуации. В результате были выделены две группы городов: одна группа с признаками демографического роста, вторая — с признаками убывания. Было показано, что города первой группы имеют больший экономический потенциал, возможности агломерации, обеспечивают более комфортное проживание и закрепление населения на своей территории. Напротив, города с признаками убывания имеют меньше возможностей (ресурсов), слабее диверсифицированы, городская среда в них менее комфортна, что отражается на уровне и качестве жизни горожан и сопровождается оттоком населения. Было выявлено, что города активно используют цифровые технологии, реализуя, в частности, концепцию «умный город». При этом города с признаками убывания демонстрируют высокие показатели IQ городов. Учитывая выявленные проблемы, авторами были предложены перспективные направления развития индустриальных мегаполисов с признаками убывания.

Таблица 5

Возможности развития мегаполисов индустриального типа

№ п/п	Стратегические ориентиры	Направления развития
1	Трансформация городской экономики на инновационной основе	Диверсификация экономики посредством развития перспективных специализаций. Для мегаполисов с высокой долей обрабатывающей промышленности: а) металлургия — применение процессных инноваций, создание металлургической продукции с заранее заданными свойствами, порошковая металлургия (использование 3D-принтеров) и др. б) машиностроение — создание межотраслевых кластеров, применение продуктовых инноваций, роботизация, искусственный интеллект, технологии дополненной реальности и др.
2	Использование агломерационных эффектов	Использование агломерации для концентрации ресурсов (инновационных, трудовых и др.) близлежащих территорий для более эффективного развития; предоставление населению, проживающему в границах агломерации, качественного по составу пакета социальных услуг (медицинских, образовательных, транспортных и др.).
3	Формирование качественной городской среды, социализация городского пространства	Создание качественного городского пространства и дружелюбной среды для всех групп населения мегаполиса.
4	Цифровизация города	Использование цифровизации в рамках концепции умного города: умное управление, умный транспорт, умная городская среда и др.

Источник: составлено авторами.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2021 г.

1. Анимича Е. Г., Власова Н. Ю. Градоведение : учеб. пособие / Федер. агентство по образованию, Урал. гос. экон., ун-т. 2010. 433 с.

2. Антонов Е. В., Денисов Е. А., Ефремова В. А., Фаддеев А. М. Современные проблемы развития убывающих городов на северо-востоке Республики Коми // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. № 2. С. 55—61.

3. Антонюк В. С., Кремер Д. В., Корниенко Е. Л. Экономический потенциал ускоренного развития муниципальных образований: теоретические и методические аспекты // Инновации и инвестиции. 2018. Т. 12. С. 318—322.

4. Артемова О. В. Направления и механизмы реализации пространственного развития индустриальных регионов (на примере Челябинской области) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 50—61.

5. Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Исследование качества жизни населения региона в условиях цифровизации: пространственный подход // Управление в современных системах. 2020. № 3 (27). С. 3—15.

6. Берджесс Э. У. Рост города. Введение в исследовательский проект. // РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2015. С. 20—34.

7. Вальдес О. М. С. Эволюция социологических теорий города XIX—XX вв. // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 319—325.

8. Вебер А. Теории размещения промышленности / изложил и пер. Н. Морозов ; под ред. Н. Баранского. Л. ; М. : Книга, 1926. 223 с.

9. Делитц Х. Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113—121.

10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

11. Косарева Н. Б., Полиди Т. Д., Пузанов А. С. Экономическая урбанизация. М. : Фонд «Институт экономики города», 2018. 418 с.

12. Лаппо Г. М. География городов : учеб. пособие для географических факультетов вузов. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997 г. 480 с.

13. Леш А. Пространственная организация хозяйства / пер. с нем. В. Н. Стрелецкого ; под ред. А.Г. Гранберга. М. : Наука, 2007. 662 с.

14. Мирлюбова Т. В., Николаев Р. С. Перспективы развития промышленных территорий крупных городов в региональной экономике // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2018. Т. 10, № 4. С. 569—597.

15. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3—12.

16. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 4. С. 633—641.

17. Сорокина Н. Ю., Латов Ю. В. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9, № 1. С. 6—22.

18. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России / под ред. И. Стародубровской. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 248 с.

19. Стратегические направления и приоритеты регионального развития в условиях глобальных вызовов / под общ. ред. Ю. Г. Лавриковой, Е. Л. Андреевой. Екатеринбург : УрО РАН, 2019. 504 с.

20. Сухарев О.С. Индустриализация регионов России: структурная оценка по общему и специальному агрегатным критериям // Вестник ИЭ РАН. 2019. № 1. С. 9—33.

21. Тарасова О. В., Руднева В. А. Модели ревитализации старопромышленных территорий // ЭКО. 2017. № 7 (517). С. 53—71.

22. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с.

23. Тургель И. Д. Теоретико-методологические аспекты исследования жизненного цикла города // Вопросы управления. 2008. № 03 (4). URL: <http://journal-management.com/issue/2008/03/14> (дата обращения: 01.10.2020).

24. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2018. 288 с.

References

1. Animica E.G., Vlasova N.Y. (2010) *Gradovedenie*. Ekaterinburg, 433 p. [in Rus].

2. Antonov E.V., Denisov E.A., Efremova V.A., Faddeev A.M. (2014) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, no. 2, pp. 55—61 [in Rus].

3. Antonyuk V.S., Kremer D.V., Kornienko E.L. (2018) *Innovacii i investicii*, vol. 12, pp. 318—322 [in Rus].
4. Artemova O.V. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (444), pp. 50—61 [in Rus].
5. Artemova O.V., Logacheva N.M., Savchenko A.N. (2020) *Upravlenie v sovremennyh sistemah*, no. 3 (27), pp. 3—15 [in Rus].
6. Berdzhess E.U. (2015) Rost goroda. Vvedenie v issledovatel'skij proekt. Moscow, pp. 20—34 [in Rus].
7. Valdes O.M.S. (2014) *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 319—325 [in Rus].
8. Veber A. (1926) *Teorii razmeshchenii promyshlennosti*. Leningrad, Moscow, Kniga, 223 p. [in Rus].
9. Delitc H. (2008) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 113—121 [in Rus].
10. Kastel's M. (2000) *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow, GU VSHE [in Rus].
11. Kosareva N.B., Polidi T.D., Puzanov A.S. (2018) *Ekonomicheskaya urbanizaciya*. Moscow, Institut ekonomiki goroda, 418 p. [in Rus].
12. Lappo G.M. (1997) *Geografiya gorodov: uchebnoe posobie dlya geograficheskikh fakul'tetov vuzov*. Moscow, VLADOS, 480 p. [in Rus].
13. Lesh A. (2007) *Prostranstvennaya organizaciya hozyajstva*. Moscow, Nauka, 662 p. [in Rus].
14. Mirolyubova T.V., Nikolaev R.S. (2018) *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, vol. 10, no. 4, pp. 569—597 [in Rus].
15. Park R. (2002) *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 2, № 3, pp. 3—12 [in Rus].
16. Rastvorceva S.N. (2018) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 15, no. 4, pp. 633—641 [in Rus].
17. Sorokina N.Y., Latov Y.V. (2018) *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*, vol. 9, no. 1, pp. 6—22 [in Rus].
18. Starodubrovskaya I. (2011) *Strategii razvitiya staropromyshlennykh gorodov: mezhdunarodnyy opyt i perspektivy v Rossii*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 248 p. [in Rus].
19. Lavrikova Y.G. (2019) *Strategicheskie napravleniya i priority regional'nogo razvitiya v usloviyah global'nykh vyzovov*. Ekaterinburg, UrO RAN, 504 p. [in Rus].
20. Suharev O.S. (2019) *Vestnik IE RAN*, no. 1, pp. 9—33 [in Rus].
21. Tarasova O.V., Rudneva V.A. (2017) *EKO*, no. 7 (517), pp. 53—71 [in Rus].
22. Toffler, E. (1999) *Tret'ya volna*. Moscow, AST, 784 p. [in Rus].
23. Turgel' I.D. (2008) *Voprosy upravleniya*, no. 03 (4). Available at: <http://journal-management.com/issue/2008/03/14>, accessed 01.10.2020 [in Rus].
24. Shvab, K. (2018) *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya*. Moscow, Eksmo, 288 p. [in Rus].

For citing: Artemova O.V., Savchenko A.N., Uzhegov A.O. Quality of life in Russian megacities: searching for urban development opportunities // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (87). P. 76—89. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-76-89.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-76-89

UDC 332.1

QUALITY OF LIFE IN RUSSIAN MEGACITIES: SEARCHING FOR URBAN DEVELOPMENT OPPORTUNITIES

Olga V. Artemova,

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Branch Director, Leading Researcher, Doctor of Economics, Professor. The Russian Federation, Chelyabinsk, ulitsa Kommuny, 68.
E-mail: artemova.ov@uiec.ru

Anastasia N. Savchenko,

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, Cand.Sc. (Economics), Associate Professor. The Russian Federation, Chelyabinsk, ulitsa Kommuny, 68.
E-mail: savchenko.an@uiec.ru

Artem O. Uzhegov,

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Post-graduate student. The Russian Federation, Yekaterinburg, ulitsa Moscovskaya, 29.
E-mail: uzhegov1996@mail.ru

Abstract

Introduction. Cities play a key role in the development of countries and regions. The authors of the article emphasize the importance of the largest cities' development, which is based on an industrial model that has not exhausted its potential. The authors show possibilities of urban development on the basis of the industrial sector effective functioning in order to improve the citizens' welfare, meet their needs and improve the life quality. In this regard, the authors formulate a hypothesis that the largest Russian cities developing according to the industrial model have and are able to realize their potential in order to improve the life quality, preserve and increase the population on their territory. The authors set a goal: to identify the possibilities for developing industrial-type megalopolises to improve the population's life quality of the (PLQ).

Methods. The authors use the following information base: strategic documents of different levels,

statistical data, scientific literature, analytical documents, and expert assessments of the megalopolises' development. The authors also use an industrial model for developing the largest cities; they determine conditions under which the potential of megacities can be realized to improve the citizens' life quality and carry out an analysis of the demographic and social situation in the largest Russian industrial cities. The authors evaluate some approaches and theses of the study as exemplified by the following cities with a million-plus population: Yekaterinburg, Krasnoyarsk, Chelyabinsk, and Omsk and they group the cities according to the signs of growth and decline, which is illustrated by favorable or unfavorable demographic trends. To confirm the identified trends and problems of the largest cities, the authors provide the results of expert assessments on the population's life quality and the state of the urban environment and emphasize the need for a systemic integrated development of the largest cities of industrial type to improve the life quality of the population of megalopolises.

The scientific novelty of the study consists in substantiating the prospects for the socio-economic development of the largest industrial cities of Russia on the basis of an industrial model that provides for the technological transformation of the economy, the use of agglomeration effects, the formation of a friendly urban environment for residents and the achievement of socialization of urban space.

Results and conclusions. As a result of the analysis and typology of the largest cities by functional specialization, two groups of cities were identified: one group with signs of demographic growth, the second with signs of decline. The cities of the first group have a greater economic potential, opportunities for agglomeration, provide more comfortable living and consolidation of the population on their territory. On the contrary, cities with signs of decreasing have fewer opportunities (resources), are less diversified, the urban environment in them is less comfortable, which is reflected in the citizens' life quality and is accompanied by the population's outflow. At the same time, it was revealed that all analyzed cities actively use digital technologies, realizing, in particular, the concept of a «smart city». At the same time, cities with signs of decreasing show high IQ indicators of cities. Taking into account the identified problems, the authors propose promising directions for the development of industrial megalopolises with signs of decline.

Key concepts:

urban environment,
industrial model,
the population's life quality,
megapolis,
growing city,
development strategy,
decreasing city,
smart city.

Для цитирования: Лукин А. Н., Воропанов В. А., Орлов П. А., Яцун А. Н. Использование ключевых показателей результативности деятельности кадров на государственной и муниципальной службе // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 90—102. DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-90-102.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-90-102

УДК 331.101.38

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАДРОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Воропанов Виталий Александрович,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой
государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат исторических наук, доцент.
Российская Федерация, 454077, г. Челябинск, ул.
Комарова, д. 26.
E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Орлов Павел Алексеевич

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат исторических наук, доцент.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: orlova1911@is74.ru

Яцун Андрей Николаевич,

ООО Инвестиционная компания
«Доступное жилье»,
генеральный директор.
Российская Федерация, 454100, г. Челябинск,
Комсомольский пр., д. 138, помещ. 4.

Аннотация

Введение. Необходимость перехода к новой системе мотивации деятельности государственных и муниципальных служащих широко обсуждается в последние годы. Более того, в некоторых органах государственной власти в этом направлении предприняты определенные действия. Но в целом существенных перемен так и не произошло. Авторы статьи убеждены, что переход к более эффективному управлению невозможен без изменения системы оплаты труда чиновников, которая должна мотивировать их на достижение значимых результатов в тех областях, за которые они отвечают. В работе рассмотрен концептуальный подход перевода оплаты труда чиновников на новую систему, показаны преимущества использования показателей результативности для стимулирования деятельности служащих.

Цель. Обоснование целесообразности использования показателей результативности деятельности при оплате труда государственных и муниципальных служащих.

Методы. В рамках системного подхода мы использовали структурно-функциональный анализ, а также общенаучные методы: абстрагирование, сравнение, описание и объяснение.

Научная новизна. Показаны возможности использования показателей результативности деятельности кадров на государственной и муниципальной службе для повышения их мотивации к получению значимых результатов в своей работе.

Результаты. Проведен анализ условий успешного внедрения ключевых показателей результативности деятельности кадров на государственной и муниципальной службе, описаны типичные ошибки, препятствующие эффективному использованию КПРД в органах государственной власти. Разработаны рекомендации по совершенствованию использования КПРД в системе государственного и муниципального управления.

Выводы. Правильное использование ключевых показателей результативности деятельности государственных и муниципальных служащих существенно повысит их мотивацию к получению высоких результатов в своей работе. При этом КПРД должны быть сбалансированы и подобраны с учетом целей организации.

Ключевые понятия:

мотивация деятельности,
показатели результативности деятельности,
государственная служба,
муниципальная служба,
оценка деятельности.

Введение

Во времена перманентных изменений во всех сферах жизни общества, в государственном и муниципальном управлении трудно рассчитывать на серьезный успех, если не генерировать адекватные новым вызовам внутренние для органов власти изменения, постоянно задаваясь вопросом о причинах недостаточной эффективности тех или иных аспектов их работы. К ключевым аспектам деятельности, среди прочих, стоит отнести систему оплаты труда служащих и связанную с этим мотивацию кадров. Если в коммерческом секторе на это всегда делается акцент в работе с персоналом, то громоздкая и куда более консервативная система государственного управления к переменам готова гораздо хуже. Кроме того, нужно учитывать, что от служащих требуется ориентированность на социальное развитие, человеческий капитал, а не только учет исключительно экономических параметров развития [19]. Впрочем, у органов государственной власти есть возможность адаптировать успешный опыт частного сектора экономики к своим условиям, в том числе, прибегая к помощи лучших экспертов.

Не вызывает сомнений среди специалистов тот факт, что правильно выстроенная система оплаты труда может стать мощным мотиватором деятельности людей. Тогда, когда работник имеет возможность существенно увеличить свой доход, добываясь значимых и осязаемых результатов в своей профессиональной деятельности, его производительность труда как правило возрастает.

В последние годы в органах государственной власти и местного самоуправления России основной упор делался на детальную регламентацию деятельности служащих. Обновление нормативно-правовой базы, принятие и последующие дополнения регламентов деятельности органов власти и должностных лиц призваны сделать работу чиновников предсказуемой и подконтрольной. Впрочем, такой службе чиновников хотели видеть и в прошлые времена [7]. Однако, как метко подмечено в русской пословице, — «Невольник не работник». К сожалению, на практике чаще всего отсутствует интенция сознания служащих на достижение выдающихся результатов в своей деятельности. Создаются условия для того, чтобы часть лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, а также должности государственной и муниципальной службы была озабочена только

тем, чтобы обозначать факт своего пребывания на служебном месте и демонстрировать активную деятельность. Когда результаты труда непосредственно не влияют на его оплату, трудно обеспечить высокую самоотдачу человека на его рабочем месте. Совсем плохая управленческая ситуация возникает тогда, когда безынициативный, ленивый руководитель или специалист получает такое же денежное вознаграждение, как и его коллега, добывающийся благодаря своему старанию и профессионализму значимых для общества результатов. К сожалению, в органах власти такое встречается достаточно часто. Попытки внедрить оплату труда по результатам предпринимались неоднократно как для государственных гражданских служащих [4; 11], так и в органах местного самоуправления [10; 16]. Определенные наработки есть в ряде министерств и ведомств, в частности, в Минфине России [18] и в ФАС [22]. Однако системный эффект пока получен не был.

Фокус мотивации российских чиновников не направлен на достижение максимальных значений показателей своей деятельности. Поэтому кто-то из них ищет мотивацию в карьерном росте. Некоторые разочаровываются в том, что ни какими собственными усилиями не могут повлиять на рост своих доходов и уходят в коммерческие структуры. Есть и такие чиновники, которые пытаются поднять уровень доходов с использованием коррупционных схем [15]. К сожалению, в обновленном индексе восприятия коррупции, опубликованном международным антикоррупционным движением Transparency International, Россия занимает малопочетное 137-е место из 180 стран¹. Нам представляется неслучайным то, что положительный опыт борьбы с коррупцией включает, среди прочего, и реформу оплаты труда служащих. В качестве примера можно привести Сингапур и Гонконг.

Механическое изменение денежного содержания чиновников — не выход из положения. Руководители регионов и муниципальных образований, члены их команд и остальные служащие должны иметь достойные доходы, но только при условии, что они своим трудом реально меняют к лучшему социально-экономическую ситуацию на подконтрольной им территории. Ключевые показатели результативности деятельности руководителей органов местного

¹ «Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл — Р» : официальный сайт. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii> (дата обращения: 23.05.2020).

самоуправления и руководства регионов должны быть не только увязаны с повышением качества жизни населения (реальные доходы граждан, увеличение продолжительности жизни населения, экологическая ситуация на территории проживания, уровень безработицы, уровень удовлетворенности населения деятельностью соответствующего руководителя, развитие инфраструктуры, формирование комфортной для жизни городской среды и т. п.), но и напрямую влиять на их зарплату. Только достижение запланированных индикативных показателей должно позволять чиновнику получать высокую зарплату. Если же показатели не достигнуты, то это автоматически должно снижать его доходы. Нужна прозрачная, объективная система оценки результатов труда руководителей и специалистов органов публичной власти, которая позволила бы гражданскому обществу контролировать четкость соблюдения правил и процедур оценки, а также достоверность предоставляемой информации.

В Федеральных законах ФЗ-79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 2004 года и ФЗ-25 «О муниципальной службе Российской Федерации» от 2007 года предусмотрена возможность оплаты труда служащих на основе достижения специально разработанных ключевых показателей результативности (эффективности) их деятельности. Поэтому в своей статье мы будем чаще использовать этот термин. При этом нужно учитывать, что в научной литературе используются термины-синонимы «показатели деятельности» (ПД), «ключевые показатели деятельности» (КПД) и, особенно часто, «ключевые показатели эффективности» (КПЭ) или англоязычный вариант «Key Performance Indicators» (KPI). Английский термин появился гораздо раньше. В 1992 году система KPI впервые была внедрена в компании Analog Devices, тогда как в странах СНГ этот опыт начал использоваться примерно с начала 2000-х годов.

Отметим, что уже сейчас имеется в наличии основная нормативно-правовая база, открывающая возможность внедрения ключевых показателей результативности деятельности (КПРД) в органы государственной власти и местного самоуправления, включая Указы Президента Российской Федерации, постановления правительства, вплоть до методических рекомендаций некоторых министерств и ведомств [13]. Общее мнение экспертов сводится к тому, что оценка деятельности чиновников должна осуществляться в соответствии с показателями

эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности, соответствующих требованиям новых задач и функций в условиях совершенствования системы государственного управления [1].

В большинстве развитых стран в большей или меньшей степени внедряются технологии управления по результатам, происходит начисление бонусов чиновникам в зависимости от их достижений в служебной деятельности, с учетом современных вызовов и ожиданий граждан [8].

То, что проблема внедрения показателей результативности служащих органов публичной власти является актуальной темой научного исследования, подтверждается тем, что когда мы в электронной библиотеке eLibrary в поисковой системе набрали слова «показатели результативности служащих», то нам был предоставлен доступ к текстам 238 610 научных статей, в которых этот термин встречается в названии, ключевых словах или аннотации.

1. Преимущества внедрения новой системы оплаты труда в органах власти

Чтобы чиновники стремились получать высокие результаты своей деятельности, система их мотивации непременно должна включать в себя конкретные измеримые цели, определенные для каждого руководителя и специалиста, ясные и справедливые правила оценки результатов его труда, а также прозрачную систему расчета вознаграждения. Всего этого позволяет достичь система оплаты труда, построенная на основе ключевых показателей результативности деятельности кадров (КПРД).

Опыт консалтинговых компаний, занимающихся внедрением системы оплаты труда на основе достижения КПРД, наглядно свидетельствует о преимуществах этого подхода. Однако значимый результат получен преимущественно в коммерческом секторе. Как отмечает Марк Розин, включенный в Топ-1000 самых успешных менеджеров России (рейтинг «Ассоциации менеджеров России»), не менее 63 % директоров компаний, внедривших новую систему управления мотивацией персонала, оценивают влияние системы на бизнес-результат как очень высокое [17]. По их свидетельству, индикативные значения показателей результативности деятельности руководителей и специалистов увеличиваются на 15—20 % без инвестиционных вложений и роста численности сотрудников в течение двух

ближайших лет. Такой рост производительности труда обеспечивает окупаемость любого проекта. В сфере продаж внедрение КПРД в 100 процентах случаев дает положительный эффект. Государственные и муниципальные структуры таких результатов пока не имеют. В дальнейшем мы остановимся на причинах этого. Но в начале стоит более подробно рассмотреть достоинства системы. При условии, что КПРД разработаны верно мы получаем следующие преимущества:

- возможность в полной мере оценить эффективность работы руководителя или специалиста;
- наглядная иллюстрация вклада каждого чиновника в достижение стратегических целей социального и экономического развития региона, муниципального образования или конкретного органа государственной власти;
- появляется эффективная система мотивации труда;
- меняется фокус внимания должностных лиц с процедур на результаты, а именно высоких результатов от работы чиновников ожидает общество;
- новая система эффективно увязывает цели общества, органов власти, чиновников и населения;
- конкретно определяются зоны ответственности должностным лицам;
- руководителям и специалистам будут представлены четкие и измеримые критерии успеха;
- ценность выдающихся результатов деятельности становится элементом корпоративной культуры органов власти;
- повысится авторитет чиновников в глазах населения, так как люди будут видеть их реальный вклад в повышение уровня жизни граждан, в создание благоприятной для жизни городской среды, в улучшение качества, предоставляемых государственных и муниципальных услуг;
- появляется новый механизм общественной оценки деятельности чиновников [2], их результаты будут видны гражданам.

2. Основные условия внедрения системы оплаты труда с использованием показателей результативности

Для российской системы государственного и муниципального управления, на наш

взгляд, вполне приемлем подход внедрения показателей результативности, который используют специалисты «ЭКОПСИ Консалтинг» — организации с многолетним успешным опытом продвижения этих технологий во многих компаниях России и стран СНГ. Этот подход предполагает учет уровня развития и особенностей системы управления организацией [5]. Органы государственной власти и местного самоуправления должны получить систему КПРД, адекватную их стратегическим целям. На наш взгляд, на этапе внедрения стоит воспользоваться консалтинговыми услугами лучших российских экспертов. Люди, не обладающие развитыми профессиональными компетенциями в этой сфере, с высокой долей вероятности допустят просчеты, которые могут в последствии стать роковыми.

Ключевые руководители, наряду с заранее подготовленными специалистами и приглашенными экспертами, должны принимать участие в процессе разработки КПРД, чтобы стать полноправными соавторами системы. Их приверженность новой системе — необходимое условие успешного ее внедрения. К тому же, в этом случае руководителями и ключевыми специалистами будут получены знания и навыки, необходимые для последующей актуализации и развития данной системы. Предлагаемый подход не предусматривает слишком быстрого перехода на КПРД, однако это, на наш взгляд, тот случай, когда, как перед полетом в космос, нужно быть абсолютно уверенным перед запуском системы в том, что все элементы и связи тщательно проверены.

Рассмотрим жесткие принципы, на которых должна основываться система использования КПРД в сфере государственного и муниципального управления:

- для первых руководителей они должны соответствовать стратегическим целям развития регионов, муниципальных образований, органов власти, а для руководителей подразделений — целям этих подразделений;
- для руководителей органов местного самоуправления и руководства регионов они должны быть увязаны с повышением качества жизни населения (реальные доходы граждан, увеличение продолжительности жизни населения, экологическая ситуация на территории проживания, уровень безработицы, уровень удовлетворенности населения деятельностью соответствующего руководителя, развитие инфраструктуры и т. п.);

- набор показателей должен быть сбалансированным, чтобы фокус мотивации чиновников не был сосредоточен на какой-либо одной сфере его деятельности в ущерб другим;
- разумное ограничение количества показателей (по мнению экспертов оптимально 5—7 показателей, хотя, конечно, у руководителя региона или муниципального образования их может быть чуть больше, но не десятки и не сотни);
- каждое должностное лицо должно иметь реальную возможность своими профессиональными действиями обеспечить достижение целевых значений персональных показателей;
- показатели результативности должны предусматривать минимальное пороговое, плановое и целевое (вызов) значения, существенное денежное вознаграждение чиновник должен получать только при достижения целевого значения (вызова);
- факт не достижения минимального порогового значения к началу отчетного периода, открывает возможность инициации процесса признания руководителя (специалиста) несоответствующим замещаемой должности;
- достижение руководителем (специалистом) целевых показателей результативности его деятельности автоматически предполагает существенное (предусмотренное контрактом) увеличение оплаты труда на следующий временной период, например, год;
- каждый показатель должен иметь

четкую конкретную формулировку, прописанную в персональной карте КПРД, в которой также должны быть указаны используемая формула расчета показателя результативности, целевые значения (пороговое, плановое и вызов), единицы, в которых будет производиться измерение, вес (приоритет) и используемые источники данных;

- должен быть установлен действенный общественный контроль за достоверностью предоставляемой информации о достижении показателей результативности руководителей органов публичной власти, вся информация об этом должна размещаться в открытом доступе.

В табл. 1 мы приводим пример описания одного из возможных КПРД для государственного (муниципального) служащего, в функциональные обязанности которого входит оказание государственных (муниципальных) услуг населению.

А вот примерно так может выглядеть ключевой документ — карта результативности деятельности должностного лица, на основе которой происходит оценка достижений чиновника (табл. 2).

Классический подход к разработке ключевых показателей результативности деятельности сотрудников, если его применить в органах публичной власти, предполагает декомпозицию ключевых показателей, разработанных для высшего звена управления таким образом, чтобы каждое структурное подразделение имело свой пул КПРД, за достижение которых отвечает руководитель подразделения. Он заинтересован в том,

Таблица 1

Пример КПРД

Наименование характеристики	Описание характеристики
Процесс	Оказание услуг населению
Цель	Повысить уровень удовлетворённости населения
Наименование	Коэффициент удовлетворённости населения
Единицы измерения	%
Формула расчёта	$V = V_{\text{удовлетворенных}} / V_{\text{опрошенных}} \times 100 \%,$ где V — коэффициент удовлетворенности населения; $V_{\text{удовлетворенных}}$ — количество удовлетворенных; $V_{\text{опрошенных}}$ — общее количество опрошенных
Описание методики расчёта показателя	Предварительно должны быть разработаны критерии оценки удовлетворённости населения
Полярность	Повышение значения
Периодичность расчёта	1 раз в 6 месяцев
Разрез анализа	Категории населения
Источник данных	Анкетирование

Таблица 2

Пример карты результативности

№ п/п	КПРД		Вес КПРД	Целевые планки КПРД			Результат (заполняется в конце периода)		
	описание	единица измерения		%	порог	план	вызов	значение	рез-ть по КПРД
1	Уровень заработной платы жителей региона	тысячи рублей	15	25	28	32	32	100	15
2	Уровень удовлетворённости населения работой руководителя	%	20	50	60	70	70	150	40
3	Место региона в экологическом рейтинге субъектов РФ	цифровое значение в рейтинге	10	55	50	45	55	50	5
	И т. д.								
	Общий вес КПРД 100						Итоговая результативность		

чтобы сформировать набор показателей своих подчиненных таким образом, чтобы они своим мотивированным трудом обеспечили в сумме достижение целевых значений показателей подразделения, а значит и его собственное высокое вознаграждение. Для каждого ключевого показателя результативности устанавливается целевое значение, которое нужно достичь к определенному отчетному времени (например, через полгода или год). От того, в какой мере достигаются целевые значения тем или иным служащим, будет зависеть размер его индивидуального вознаграждения по итогам отчетного периода [6].

Ключевые показатели результативности деятельности должны быть сформулированы четко и понятно, не допустимо, чтобы были разные толкования слов. Приведем пример формулировок КПРД:

КПРД 1 — «Уровень удовлетворенности населения действиями руководителя региона»,

КПРД 2 — «Средний размер оплаты труда в регионе»,

КПРД 3 — «Объем привлеченных инвестиций за отчетный период»,

КПРД 4 — «Место региона в рейтинге экологического благополучия субъектов РФ» и т. д.

Для того чтобы система премирования на основе ключевых показателей результативности деятельности серьезным образом мотивировала чиновников на продуктивную работу, а не приводила к недовольству и конфликтам, каждый показатель следует

формулировать максимально конкретно. Кроме того, понадобится простая и доступная всем методика расчета КПРД (какие данные используются для определения его значения, когда и каким образом могут вноситься корректировки и т. д.).

Вдумчиво нужно подходить к определению целевых значений ключевых показателей результативности деятельности сотрудников. Если поднять целевые планки слишком высоко, то должностные лица будут субъективно воспринимать КПРД как невыполнимые. Тогда никакой мотивации на их достижение не будет. Если в наборе показателей результативности окажется хотя бы один недостижимый, то он разрушит всю создаваемую систему мотивации. Цена подобной ошибки слишком высока. Поэтому на этапе разработки КПРД нужно тщательно оценивать каждый показатель на предмет его достижимости.

Ядром новой системы мотивации труда чиновников всех уровней должна стать технология управления по целям. Она предполагает периодическую постановку целей перед руководителями органов власти и структурных подразделений (вероятнее всего, уместно это делать один раз в год). В соответствии с целями должны быть установлены целевые планки с конкретными цифровыми значениями, на которые должна быть обеспечена интенция сознания управленцев всех уровней. Стоит отметить большой эвристический потенциал философского представления об интенции сознания человека, т. е. его особой избиратель-

ности, направленности, устремленности на определенный объект [12].

Новая система оплаты и мотивации труда существенно изменит стиль управления в органах власти. Присущий ныне властным структурам акцент на руководство через выдачу заданий разной категории срочности и важности, станет неуместным. Целевое управление предполагает повышение самостоятельности управленцев, которые после принятия цели и определения на ее основе набора КПРД вправе самостоятельно выбирать пути и методы достижения целевых значений. Жесткость, беспристрастность и объективность контроля предполагается только в запланированной заранее итоговой точке контроля.

Отдельно нужно разобраться с тем, для какого уровня чиновников стоит внедрять оплату труда на основе показателей результативности их деятельности. Большинство экспертов в сфере использования КПЭ и КПРД убеждены в том, что наиболее эффективно эта система действует на уровне ТОП-руководителей, неплохие результаты наблюдаются и на среднем уровне руководства. А вот на уровне низшего звена управления и рядовых сотрудников, по мнению практиков, целесообразность подобных нововведений спорна. Хотя при определенной специфике работы, например, для менеджеров по продажам в коммерческих организациях, КПЭ способны дать значительный позитивный эффект. Но это обусловлено спецификой деятельности этой категории персонала. Там изначально предполагается большая самостоятельность действий и нацеленность на количество и объем продаж, которые естественным образом становятся их КПЭ. Остается только правильно установить целевые планки и разобраться с размером предполагаемых бонусов. В то же время нет никакой необходимости доводить систему КПРД до уровня, например, обеспечивающего специалиста. Здесь просто требуется соблюдение четко определенных стандартов работы.

Опыт использования КПЭ в коммерческих организациях может и должен, на наш взгляд, учитываться в органах государственной и муниципальной власти. Директивный одномоментный переход к показателям результативности деятельности всех чиновников без должной проработки всех аспектов этого решения, непременно приведет к серьезным просчетам и последующему разочарованию. Начинать реформу нужно с

высшего звена, и потом постепенно распространять новые технологии оплаты труда и мотивации на другие категории служащих. Весьма уместно запустить пилотный проект в нескольких муниципальных образованиях и одном-двух регионах. Только отладив систему, можно приступать к масштабированию проекта.

Мы полагаем, опираясь на опыт экспертов в этой сфере, что на территории муниципального образования или региона, в конкретных органах публичной власти нужно на первом этапе реформы использовать разные механизмы мотивации кадров: на верхнем уровне — внедрять систему ключевых показателей результативности деятельности, а на уровне специалистов — предусматривать коллективные премии для структурного подразделения при достижении им установленных целевых показателей и создавать командную систему мотивации. Это подготовит служащих к принятию показателей результативности деятельности в последующем.

После внедрения системы КПРД важно помнить о том, что она должна быть актуальной. Так как мы живем в период перманентных изменений, по окончании отчетного периода набор и содержание показателей результативности, а также расстановка весов (приоритетов) могут быть изменены. До наступления отчетного периода менять КПРД нецелесообразно, так как тогда у сотрудников утрачивается вера в честность руководства, в его готовность при любых обстоятельствах выполнить данные обещания.

После официального перехода на КПРД нужно строго выполнять принятые обязательства. Недопустимо не выплачивать служащим обещанные бонусы в том случае, если они достигли числовых значений показателей результативности своей деятельности на уровне вызова и выше. Это сразу дискредитирует систему. В равной степени неуместно «прощать» тех, кто не достиг целевых значений и выплачивать им незаслуженное денежное вознаграждение. Еще будучи Министром экономического развития, Максим Орешкин поручал усилить контроль за исполнением ключевых показателей эффективности, так как, по его информации, многие топ-руководители сохранили годовые премии, несмотря на неудачное управление, не достигнув по итогам года целевых значений своих показателей результативности [3].

3. Типичные ошибки, возникающие при внедрении системы оплаты труда на основе использования показателей результативности деятельности чиновников

По мнению скептиков, сложность введения показателей результативности труда чиновников всех уровней связана с тем, что для большинства должностей результаты деятельности не поддаются оцифровке, а, следовательно, показатели результативности не могут быть установлены. К тому же масштабность, сложность и малая формализация деятельности руководителей органов государственной власти и их структурных подразделений также ставят под сомнение использование объективных показателей их труда. Однако практика развеивает подобные скептические мифы. Тем не менее риски и угрозы должны быть в полной мере учтены.

Внедрение современных мотивационных систем связано с разработкой ключевых показателей результативности деятельности (КПРД) служащих и лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, а они в свою очередь требуют постановки целей, что является уже прерогативой верхнего управленческого уровня. Поэтому нельзя реформу системы мотивации и оплаты труда возложить исключительно на кадровые и финансовые органы, в надежде, что после очередного повышения квалификации, они справятся с возложенной на них миссией. Только глубокая вовлеченность высшего руководства в это дело может обеспечить успех. Без личной заинтересованности и прямого участия первого руководителя организации затевать реформу бессмысленно — это ключевое звено проекта. Несбывшиеся надежды после неудачных попыток внедрения показателей результативности в отдельных органах власти, по мнению экспертов, чаще всего связаны с тем, что реформы начинались в органах власти по жесткому указанию сверху и воспринимались первыми руководителями как отвлекающая их от реальной работы затея. Как следствие, наблюдалось типичное для государственной бюрократии «отчетное внедрение». Но эмерджентное свойство системы может проявиться только тогда, когда все ее элементы и связи в наличии. При выпадении ключевого звена, положительных эффектов получить невозможно. В бизнес-структурах эта система, напротив, дает в большинстве случаев высокие результаты

именно потому, что инициаторами перемен становятся как раз первые руководители организации. Поэтому изначально обеспечивается их вовлеченность в процесс реформ.

Типичная ошибка при переходе к использованию КПРД — включение для должностного лица такого показателя, на который он влияет лишь косвенно или вообще не влияет. Это сразу разрушает всю систему мотивации. Более того, такой необоснованный показатель становится демотивирующим фактором. Все усилия команды изменения будут напрасны. Объяснение провала реформ, как правило сводится к тому, что новая система не оправдала ожиданий. Хотя, как правило, истинной причиной является неумелое ее внедрение. Поэтому команде внедрения уместно иметь правильно составленную матрицу ответственности для каждого руководителя и специалиста [14].

Некоторые организации пытаются сформулировать «интегрированные» КПРД, для достижения целевых значений которых недостаточно усилий конкретного сотрудника, а успех в большей степени зависит от коллег и партнеров. Однако при таком подходе возникают определенные трудности. Потом будет сложно принять решение о том, кого и в каких пропорциях поощрять или наказывать. Система вознаграждения руководителя или специалиста должна в максимально возможной степени зависеть от результатов его личных усилий. Оцениваемый служащий должен понимать, как выводится оценка результатов его деятельности и иметь открытый доступ к информации, позволяющий убедиться в том, что ему правильно определили размер денежного вознаграждения.

Корпус чиновников должен быть нацелен на решение социально значимых задач. Их труд должен улучшать качество жизни населения. Поэтому к участию в разработке показателей результативности руководителей регионов и муниципальных образований нужно привлекать независимых профессиональных экспертов, Окончательное их утверждение должно проходить при участии гражданского общества, призванного отстаивать частные и групповые интересы населения [9].

Для обеспечения объективности оценки чиновников нельзя допускать чтобы сам оцениваемый производил расчет достигнутых им индикативных значений КПРД. Этим должен заниматься независимый от него эксперт. Любые вскрытые факты фальсификации данных и расчетов должны немедленно пресекаться, а виновные в нарушениях лица строго наказываться.

Нужно учитывать, что в государственном и муниципальном управлении могут возникать ситуации, при которых целевые показатели не могут быть достигнуты даже при выдающемся уровне руководства по независящим и непредвиденным от людей обстоятельствам. Рассмотрим гипотетический пример. Предположим, что коронавирусная пандемия не позволила увеличить объем инвестиций в промышленность какого-либо региона и не удалось повысить реальные доходы населения до целевых значений, но регион при этом лучше соседей справился с вызовом как по медицинским, так и по экономическим показателям, благодаря энергичным и хорошо продуманным действиям руководства. Сохранены тысячи жизней, оказана поддержка бизнесу, созданы условия быстрого преодоления кризиса. Но это ведь не было предусмотрено в КПРД губернатора и членов его команды. Должны ли им «простить» тот факт, что индикативные значения ключевых показателей результативности не достигнуты? Здравый смысл подсказывает, что ранее предусмотренные бонусы по КПРД выплачиваться не должны. В то же время нужно оперативно принять решение на соответствующем уровне о материальном стимулировании должностных лиц за их высокопрофессиональные действия в кризисной ситуации. Все решения должны приниматься открыто, под контролем институтов гражданского общества.

Неприемлемо, когда разные показатели результативности взаимосвязаны или даже дублируют друг друга. Например, не стоит одновременно устанавливать Министру здравоохранения показатели «Снижение смертности в регионе» и «Снижение смертности в регионе от болезней сердечно-сосудистой системы», так как второй показатель существенным образом влияет на первый.

Не стоит внедрять в организации систему КПРД при отсутствии готовности к соответствующим изменениям организационной культуры. Для показателей результативности, как свидетельствует мировой и отечественный опыт, желательно доминирование «культура успеха» и гораздо менее подходит парадигма «культура правил» [21]. Но «культура правил» куда более органична для российских властных структур. Для многих органов публичной власти в нашей стране присущи традиции «ручного» управления процессами, практики еженедельных и ежедневных постановок и уточнений задач. Такой корпоративной культуре в принципе не подходит оплата и мотивация труда на основе ключевых показателей

результативности деятельности кадров. Поэтому, вступив на путь перемен, нужно параллельно менять и систему мотивации, и корпоративную культуру. Еще до начала перемен, нужно понять, до какой степени реформаторы готовы предоставить самостоятельность руководителям и специалистам в их продвижении к достижению целевых значений КПРД.

По мнению экспертов, не стоит допускать такую распространенную ошибку, как разработку для одного руководителя или специалиста слишком большого количества ключевых показателей результативности его деятельности. Неудачным признан опыт установления десяти, двадцати и более показателей для сотрудника. Если удельный вес показателей одинаков, то от каждого из 20 показателей зависит только 5 % вознаграждения. Это мало мотивирует работника. К тому же здесь практически невозможно расставить приоритеты. Если удельный вес одного из показателей будет выше, другие будут совсем теряться на его фоне. При таком подходе мотивировать чиновников крайне сложно. Считается, что оптимально устанавливать не более 5—7 показателей результативности для каждой должности, это позволит ввести для них систему весов (приоритетов) [6].

На практике некоторые руководители, получив задание разработать для подчиненных КПРД, обращают свой взор на должностные регламенты служащих. Как итог — все прописанные там обязанности трансформируются в КПРД. Это серьезная ошибка. Бонусы за текущую работу чиновник не должен получать. Для этого ему предусмотрена основная часть денежного содержания. Необходимо подобрать такой набор КПРД, который обеспечит интенцию сознания служащего на получение финального результата по процессу за который он отвечает или проекту, которым он руководит. Все это должно быть тесно привязано со стратегическими целями организации, а для руководителей регионов и муниципальных образований со стратегическими целями развития подконтрольных им территорий.

Другая крайность — попытаться ограничиться одним показателем результативности для конкретной должности. В этом случае фокус внимания сотрудника будет только на одном из направлений деятельности. Для руководителей — это практически всегда неприемлемо, так как у них много зон ответственности. Необходимо обеспечить баланс их усилий в разных областях деятельности.

Как отмечает Натела Черкащенко, финансовый директор компании Ralf Ringer, иногда переход на систему мотивации с использованием КПЭ становится причиной того, что сотрудники стремятся достичь целевых значений только этих показателей, упуская из поля зрения комплекс других задач. Н. Черкащенко в связи с этим даже высказывает мнение о том, что система КПЭ в ее российской версии дискредитировала себя. Тем не менее, опыт успешных внедрений этой системы всегда предполагает нахождение нужного баланса между разными сферами профессиональной деятельности руководителя или специалиста на основе правильно подобранного набора КПЭ и расстановки весов (приоритетов). Показателей должно быть не слишком много, чтобы не допустить расфокусировки мотивации кадров, но их все же должно быть достаточно, чтобы обеспечить баланс между разными направлениями деятельности должностного лица.

Нам удалось найти примеры, когда достаточно успешно использовались 1—2 показателя, например, для менеджеров по продажам. Но это скорее исключение. Для руководителей муниципальных образований и, тем более, регионов такое в принципе невозможно.

Еще одна ошибка с использованием КПрД связана с тем, что во многих организациях, после того, как сотрудник достиг предельных целевых значений по своим показателям и получил полагающийся ему бонус, руководители необоснованно поднимают ему значение КПрД. Тот же сотрудник к следующему периоду отчетности, несмотря на свое старание, не достигает новых для него значений КПрД и теряет веру в справедливость установленных правил. Так теряется мотивация [20]. В последствии приходится понижать целевые значения показателей результативности, но это далеко не сразу восстанавливает у людей потерянную мотивацию.

Другая крайность — занижение целевых значений показателей результативности (эффективности) сотрудников встречается на практике довольно редко. Тем не менее, отметим, что низкое значение КПрД легко достигается, но не мобилизует людей на достижение выдающихся результатов в своей профессиональной деятельности.

Заключение

Проводя наше исследование, мы пришли к глубокому убеждению, что внедрение новой системы мотивации и оплаты труда деятельности чиновников назрело. Размер по-

лучаемого ими денежного вознаграждения должен напрямую зависеть от результатов их деятельности. Мировой и отечественный опыт свидетельствует о том, что переход к использованию ключевых показателей результативности деятельности должностных лиц может обеспечить фокусировку мотивации чиновников на решении важнейших социальных и экономических задач регионов и муниципальных образований.

Имеющийся отрицательный опыт использования этой системы в органах власти не должен останавливать нас от движения в этом направлении. Нужно извлечь правильные выводы из прошлых неудач — их причины сейчас очевидны. Приходит понимание, что в органах власти неприемлема кампанейщина при переходе к использованию КПрД. Нужна кропотливая, вдумчивая работа по налаживанию новой системы. И тогда с высокой долей вероятности будет получен ожидаемый эффект.

Сейчас было бы неправильно отбросить накопленный опыт и научные разработки в области применения показателей результативности в государственном и муниципальном управлении. Впрочем, их использование по-прежнему предусмотрено федеральным законодательством. Нужно масштабировать удачные проекты по внедрению КПрД в органы публичной власти (в том числе адаптировать лучший опыт бизнес-структур), привлекать к обсуждению проблем экспертное сообщество, организовать обучение по этим вопросам руководителей и ключевых специалистов.

1. Аксютин Ю. В. Оценка труда государственных и муниципальных служащих в России и за рубежом // Современный город: власть, управление, экономика. 2014. Т. 1. С. 35—53.

2. Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А. Общественная оценка как инструмент измерения результативности деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих // Инноватика и экспертиза : науч. тр. 2019. № 1 (26). С. 49—59.

3. Безручко П. Максим Орешкин акцентировал внимание на KPI // Коммерсант. 2019. 10 июля.

4. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Ручкин А. В. Оценка эффективности деятельности государственных служащих // Управление консалтинг. 2016. № 4 (88). С. 14—26.

5. Воробьев И. КПД для руководителей: оценить эффективность легко и просто. URL: https://www.ecopsy.ru/insights/kpd-dlya-rukovoditeley-otsenit-effektivnost-legko-i-prosto/?sphrase_id=32893 (дата обращения: 28.05.2020).

6. Воробьев И. У кого длиннее галстук. URL: https://www.ecopsy.ru/insights/u-kogo-dlinnee-galstuk/?sphrase_id=32882 (дата обращения: 29.05.2020).

7. Воропанов В. А. Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 84—89.

8. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н. Оценка результативности и оплата труда по результатам: международный опыт // Общественные финансы. 2015. № 1 (31). С. 62—73.

9. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Эволюция взглядов на взаимосвязь гражданского общества и государства в истории политической мысли // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 19—30.

10. Крахмалов А. Н. Оценка эффективности труда муниципальных служащих // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 1 (34). С. 113—118.

11. Курганов Н. А. Оплата деятельности государственной гражданской службы по результату // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6 (20) : в 2 ч. Ч. II. Тамбов : Грамота, 2012. С. 117—120.

12. Лукин А. Н. Интенция сознания и духовная жизнь личности // Социум и власть. 2013. № 2 (40). С. 93—96.

13. Малахова О. В., Гарбузова Н. О. Основные подходы к оценке эффективности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3 (14). С. 65—71.

14. Оверчук Д. С. Формирование базиса расчета ежемесячного денежного поощрения государственным гражданским служащим Российской Федерации, субъектов Российской Федерации на основе метода декомпозиции целей и задач в зависимости от показателей эффективности их работы // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 2 (50). С. 88—94.

15. Орлов П. А., Андреев Я. Д. Противодействие коррупции как практика государства // Современное бизнес-пространство: актуальные проблемы и перспективы. 2014. № 2 (3). С. 18—22.

16. Подолян Е. А. Организация материального стимулирования муниципальных служащих с использованием инструментария оценки результативности труда // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 4. С. 64—73.

17. Розин М. Совместить интересы компании и работника // Фармперсонал. 2019. № 17. URL: https://www.ecopsy.ru/insights/sov-mestit-interesy-kompanii-i-rabotnika/?sphrase_id=32893 (дата обращения: 28.05.2020).

18. Романов С. В., Клич Н. Н., Решетникова Д. С. Опыт разработки системы показателей результативности деятельности гражданских служащих в Минфине России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 6 (28). С. 5—16.

19. Татаринова Л. Н. Оценка эффективности деятельности государственных гражданских служащих: коммуникативный дискурс // Человеческий капитал. 2015. № 8 (80). С. 66—70.

20. Финкельштейн Г. Нулевая эффективность: почему КПЭ не работают // HRTimes. 2017. № 31. URL: https://www.ecopsy.ru/insights/nulevaya-effektivnost-pochemu-krepe-rabotayut/?sphrase_id=32893 (дата обращения: 30.05.2020).

21. Финкельштейн Г. Почему в компаниях не работают модные управленческие методы и как сделать так, чтобы они начали работать // Ведомости. 2018. 17 янв. URL: https://www.vedomosti.ru/management/blogs/2018/01/18/748183-modnie-upravlencheskie-metodi?utm_campaign (дата обращения: 30.05.2020).

22. Dotsenko A., Belousova E., Bobrova E. FAS Russia best practice of measuring employees' professional performance in regional offices // Государственная служба. 2016. № 5 (103). С. 69—73.

References

1. Aksyutina YU.V. (2014) *Sovremennyy gorod: vlast', upravleniye, ekonomika*, vol. 1, pp. 35—53 [in Rus].

2. Babintsev V.P., Shapoval Zh.A. (2019) *Innovatika i ekspertiza: nauchnyye Trudy*, no. 1 (26), pp. 49—59 [in Rus].

3. Bezruchko P. *Kommersant*, 2019, July 10 [in Rus].

4. Vasil'yeva Ye.I., Zerchaninova T.Ye., Ruchkin A.V. (2016) *Upravlencheskiye konsul'tirovaniye*, no. 4 (88), pp. 14—26 [in Rus].

5. Vorob'yev Ivan (2019) *KPD dlya rukovoditeley: otsenit' effektivnost' legko i prosto*. Available at: <https://www.ecopsy.ru/insights/kpd-dlya-rukovoditeley-otsenit->

effektivnost-legko-i-prosto/?sphrase_id=32893, accessed 28.05.2020 [in Rus].

6. Vorob'yev Ivan (2019) U kogo dlinneye galstuk. Available at: https://www.ecopsy.ru/insights/u-kogo-dlinnee-galstuk/?sphrase_id=32882, accessed 29.05.2020 [in Rus].

7. Voropanov V.A. (2013) *Sotsium i vlast'*, no. 6 (44), pp. 84—89 [in Rus].

8. Dobrolyubova Ye.I., Yuzhakov V.N. (2015) *Obshchestvennyye finansy*, no. 1 (31), pp. 62—73 [in Rus].

9. Zyryanov S.G., Lukin A.N. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 19—30 [in Rus].

10. Krakhmalov A.N. (2013) *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*, no. 1 (34), pp. 113—118 [in Rus].

11. Kurganov N.A. (2012) Oplata deyatel'nosti gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby po rezul'tatu. Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. No. 6 (20): in 2 parts. Part II. Tambov, Gramota, pp. 117—120 [in Rus].

12. Lukin A.N. (2013) *Sotsium i vlast'*, no. 2 (40), pp. 93—96 [in Rus].

13. Malakhova O.V., Garbuzova N.O. (2014) *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, no. 3 (14), pp. 65—71 [in Rus].

14. Overchuk D.S. (2014) *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*, no. (50), pp. 88—94 [in Rus].

15. Orlov P.A., Andreyev YA.D. (2014) *Sovremennoye biznes-prostranstvo: aktual'nyye problemy i perspektivy*, no. 2 (3), pp. 18—22 [in Rus].

16. Podolyan Ye.A. (2018) *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya*, no. 4, pp. 64—73 [in Rus].

17. Rozin Mark (2019) Sovmestit' interesy kompanii i rabotnika [Elektronnyy resurs. *Farmpersonal*, no. 17, available at: https://www.ecopsy.ru/insights/sovmestit-interesy-kompanii-i-rabotnika/?sphrase_id=32893 (accessed 28.05.2020) [in Rus].

18. Romanov, S.V., Klishch N.N., Reshetnikova D.S. (2015) *Nauchno-issledovatel'skiy finansovyy institut. Finansovyy zhurnal*, no. 6 (28), pp. 5—16 [in Rus].

19. Tatarinova L.N. (2015) *Chelovecheskiy kapital*, no. 8 (80), pp. 66—70 [in Rus].

20. Finkel'shteyn G. (2017) *HRTimes*, no. 31. Available at: https://www.ecopsy.ru/insights/nulevaya-effektivnost-pochemu-kpene-rabotayut/?sphrase_id=32893, accessed 30.05.2020 [in Rus].

21. Finkel'shteyn Grigoriy (2018) *Vedomosti*, 2018, January 17. Available at: https://www.vedomosti.ru/management/blogs/2018/01/18/748183-modnie-upravlencheskie-metodi?utm_campaign, accessed 30.05.2020 [in Rus].

22. Dotsenko A., Belousova E., Bobrova E. (2016) *Gosudarstvennaya sluzhba*, no. 5 (103), pp. 69—73 [in Eng].

For citing: Lukin A.N., Voropanov V.A., Orlov P.A., Yatsun A.N. Using personnel key performance indicators in state and municipal service // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (87). P. 90—102. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-90-102.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-90-102

UDC 331.101.38

USING PERSONNEL KEY PERFORMANCE INDICATORS IN STATE AND MUNICIPAL SERVICE

Anatoly N. Lukin,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork for State and Municipal Service, Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26. E-mail: anlukin@mail.ru

Vitaly A. Voropanov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Head of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork for State and Municipal Service, Cand. Sc. (History), Associate Professor, The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26. E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Pavel A. Orlov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork for State and Municipal Service, Cand. Sc. (History), Associate Professor, The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26. E-mail: orlova1911@is74.ru

Andrey N. Yatsun,

LLC Investment company "Affordable housing", General Director. The Russian Federation, 454100, Chelyabinsk, Komsomolsky pr., 138, room 4.

Abstract

Introduction. The need for a transition to a new system of motivating state and municipal employees' activities has been widely discussed in recent years. Moreover, some government bodies have taken certain actions in this direction. But in general, there have not been any significant changes. The authors of the article are convinced that the transition to more effective management is impossible without changing the civil servants' remuneration system, which should motivate them to achieve significant results in the areas for which they are responsible. The paper considers the conceptual approach of transferring the civil servants' remuneration to a new system, shows the advantages of using performance indicators to stimulate the employees' activities.

The purpose of the article is to justify the reasonability of using performance indicators when remunerating state and municipal employees.

Methods. Within the framework of the systems approach, the authors use structural and functional analysis, as well as general scientific methods: abstraction, comparison, description and explanation.

Scientific novelty. The authors show possibilities of using the personnel performance indicators in the state and municipal service in order to increase their motivation for obtaining significant results in their work.

Results. The authors analyze the conditions for successful implementing the key personnel performance indicators in the state and municipal service, describe the typical mistakes militating the effectiveness of the personnel performance indicators in public authorities. The authors develop some recommendations to improve the use of the personnel performance indicators in the system of state and municipal administration.

Conclusions. The proper use of key performance indicators of state and municipal employees will significantly increase their motivation in order to achieve high efficiency in their work. At the same time, the personnel performance indicators must be balanced and matched taking into account the goals of the organization.

Key concepts:

motivation of activity, performance indicators, public service, municipal service, performance evaluation.

Для цитирования: Мальцев Я. В.
Этика Ю. М. Федорова как часть
тюменской этико-философской
исследовательской традиции // *Социум и власть*. 2021. № 1 (87). С. 103—115.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-103-115.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-103-115

УДК 17.03; 171; 111; 141.3

ЭТИКА Ю. М. ФЕДОРОВА КАК ЧАСТЬ ТЮМЕНСКОЙ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

Мальцев Ярослав Владимирович,
Тюменский государственный университет,
доцент кафедры новой истории
и мировой политики,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 625003,
г. Тюмень, ул. Володарского, 6.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com.

Аннотация

Введение. В российской философской традиции в настоящий момент довольно слабо рассматриваются отечественные философские концепции. Фактически нет освещения региональной специфики: проблематики, которая волновала и объединяла российских философов в границах той или иной темпорально-территориальной локальности.

Цель. Целью данной статьи является рассмотрение взглядов тюменского философа-этика Юрия Михайловича Федорова в контексте их актуальности в наши дни и в контексте непрерывной исследовательской традиции.

Методы. При написании статьи автор отталкивался от обязательных в таком случае методов герменевтики, а также использовал теорию исследовательских традиций Л. Лаудана, оптику М. Фуко и концепцию перманентной современности.

Научная новизна исследования. Статья конкретизирует взгляды Ю. М. Федорова посредством указанной методологии, рассматривая его работы в контексте длящейся философской традиции, при особом акценте на методах субъективации.

Результаты и выводы. По результатам аналитического чтения ключевой работы Ю.М. Федорова «Универсум морали» делается вывод, что концепция автора, сочетающая в себе черты идеализма, космизма, структурализма, семиотики и экзистенциализма, с некоторыми (обозначенными в статье) оговорками предлагает адекватную модель субъективации для человека XXI в.

Ключевые понятия:

Ю. М. Федоров,
перманентная современность,
этика,
исследовательская традиция,
субъективность,
космизм.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта 20-411-720003.

Основной проблемой космоцентризма является вопрос о том, каким образом осуществляется эволюция природы и какое место в этом объективном процессе занимает человек и не столько в качестве объекта, сколько в роли субъекта космогенеза.

Ю. М. Федоров. Универсум морали

Введение

В 2020 году на семинаре по философии, проводившемся в Тюменском государственном университете, студенты решали «задачу вагонетки», но взятую из реальной жизни (нападение террористов на редакцию Charlie Hebdo) и усложненную тем, что на условной второй ветке оказывался сам решающий задачу (студент) со своим (пусть гипотетическим) ребенком. Именно в такой ситуации в 7 января 2015 года очутилась сотрудница названной редакции Коринн Рей: под угрозой оружия террористы заставили ее ввести код, открывающий дверь, за которой находились ее коллеги. Коллег численно было больше. У коллег были близкие люди. С точки зрения утилитаризма К. Рей совершила абсолютно неэтичный поступок. Но с точки зрения студентов ее поступок был совершенно оправданным: они сами поступили бы так же.

Аргументацией для своей позиции студенты выбрали простое утверждение: «Если не я, то кто-то другой ввел бы этот код». Это не римский, не греческий поступок. Это размывание ответственности в большом обществе анонимности. В маленьком греко-римском обществе, где все друг друга знали, подобный поступок привел бы к несмыслаемому позору, с которым было бы сложно жить и смириться. В римские времена Ганнибал послал к римлянам гонцов из римских же пленных, взяв с последних клятву вернуться. Двое схитрили: как только вышли из лагеря карфагенского полководца, сразу вернулись обратно, словно что-то забыли. Таким образом, выйдя во второй раз и догнав товарищей, они посчитали себя освобожденными от клятвы. Их товарищи вернулись из Рима к Ганнибалу. Эти двое остались в Риме. Римляне не сказали им ни слова. Но вскоре оба покончили с собой не в силах вынести окружающее их презрение [6, с. 598].

Однако сегодня мы живем в больших городах, где легко затеряться в массе. Можно менять дом, улицу, город, страну. Сегодня нас не делает наше окружение. Сегодня нам не стыдно. И нет этики, которая бы что-то нам предписывала или регламентировала отношения между нами — мы жи-

вем в *безэтичном* мире: есть мораль, но нет этики. Ю. М. Федоров, заставший наше время «конца истории», эту мысль выразил в утверждении, что этика перестала «узнавать» свои эмпирические формы, а мораль окончательно деэтизировалась [15, с. 6]. И каждый, изолированный в собственных квартирах-коробках и связанный с другими преимущественно бюрократическими процедурами искусственного интеллекта, не ощущает никакой универсальной ответственности, т. к. не ощущает и поддержки. Атомизированное общество — не фаланга. Поэтому студенты правы. И права была Коринн Рей. И мы не можем решить ситуацию эпохи аэтики без очередного размышления о новых этических основаниях в огромном, перенаселенном и атомизированном мире.

С. Жижек указывает, что читать классику можно и нужно не столько прямо (и насколько нам доступно «прямое» чтение?), сколько посредством *воображаемого* чтения, т. е. через анахроническое измышление того, что написавший ответил бы на новые теории и вызовы [9, с. 25]. Именно в таком контексте (какие ответы этика Федорова может дать нам, чтобы мы могли справиться со стоящими перед нами сегодня вызовами?) интересно рассмотреть философию Ю. М. Федорова — тюменского философа, родившегося в г. Гудаута (Абхазия) 23 июля 1936 года и посвятившего свою философию поиску экзистенциальной онтологии субъективности.

Методы и материалы

Данная статья написана в рамках исследовательского гранта РФФИ, целью которого является актуализация и исследование тюменской этико-философской традиции, как мысли, противоположной современным асоциальным интеллектуальным явлениям: крайней индивидуализации, цинизму, политическому и религиозному экстремизму. Идея статьи (как и заявленное исследование в целом) исходит из факта малой представленности в современном отечественном философском исследовательском поле работ, которые бы занимались изучением региональных российских школ и традиций. Е. Н. Яркова провела небольшой анализ российского философского взгляда, опираясь на базу данных elibrary.ru: помимо философии Запада российским исследователям интересны национальные и религиозные философские традиции, а также те или иные философские парадигмы (к примеру, марксистская). Однако региональная философия представлена единично. Безусловно, такой

перекос взгляда отрицательно сказывается на развитии отечественной философской традиции и российской культуры, лишая ее собственных оснований. Если, как отмечает А. В. Павлов [14], особенностью европейской цивилизации является постепенность и последовательность ее развития, исходя из собственных оснований¹, особенностью цивилизации российской, к сожалению, часто оказывается изучение западной мысли (подчас по учебникам) и попытка на ее основе выстроить собственное здание, поэтому сверхзадачей отечественной мысли сегодня можно считать создание и актуализацию собственной культурной парадигмы. Целью данной статьи является обращение к отечественной и региональной мысли с попыткой определения ее места в современности и контемпоральности и в ряду общечеловеческого философского дискурса.

Методологически статья основывается, помимо важных в подобных исследованиях принципах герменевтики, на двух ключевых теориях. Прежде всего, это *теория исследовательских традиций* Л. Лаудана [21, с. 78—93], подразумевающая, с одной стороны, встроенность теории в более широкое общее поле предпосылок (*ex nihilo nihil*), с другой, указывающая на наличие у каждой исследовательской теории определенного метафизического и методологического динамично развивающегося ядра, образуемого особенностями лежащих в ее основе идей, постоянно детализируемых по ходу движения мысли. Важно, что с точки зрения Лаудана, исследовательская традиция способна к изменениям, адекватным вызовам, происходящим не только на ее периферии, но и затрагивающим ее центр. Если у И. Лакатоса и Т. Куна обязательно наличие определенного непоколебимого стержня в рамках вычлениваемой методологической парадигмы (фабрика Форда периода модерна, перенесенная в науку), то исследовательская традиция Лаудана подразумевает гибкость, даже текучесть (характеристика современности З. Бауманом [3]) в условиях темпоральности: акценты актуального социального взгляда и противоборство концепций внутри традиции ведет к ее перманентному преобразованию, оставляя адекватной моменту живущего в сейчас человека/исследователя и стоящим перед ним проблемам.

¹ Которые, кстати говоря, и призвана во многом конструировать, реконструировать и интерпретировать философия, чем объясняется роль философа в обществе, а философских факультетов в образовании, что часто игнорируется политическим истеблишментом: философ — фигура суверенитета и того, что сегодня называют «мягкой силой».

Так, например, психоанализ Фрейда меняется под воздействием подходов К. Юнга, А. Адлера, Ж. Лакан, С. Грофа, Ю. Кристевой и других аналитиков, оставаясь психоанализом. При этом, по мысли Лаудана, исследовательская традиция тем ценнее, чем большее число концептуальных и эмпирических проблем она способна решить.

Подобное обозначение исследовательской традиции (акцент на ее складывании и эволюции посредством диалога при обусловленной темпоральностью динамике) отсылает ко второму, используемому при написании статьи методологическому подходу: *перманентной современности*, понимаемой в качестве ситуации, в которой разворачивается бытие человека человеком. В общем, перманентная современность — это *рефлексия человеком собственных оснований, собственной проблемности и собственной проективности в диалоге с другими людьми, представляющими собой cogito и располагающимися в объемной проекции пространства-времени*. То есть в русле перманентной современности субъект, как мыслящее Я, взаимодействует с мыслями других субъектов (живших и живущих), получая от них интеллектуальную традицию и обратную связь. А. В. Павлов подобную ситуацию современности обозначал через дефиницию Я-субъективности [12; 13]. В результате складывающегося диалога субъектов появляется та или иная культурная ситуация, частью которой могут служить исследовательские традиции. Перманентная современность, как и концепция исследовательских традиций, подразумевает непрерывность (укорененную в мыслящем и передающим мысль от одного познающего ума другому), изменчивость (в ответ на постоянную рябь вызовов) и диалог. Перманентная современность подразумевает, что современность — ситуация пребывания человека *со и во* времени текущего момента: человек пребывает *со* временем, поскольку жив; является *современником*, поскольку жив параллельно живущим в одномоментности; при этом человек ощущает не только время физическое, выражаемое в морщинах, но и время культурное/социальное, улавливая объясняющие универсум смыслы. Важным тут оказывается то, что смыслы, высказанные гигантами в прошлом, актуализируются теми, кто взбирается им на плечи, прочитываясь как животрепещущие. Благодаря этому Аристотель становится нашим современником и всегда жив. Благодаря этой передаче и актуализации мысли от субъекта к субъекту через время и во времени современность

становится перманентной. Благодаря этому культура становится динамичной. И эта же ситуация актуализирует вопросы о субъективности и этике.

Итак, данная статья призвана акцентировать внимание читателя на российской и тюменской (региональной) философской традиции, способствуя изучению и актуализации своеобразности отечественной культуры при учете общемирового контекста. Нужно сказать, что тюменская этико-философская традиция формировалась в условиях несколько отличных от тех, в которых происходило развитие философской мысли европейской России в советский период. Если для европейской части страны было в целом характерным ощущение устоявшихся культурных паттернов, то осваиваемая Тюменская область представляла собой динамичный регион, куда, как в свое время в Рим, съезжались все слои общества в поисках счастья. Север региона состоял из людей, либо прибывших ради прибыли, либо сосланных туда насильно. Это был плавильный котел, в котором остро звучал вопрос совместного общежития, так что даже официальная идеология предпочитала не вмешиваться в попытки тюменских интеллектуалов предложить теоретические модели сосуществования. Отсюда происходит акцентирование тюменской философской школы именно на этических вопросах и ее обращение к проблемам тюменского Севера. Ф. А. Селиванов, Н. Д. Зотов, В. И. Бакштановский, М. Г. Ганопольский и Ю. М. Федоров исследовали Север в качестве некоего предела индустриальной цивилизации, где сходились все ее крайности и актуализировался вопрос этического как вопрос исключительно прикладной, как проблема деятельностных императивов, могущих вывести индустриализм из его тупиков, придав ему человеческие ценности. Принимая во внимание обширность темы, предлагаемая вниманию читателя статья сосредоточена вокруг одного из крупнейших и ярчайших тюменских философов-этиков — Юрии Михайловиче Федорове — и его труда «Универсум морали», являющегося квинтэссенцией его теоретических размышлений. При этом в статье преследуется цель проследить исследовательскую традицию, в которой работал Ю. М. Федоров, показав, как его наследие может быть прочитано сегодня: встроено в сегодняшнюю полемику и задействовано в текущей культурной ситуации.

Результаты и обсуждение

С. Жижек как-то отметил, что люди должны терроризироваться не тайной полицией, а текстами, которые они не понимают. Например, гегелевской «Наукой логики»¹. Гегель умел «терроризировать» своими текстами вполне успешно (хотя для разнобразия мог писать и удивительно ясно). Как-то он поставил вопрос: «Какова структура мира как моральной сущности?» [7, с. 211]. Ю. М. Федоров, российский «террорист» из мира текстов, попытался ответить.

Ю. М. Федоров оказался свидетелем того, что Ф. Фукуяма назвал «концом истории»: распада Советского Союза, а вместе с ним мирового миропорядка, существовавшего около 70 лет и организовывавшего не только политические отношения государств, но и межчеловеческие отношения. Юрий Михайлович застал период крушения космоса. И он стал свидетелем разрыва. На его глазах рушился советский модерн. Один экран, защищающий нас от Реального и интерпретирующий Символическое (как С. Жижек определяет идеологию) менялся другим, а в промежутке, в антракте людей засасывали жуткие «интересные времена»: пространство межцивилизационной эпохи [14].

Юрий Михайлович не только жил в этот «интересный» период, но и выполнял свой долг философа: пытался, по Гегелю, *схватить в мысли свое время*. Удивительно ли, что в ситуации кризиса и крушения Символического, в ситуации, когда советский вариант взгляда Большого Другого, участвующего в формировании Я, менялся на другой (или ликвидировался полностью, или распадался на локальности: религиозные, этнические, групповые) Федорова, как и других философов до него в подобных же обстоятельствах хаоса: стоиков, эпикурейцев, киников, — интересовала этика?

Этика, которая расходилась с моралью. Федоров метко ухватил главное: в России 1990 годов образовалась социальная и культурная ситуация, которую я бы обозначил как *ситуацию азтичного общества* — общества, в котором мы живем сегодня, которое является социальным измерением и одной из характеристик темпоральности XXI в. Юрий Михайлович, разделяя этику (как широкую теорию) и мораль (как практическую философию), указывал на образовавшийся

¹ Глухова В., Савинов К. Славой Жижек: «Дети — самые злоеющие существа на земле». URL: <http://w-o-s.ru/article/3398> (дата обращения: 11.01.2021).

между ними разрыв, в котором они перестали узнавать друг друга.

Ю. М. Федоров начал свой труд «Универсум морали» с четкого обоснования своей методологической позиции: в основе этики находится субъект как моральный актор и вне субъекта не существует морали. Следовательно, не существует и этики вне субъекта. Он сразу обозначает всю слабость советской тоталитарной этики: при игнорировании человека она сводилась к объективированной, десубъективированной теории, воспринимающей человека лишь как некое машинизированное сознание, производящее операции отображения, воспроизведения и категоризации внешней среды, то есть фактически лишенной онтологии. А потому обреченной [15, с. 6].

Федоров отмечал, что в объективированном советском подходе к философии совершенно излишними становились категории субъекта, культуры, морали, души [15, с. 8] — т. е. фактически все понятия, которые мы связываем с человеком и человечностью, все феномены, превращающие мир киборгов в мир живых человеческих индивидов (К. Маркс). Все живое и настоящее оказывалось вытеснено из советской философской мысли вместе с игнорируемым субъектом: субъект был опасен для советского тоталитарного государства, т. к. субъект всегда независим и девиантен относительно любого существующего диктата: субъект опирается на собственное *cogito*, а не на внешние авторитеты. И любого рода иерархии, с точки зрения субъекта, должны быть обоснованы и безжалостно демонтированы, если такого обоснования получить не удастся.

Федоров, опираясь на традиции российской философии, в частности на Н. А. Бердяева и космистов, отмечал, что признание роли и значения субъекта в структуре универсума сразу же «оживляет» последний, придавая ему онтологический статус: субъект оказывается производящим мораль, а мораль, по Федорову, является *фундаментальной основой бытия, структурирующей мир* [15, с. 9]. Федоров интересовался субъективацией и субъектностью/субъективностью. Вероятно, это было некоторой формой противоядия. Он критиковал советский марксизм-ленинизм за безжалостную объективацию человека. Синергетику — за недостаточный учет роли субъекта в онтологии сущего [15, с. 9—10]. Его интересовал человек как субъект «всеобщего креативного процесса, определенным образом влияющий даже на космогенез» [15, с. 10].

Удивительно, как человек, получивший базовое военное образование (Юрий Михайлович окончил Омское высшее общевойсковое командное училище в 1960 году), воспитанный в парадигмах советской социальной мысли и марксистско-ленинского философского дискурса, т. е. приобретший, казалось, бы мощнейшую прививку асубъективности, призывал по-кантовски провозгласить человека и предпосылкой, и целью философии, клеймя официальную советскую мысль (хотя мы понимаем, что такой мысли не бывает, что марксизм-ленинизм — уже не мысль, а схоластика) как самую «ложную из когда-либо существовавших», «самую репрессивную, открыто апологетизировавшую сверхнасилие над человеком» [15, с. 10]. Сюда же Федоров относил сциентизм и позитивизм, в том числе в его атлантической аналитической разновидности.

Юрий Михайлович обращался к мифу, к истокам, к живому человеческому сознанию, стремясь ухватить его пульсацию. Он отрецивается даже от использования дефиниции «система» [15, с. 11], настолько ему претило растворение человека в жестких структурах. Вместо этого он предпочитал «универсум» как совокупность множества свободных элементов, схваченных в своей многоплановой, многообразной, полиморфной целостности [15, с. 11—12].

Свою полемику Федоров разворачивал с современниками, живущими на темпоральной горизонтали: например, с В. Б. Ольшанским (отталкиваясь от его модели семантического пространства: дескриптивных (описательных), прескриптивных (предписательных) и эвалюативных (эталонных) значений¹); и с современниками, находящимися на темпоральной вертикали: И. Кантом (используя его этику долга), Н. Бердяевым (основываясь на его обосновании человеческой свободы), Вл. Соловьевым (используя его апологию добра), В. И. Вернадским (взяв понятие ноосферы); а своей целью видел построение сложной

¹ «Дескриптивные (описательные) значения — это такие суждения, которые раскрывают закономерности объективного мира. Они составляют основной каркас понятий конкретных наук.

Прескриптивные (предписательные) значения в своей совокупности составляют социальные нормы. Это своеобразные правила и модели поведения, вырабатываемые в общностях и призванные регулировать совместную деятельность людей. Эвалюативные значения — это эталонная система, называемая ценностями, с которыми человек соотносит, а следовательно, и оценивает все другие значения» [15, с. 18].

этики, основанной на онтологическом статусе субъекта для всей Вселенной.

При этом, однако, Федоров разграничил онтологию морального субъекта и моральную структуру бытия [15, с. 9], придавая последней трансцендентный статус.

Прежде всего что представляет собой универсум у Юрия Михайловича?

Универсум — это знак.

Вернее, символ. Символ является основой *семантического* устройства бытия, образованного посредством двух Больших взрывов: взрыва материального рождения космоса и взрыва Логоса, отвечающего за преобразования Хаоса в Гармонию, представляющую собой соотносимость и иерархию Рода (человечество, нормы, эвалюативные значения), Социума (ценности, прескриптивные значения) и Природы (знания, дескриптивные значения) [15, с. 18—20]. Символ содержит в себе всю распаковывающуюся семантическую структуру универсума. Символ как бы являет себя, обозначая некие тектонические и фундаментальные основания культуры. Это первознак. Это связь Рода (человечества и человека) с бытием. Используя Хайдеггера, можно сказать, что символ у Федорова — способ бытия говорить с человечеством. Или же (что одно и то же в итоге) — зашифрованная истина бытия (языком А. Бадью).

Именно символ воспринимается мифологическим и религиозным мышлением, содержащими, таким образом, некий исходный семантический код той или иной культуры. Разрыв этого кода посредством искусственного, посредством волевого решения, предписывающего новые, неукорененные в культуре нормы, приводит к хаосу и коллапсу. Что, по мысли Юрия Михайловича, и произошло в советской России [15, с. 22].

Символ для Федорова — ключевая онтологическая фигура, связывающая Род (человека, человечество) с космосом [15, с. 24—26]. Символ открыт для интерпретаций и познания. Юрий Михайлович очень поэтично говорил о символе и его роли в универсуме: «Символы — это трансцендентные значения, фиксирующие собой систему связей и отношений между человеческим и космическим универсумами. Они выражают целостность ноосферы, в рамках которой достигается органический синтез человеческого и космического универсумов в единую антропокосмическую целостность. Символ — это пирамида, в которой хранятся смыслы Логоса» [15, с. 25]. На основе расшифровки человеком и человечеством трансцендентных символов возникают

ценности, регламентирующие межличностное взаимодействие: «Ценности — эвалюативные значения, фиксирующие систему связей человека с другим человеком и составляющие основу их события» [15, с. 25].

Своей категорией символа Федоров напоминает погону Лакана за регистром Реального. Напоминает структуралистов, которые на место Бога стремятся разместить Код. Или Канта, который, как известно, изгнав Бога в дверь, впустил его в окно. В конечном счете, Декарта: при всей логичности и рациональности картезианства, сам Картезий оказался не в силах отказаться от априорности существования некоего Абсолюта.

Итак, для Юрия Михайловича символ — категория привязки человечества к общему бытию, к космическому миропорядку, к универсуму. Дальше проще: ценности образуют связность человека с человеком, создавая латентный фон восприятия истины: абсолютных императивов, которые «инстинктивно» прозревает и чувствует каждый человек. Когда люди выступают на площади (я сейчас обращаюсь к концепциям А. Бадью¹), они соприкасаются с истиной, зафиксированной именно в подобной эвалюативной семантике.

Нормы, по мысли Федорова, обуславливают частные отношения человека с человеком: «служат средством “пристегивания” человека к “социальной колеснице”» [15, с. 26]. Иными словами, нормы образуют Символический регистр социального поля и делают возможным общение человека с человеком в рамках одной площадки.

Наконец, знания позволяют человеку познавать внешний мир. Таким образом человеческое познание связано с четырехмерной моделью внешнего универсума: космической неявленностью и трансцендентностью, родовой истиной человечества, интерсубъективностью и познанием природы. И в той или иной степени человек причастен ко всем четырем кластерам, оказываясь при этом в определенной степени связующим звеном между природным и космическим универсумами: участвуя, благодаря собственному творчеству, в «распаковке» семантического континуума через практики трансцендирования, актуализации, социализации и дескриптивизации [15, с. 31].

В результате, по мысли Федорова, моральный универсум представляет собой феномен, изначально присущий бытию, но

¹ Бадью А. Восточный ветер сбивает западную спесь. URL: <https://www.strategium.ru/forum/topic/12090-vostochniy-veter-sbivaet-zapadnyuyespes> (дата обращения: 11.01.2021).

«свернутый» в нем в виде «семантического вакуума» (непроявленного «семантического поля» [11, с. 111—112]) и разворачиваемый благодаря креативной деятельности человека, достраивающего космос до ноосферы, созидającego собственную экзистенцию и включающего природу в измерение культуры [15, с. 31].

Итак, по Федорову, мы имеем дело с бытием (Абсолютом), содержащим сверток морали (дескриптивные, прескриптивные, эвалюативные универсумы), семантически являющий себя человеку через символы и человеком же оживляемый. Такова роль субъекта. Таково соотношение субъекта с Космосом. А между «читающим» символы Космоса субъектом раскрываются Человек (как экзистенциальный проект), Общество (как отношения людей), Наука (как познание) и Природа (как субъективированная объективность). Федоров оперирует множеством универсумов (мирозданием), связанных между собой подобно матрешке, но в каждом конкретном случае имеющих под собой основание в виде человеческой субъективности.

В этой стройной и интересной схеме не совсем понятным остается некое умножение сущностей: Абсолют, содержащий семантический сверток, эманацией которого образуются низшие формы данного человеку мира (или данного миру человека). Не понятно, откуда берутся (да, собственно, и в чем их необходимость) космические сущностные силы Человека. Но здесь, видимо, Федоров находится в русле некоего аналога религии — попытке структуралистов, по замечанию У. Эко [19, с. 15—16] обнаружить Пра-Код, благодаря которому складывается общий социальный пасьянс. Федоров в этом отношении остается не столько религиозным философом, как некоторые его определяют, сколько классическим структуралистом. Хотя, конечно, за любым структуралистом стоит платоновская традиция идеального. А за Федоровым еще и космизм К. Э. Циолковского и религиозная философия П. А. Флоренского.

Однако в рамках данной статьи главное понять, что может сказать нам Ю. М. Федоров сегодня о нас и о мироздании: как его сложная четырехчастная миросистема связана с нашим единичным уникальным бытием и как помогает нам состояться в качестве личностей? Иными словами, нас интересует, как концепция Юрия Михайловича связана с нашей собственной субъективацией и с нашим бытием в мире.

Прежде всего Федоров призывает нас мыслить себя частью универсального кос-

мического порядка, в котором связь макрокосмоса и микрокосмоса настолько плотная, что имеет возможность смещаться, меняться местами и зачастую (если не обращаться к генезису, но смотреть из наличной данности) их иерархия становится непонятной: безусловно, что человек — часть космоса и результат креативности космических сил, но и космос — вписан в человека, как часть его семантического мира. Человек таким образом воспринимается как часть общего миропорядка, но часть творческая, активная, революционная, равная Космосу, потому что, собственно, человек является смыслом Космоса, а Космос — смыслом человека [15, с. 45—52]. Как часть космоса человек глобален и бесценен. Как часть Космоса, постоянно стремящаяся выйти за свои пределы, человек должен быть достойным космоса при разворачивании своей личной и социальной истории. Потому что как часть Космоса человек вписан в нечто бесконечное, глобальное и Возвышенное. И сам являет собой такую же феноменологическую сущность.

Как часть Рода человек обращен к человеку: «Ось вселенной» проходит через отношения «человек — человек» [15, с. 53]. Человек не является единичным, не обладает целостным бытием и не обладает универсальной ответственностью, но формируется и реализуется в со-бытии, в существовании с другими, в интересности Я-Ты. Если в своем поиске абсолютного Федоров обращался к космизму, то размышляя об антропологизме, он оказывается в русле экзистенциальной и психоаналитической традиции, не признающей формирование человека без взгляда и ответа Другого [20, с. 14—15]. Он поясняет, что Я невозможно без альтюссерсовского оклика Ты и без укорененности в Мы, образуемого как диалектикой Я и Ты внутри личности, так и диалогом Я и Другого.

Именно эта связка Я с Я образует Человеческий Универсум, являющий собой человеческую мощь. Именно человечество как Род, с точки зрения Федорова, обладает Знанием. Знание не в состоянии вместить один ум: оно рассредоточено по множеству умов, а потому интерперсонально и интересности. Человек складывается и действует в диалоге. Человек обретает себя благодаря диалогу [15, с. 54—56].

Нужно сказать, что это признание роли диалога делает избыточным космизм Федорова. Потому как, помимо своих весьма фривольных отношений с научными метафорами, этот космизм тут же упирается в

трезвое утверждение автора: «Первооснову человеческого существования составляет не протобытие микрокосмов, а **событие** — совместное бытие человека с другим человеком, как суверенных и целостных субъектов» [15, с. 54]. Таким образом, сам Федоров, вводя космос в качестве точки отсчета, тут же отрекается от нее, когда речь заходит о практике и конкретности человеческого бытия, условиях формирования и действия Я. Можно сколько угодно говорить о космосе, но, как только перед нами встают вопросы реальности, мы тут же упираемся в человека. Сам Федоров пишет: «Мораль укоренена не во внешних по отношению к человеческому “Я” структурах, а в нём самом» [15, с. 56]. Но если мораль в универсуме морали исходит из человека и существует для человека, то зачем Космос? То, что человек является частью Космоса — факт, но что представляет собой космос помимо космоса? Федоров отчаянно хочет наделить Космос неким метафизическим онтологическим статусом, но при этом его собственные рассуждения в этой попытке оказываются слишком абстрактными и туманными в отличие от ясности и конкретности его описания межсубъектных отношений и их онтологического статуса. Кажется, даже в самой иерархии Федоров допускает ошибку: от высшего к низшему он ставит человеческий микрокосм сразу после космического макрокосмоса, но эмпирически мы вряд ли можем сказать, что человек равен микрокосмосу без долгого intersubjectивного диалога и следования тому, что Фуко обозначил термином «практики себя». Человек как биологическая сущность не микрокосм, а животное, пусть и наделенное наиболее сложными и совершенным (насколько мы знаем и думаем) сознанием.

Вместе с тем развиваемые Федоровым традиции вписанности человека в более широкое поле Космоса и intersubjectивности, с одной стороны, коррелируют с современной философией экологии, призывами к осознанному потреблению, странными форматами нью-эйджа и теориями взаимозависимости А. Шюца [18], с другой, кажутся абсолютно востребованными при той постановке проблемы аэтики, которая была затронута в начале данной статьи: Федоров призывает нас отказаться от эгоизма и партикуляризма, но мыслить себя важной составляющей устремленного за свои пределы, варибельного и возвышенного целого, чьи горизонты и возможности ограничены только собственным нежеланием объединиться и заглянуть за границы

сегодняшнего, а может и завтрашнего дня. Федоров по-своему говорит нам о том, что истина и возможность — дело коллектива. Человечество, как целое, несет ответственность за общее, а человек, как часть, — за единичность и множественность: «Свободный человек относится к миру с нравственной ответственностью как к своему органическому космическому телу» [15, с. 107]

Через апелляцию к Космосу и intersubjectивности, где *каждый нужен каждому* и все вместе *часть целого*, Федоров призывает нас осмысленно подходить к нашему социальному действию, потому как социальное бытие — это бесконечность отчуждаемых от человека ролей, функций и позиций, фетишизированных в ложных общностях социальных институтов, камуфлирующих от человека истину: его протобытие (связь с Космосом) и со-бытие, как истина существования, ускользают от взгляда под «дурной бесконечностью» социальных симулякров [15, с. 57—58]. С. Жижек, когда говорит об идеологии и истинном положении дел: диктатуре капитализма под глянцевыми обложками, — любит приводить пример с фильмом «Чужие среди нас» (Дж. Карпентер, 1988), где главный герой получает в свои руки очки, показывающие «истинную» семантику рекламы: под внешним обещанием сладкой жизни скрывается предписание: «Подчиняйся!» Федоров не мыслит в русле подобного критического, почти жаргонного марксизма. По его мысли реальность не в том, что за внешним лоском социального скрыты дисциплинирующие и диктаторские механизмы. По Федорову проблема человечества глубже: под рутинной социального человек теряет себя и ощущение своей причастности чему-то более глобальному, более целому, более трансцендентному и истинному, чем он сам — Роду и Космосу. В социальной рутине человек лишается ощущения целостности бытия, в котором все элементы взаимосвязаны и сам человек является частью этой взаимосвязи, причастной всему и связанной со всем. Человек объективируется, оказывается в ситуации расщепления, расстранствования и расчеловечения [15, с. 58]. Собственно говоря, произведения Кафки — яркая метафора такого расчеловечения и погружения человека в искусственность социального механизма. И борьба с этим расчеловеченным положением человека — важный призыв, который оставляет нам Ю. М. Федоров.

Иными словами, в своей философии Юрий Михайлович стремится вернуть человека к его истинным субъективным

корням: «Социальный субъект — это такая форма человеческой субъективности, чья антропная валентность стремится к нулю, социетальная — к бесконечности» [15, с. 61]. И именно это внимание к субъективности делает философию Федорова не только частью российской философской традиции, но и частью континентальной философии в целом, где так или иначе вся философская традиция разворачивается вокруг онтологического и гносеологического статуса субъективности.

С точки зрения Федорова субъективная природа человека проявляется только в связи с его привязкой к человечеству как к Роду. Именно в поле межчеловеческих отношений мы получаем целостное и самоактуализирующееся развитие, оказываясь в границах настоящей культуры. Природа объективирует человека. Социум превращает целостность человека в отчужденную частность. И именно то, насколько человеку удастся восстановить в себе самом связь с протобытием, с целостностью Космоса, Рода, Социума и Природы, оказывается решающим фактором для формирования, по мысли Федорова, человека в качестве морального субъекта и единственное способно уберечь человечество от катастрофы [15, с. 68—69].

Универсум морали Федорова сложен: он включает в себя последовательно семантически завернутые друг в друга слои: социетальный (доступный эмпирическому наблюдению; тот, с которым «работает» позитивизм; с которым каждый человек сталкивается на практике), антропный (присущий человечеству) и трансцендентный (связанный с Абсолютом). «Низшими и мощными формами морали являются социетальные, то есть парадигма долга и парадигма блага. Высшими и слабыми — гуманистическая (парадигма добра) и космологическая (парадигма свободы) формы морали» [15, с. 94].

На сопричастности Человека к Космосу и постепенному восхождению Человека к Космосу (а также на изначальноном «снизождении» Космоса в человека) Федоров выстраивает свою, по-своему элегантную, мораль: «нравственно все то, что способствует коэволюции Человека и Космоса в органическую и универсальную целостность — ноосферу» [15, с. 110]. И далее: «Человек свободный относится к “внешнему миру” как к своему собственному космическому телу, являющемуся носителем его духа. Он творит внешний мир, как внешний мир творит его, так как оба лишь стороны

единого всеобщего креативного процесса» [15, с. 115]. Как же разворачивается эта связь Космоса и Человека? Как Текст. Как текст, который в качестве Символа (менталитета; способности Человека к речи как таковой¹) возникает в человеческой речи, особенно в акте творчества. Федоров был поэтом. Поэтам, писателям, художникам как никому другому удается прочувствовать эту тонкую связь между человеком и чем-то вне человека, человеком и космосом, человеком и бытием: «Бытие есть не только нечто логическое или то, что можно помыслить, но и то, что иррационально переживаемо» [17, с. 124]. Юрий Михайлович чувствовал это отношение с бытием; он схватывал возникновение творчества из ниоткуда: когда готовый текст как бы «спускается» в нас и нужно только успеть его зафиксировать: «Светом трансцендирования, интуицией обнаруживаются еще не проявленные человеческой исторической практикой ментальности. Искусство, особенно поэтическое творчество, ибо оно имеет дело с целостным словом, задолго до научной рефлексии «схватывает» и обобщает идею грядущих событий» [15, с. 132—133]. Именно в этом проявляется федоровское Слово-Символ, *трансцендирование во-внутрь*, когда в акте творчества человеку приоткрывается нечто.

Итак, в начале этики Космос.

Космос, объявляющий о себе через Символ как способность к Слову, подразумевающую творчество. Акт творчества — момент расшифровки Символа.

Из расшифровки Символа рождается ценность. Слово-ценность. Оно регулирует отношения между человеком и человеком как акт добра. Здесь происходит *со-бытие* и *со-Знание* (в обоих случаях курсив и дефисы мои, Федоров так не выделяет — *Я. М.*) людей как Рода. И только вне этих связей существуют Слово-норма и Слово-знание — семантика социальной организации и физических законов природы [15, с. 127]. В этой концепции человек необходим Космосу как то надприродное, что единственное может постигать сам Космос. Человек — духовный инвариант Вселенной» [15, с. 117]. Человек не только *воспринимает* Космос, но и *обогащает* его своими личными смыслами

Итак, Космос трансцендирует себя во-внутрь — в микрокосм человека, а человек себя — во-вне: в Космос. Информация, ко-

¹ Эта мысль Федорова интересным образом соприкасается с версией лингвиста Н. Хомского о том, что лингвистические структуры у человека как бы врожденные и что, если предположить существование Бога и Его желание создать человека, то Он создал бы его именно таким образом [16, с. 11].

торую накапливает наш мозг (эмоции, мысли) передается в Космос и таким образом человечество ответственно за космогенез [15, с. 130].

Однако, пожалуй, основным вопросом в рамках предлагаемой моральной системы — дуализм Космоса-микрокосмоса как прочтение текстов через обмен ими и в результате совместный космогенез: как стать моральным субъектом? Ключевым здесь становится трансцендентное и трансонтологическое понятие свободы. Свобода — часть протобытия. Космос разворачивается в пределах свободы. Человек существует в пределах свободы. И человек обладает свободой — это его неотчуждаемое и имманентное свойство. В процессе субъективации человека нельзя освободить (целенаправленно субъективировать; заставить быть свободным); он должен сам осознать свою свободу. Ключом к свободе (и к Космосу) является добро: «Лишь тот вид творимого людьми добра является подлинно нравственным, который способствует субъектам более активно самотрансцендироваться, самостоятельно превращаться в подлинны моральные субъекты» [15, с. 135]. Совершение доброго поступка (ради него самого, а не ради награды) — императивный акт субъективации. Добро является категорическим императивом федоровской концепции морали. Оно отличается от долга и блага, т. к. в добро не вписано и не может быть вписано насилие. Добро — акт установления общности между человеком и человечеством, человеком и Космосом. Сущность добра человек постигает интуитивно. Творчество позволяет человечеству расшифровать космическую семантику добра и установить парадигму добра в качестве общечеловеческих ценностей: совесть = со-весть = совместная интенция Я и Ты о том добром, что связывает их в общность [15, с. 160—162].

Добро тесно связано с любовью. Любовь — то, что Бадью назовет процедурой истины¹, — особая онтология человеческого бытия, придающая целостность и универсальность человечеству [15, с. 170]. Говоря языком А. Бадью (он яснее, но мысль общая у обоих): любовь превращает Единицу в Двоицу; это деление мира на двоих [1, с. 53] (и более). Любовь, как практика

¹ Местами у Федорова и Бадью, столь разнесенных территориально, культурно и в рамках философских традиций людей, встречаются удивительно общие пассажи: бытие как нечто трансцендентное и сущее, любовь и искусство (эрос и поэма) в качестве процедур схватывания голоса бытия.

субъективации, воспитание в себе чувства любви, призвана скрепить разнородность «человек-человек» в общность человечества (Рода), где основой коммуникации станет добро. Через любовь Я признает свое подобие и равенство с Ты, а также именно в Другом видит свою несущественную онтологию. Любовь — чувство несуществования Я без Другого [15, с. 170].

Третьим шагом субъективации является «освобождение от внешних благ» [15, с. 141], подразумевающее отказ человека от вечности мира сего и сосредоточении только на том, чем он обладает в качестве человека. «Все свое ношу с собой», — говорил греческий мудрец Биант. И осознание себя не привязанным ни к чему в мире, кроме самого себя — важная ступень к свободе: человек существует и свободен «для» чего-то, а не «от» чего-то.

Главным же шагом субъективации является, пожалуй, согласно Федорову, творчество. Творчество — процесс, присущий космическому: как макро-, так и микрокосмосу. Творчество основано на свободе: и то, и другое взаимно невозможно друг без друга. Именно в творчестве создается (и познается) моральный универсум. Человек должен быть занят перманентным сотворением себя, постоянным поиском и переосмыслением своих нравственных оснований. «Из пассивного объекта идеологических воздействий человек превращается в подлинного морального субъекта, актуализирующего Себя в Человечество и трансцендирующего Себя в Абсолют» [15, с. 351]. Именно творчество ведет к освобождению человека от лжеценностей социальных систем и является инструментом созидания культуры.

Заключение

Итак, мы можем по-разному относиться к концептуальным построениям Ю. М. Федорова. Он исходит из априорности креационизма и существования ноосферы. Я лично усматриваю в двух последних слоях излишнюю аксиоматичность и идеализацию; нарушение оккамовской рациональности: путь человеческой истории, как Рода, — скорее «этюд в багровых тонах», чем взаимопонимание, и утверждение Лакана, что наслаждение Другого нас скорее раздражает, чем вдохновляет и развлекает кажется мне более близким к истине, чем апелляция Федорова к некоей сверхобщности. Этологи говорят нам об агрессии, конкуренции и доминировании, а не о мире [8]. Мне кажется,

Юрию Михайловичу следовало бы сначала доказать, что добро есть качество Рода. И что Абсолют существует. Мне кажется: допустимо говорить о том, что возможно существование чего-то вне рационального, что бытие есть что-то иррациональное, что «бытие мыслит» (А. Бадью), но слишком смело говорить об этом априорно. Федоров же принимает моральность космоса за априорную данность. И тем не менее, даже если обратить ситуацию: думать не о том, что эволюция есть эманация от высшего к низшему, а придерживаться научной схемы: эволюция как развитие от простого к сложному, мысль Федорова остается актуальной сегодня: в условиях общежития и общества риска (У. Бек) человечество обязано если не являться изначально общностью Рода и частью Космоса, то стать таковым. Потому что стоящие перед человечеством сегодня проблемы: дамнокловы мечи экологической катастрофы и как никогда близкие к двенадцати стрелки часов судного дня — требуют от человечества переформатировать свою мораль от единичности к универсализму. Как справедливо отмечает С. В. Борисов: «Азбучной истиной философии является то, что человек не может целиком и полностью полагать себя как данность материального мира», т. к. «Интенция сознания направлена в будущее» [5, с. 114].

Ю. М. Федоров предлагает человеку мыслить себя не в рамках своей единичности, а границах глобального: как микрокосмос, как часть макрокосмоса, как общность Единого пространства. Он видит единое семантическое устройство Вселенной, у которой есть некий моральный императив, спускаемый из Космоса к человеку и постигаемый человеком через расшифровку Символа — некоего откровения, доступного благодаря творчеству. И сам человек — субъект, необходимый Космосу, т. к. единственный (как владеющий Логосом) способен постигать мораль, совершать моральный поступок, тем самым наполняя Космос. Между Космосом и человеком, шифром и дешифратором, существом пространства Социума и Природы, увлечение которыми ведут колжи: их следует преодолеть. Федоров призывает человека к постоянному развитию, постоянно изменчивости, постоянной консультации с тем, насколько добрым является каждый его поступок и насколько этот поступок способствует добру. Он предлагает отвергнуть жесткие социальные структуры; избегать всего, что камуфлирует и затушевывает человеческое: доброе деяние, творческое стремление. Его идеал — отношения

человека с человеком напрямую, минуя посредничество любых искусственных институтов, отрицающих право человека на субъективность. В основу своей философии Федоров помещает свободу, творчество, доброту — ценности, противоположные тем, что предлагает нам сегодняшняя модель капитализма. С точки зрения Федорова, проблема вагонетки не в том, по каким путям ее направить, а в том, что эта вагонетка — проблема: что ситуация оказалась возможной. Федоров оставляет нам завет преодоления любых давящих на личность социальных детерминант и обращения к самости через добро, любовь, свободу и творчество. Он призывает своего идеального читателя (в терминологии У. Эко) подняться от «гомо сапиенса» к «гомо астралис».

Таким образом, Федоров остается в исследовательской парадигме идеализма, космизма, структурализма и экзистенциализма, создавая собственную сложную философию субъективности — ту философию, которая объединяет его с тюменской философской традицией, которая с особым тщанием размышляет о праве человека на свободу и субъективность [2; 10; 12; 13].

«Свободный человек в состоянии выйти из подчинения “нравственного коллаборационизма”, как только правильно определит для себя основные приоритеты общечеловеческой морали и будет придерживаться их в своей жизнедеятельности. Внутренне свободный человек преодолевает рабскую зависимость от наличной реальности — этой “концентрированной необходимости”. Свободный человек — это человек, укорененный в космических и родовых связях, преодолевший свою единичность, тотально зависимую от внешних социоприродных установлений и предписаний» [15, с. 93].

1. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.

2. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Этика Севера в структуре общественной нравственности // Этика Севера: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Бакштановского, Т. С. Караченцевой. Томск, 1992. С. 5—29.

3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

4. Бек У. Общество риска. На пути к новому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

5. Борисов С. В. Рождение «Глубинной философии» из «Духа онтопроектирования» // Социум и власть. 2019. № 5. С. 113—122.

6. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: рассказы о древнегреческой культуре; Капитолийская волчица: Рим до цезарей. М. : Э, 2016. 624 с.

7. Гегель Г. В. Ф.. Работы разных лет : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1970. 688 с.

8. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы: беседы о человеке в компании птиц и зверей. М. : Педагогика-Пресс, 1994. 208 с.

9. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. 176 с.

10. Ларин Ю. В. Проблема будущего в проекции природы человека // Социум и власть. 2012. № 2. С. 119—123.

11. Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 6. С. 111—122.

12. Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5—14.

13. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5—11.

14. Павлов А. В. Цивилизация и междисциплинарная эпоха // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3. С. 17—27.

15. Федоров Ю. М. Универсум морали. Тюмень : Тюмен. науч. центр СО Российской АН, 1992. 418 с.

16. Хомский Н. Классовая война : интервью с Дэвидом Барзамяном. М. : Праксис, 2003. 336 с.

17. Чупров А. С. Диалоги на краю онтологической бездны (ответ рецензентам) // Социум и власть. 2019. № 5. С. 123—137.

18. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129—137.

19. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Симпозиум, 2006. 544 с.

20. Эко У. Пять эссе на тему этики. СПб. : Симпозиум, 2005. 158 с.

21. Laudan L. Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth. University of California Press, Year, 1978. 264 p.

References

1. Bad'ju A. (2013) *Filosofija i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiju Alena Bad'ju*. Moscow, Institut obshhchegumanitarnyh issledovanij, 192 p. [in Rus].

2. Bakshtanovskij V.I., Sogomonov Ju.V. (1992) *Jetika severa*. Tomsk, 1992, pp. 5—29 [in Rus].

3. Bauman Z. (2008) *Tekuchaja sovremenost'*. Sejo Petersburg, Piter, 240 p. [in Rus].

4. Bek U. (2000) *Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow, Progress-Tradicija, 384 p. [in Rus].

5. Borisov S.V. (2019) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 113—122 [in Rus].

6. Gasparov M.L. (2016) *Zanimatel'naja Grecija: rasskazy o drevnegrecheskoj kul'ture; Kapitolijskaja volchica: Rim do cezarej*. Moscow, Je, 624 p. [in Rus].

7. Gegel' G.V.F. (1970). *Raboty raznyh let: v 2 t. T. 1*. Moscow, Mysl', 688 p. [in Rus].

8. Dol'nik V.R. (1994) *Neposlushnoe ditja biosfery: besedy o cheloveke v kompanii ptic i zverej*. Moscow, Pedagogika-Press, 208 p. [in Rus].

9. Zhizhek S., Ruda F., Hamza A. (2019) *Chitat' Marksa*. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 176 p. [in Rus].

10. Larin Ju.V. (2012) *Socium i vlast'*, no. 2, pp. 119—123 [in Rus].

11. Nalimov V.V., Drogalina Zh.A. (1984) *Psichologicheskij zhurnal*, vol. 5, no. 6, pp. 111—122 [in Rus].

12. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 1, pp. 5—14 [in Rus].

13. Pavlov A.V. (2012) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 5—11 [in Rus].

14. Pavlov A.V. (2012) *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psichologija. Sociologija*, no. 3, pp. 17—27 [in Rus].

15. Fedorov Ju.M. (1992) *Universum morali*. Tjumen', Tjumenskij nauchnyj centr SO Rossijskoj AN, 418 p. [in Rus].

16. Homskij N. (2003) *Klassovaja vojna: Interv'ju s Djevidom Barzamjanom*. Moscow, Praksis, 336 p. [in Rus].

17. Chuprov A.S. (2019) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 123—137 [in Rus].

18. Shjuc A. (1988) *Sociologicheskie issledovanija*, no. 2, pp. 129—137 [in Rus].

19. Jeko U. (2006) *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju*. St. Petersburg, Simpozium, 544 p. [in Rus].

20. Jeko U. (2005) *Pjat' jesse na temu jetiki*. St. Petersburg, Simpozium, 158 p. [in Rus].

21. Laudan L. (1978) *Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth*. University of California Press, Year, 264 p. [in Eng]

For citing: Maltsev Ya.V.
Yu.M. Fedorov's ethics as part
of the Tyumen ethical and philosophical
research tradition (in the context
of modern times) //
Socium i vlast'. 2020. № 1 (87). P. 103—115.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-103-115.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-103-115

UDC 17.03; 171; 111; 141.3

YU.M. FEDOROV'S ETHICS AS PART OF THE TYUMEN ETHICAL AND PHILOSOPHICAL RESEARCH TRADITION (IN THE CONTEXT OF MODERN TIMES)

Yaroslav V. Maltsev,

Tyumen State University,
Associate Professor of the Department Chair
of Modern History and World Politics,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 625003,
Tyumen, ulitsa Volodarskogo, 6.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com.

Abstract

Introduction. In the Russian philosophical tradition, domestic philosophical concepts are rather poorly considered at the moment. In fact, there is no coverage of regional specific features: the problems that worried and united Russian philosophers within the boundaries of one or another temporal-territorial locality.

The purpose of the article is to consider the views of the Tyumen philosopher-ethicist Yuri Mikhailovich Fedorov in the context of their relevance at present and in the context of a continuous research tradition.

Methods. The author proceeds from the methods of hermeneutics, which are obligatory in this case, and also uses L. Laudan's theory of research traditions, M. Foucault's optics and the concept of permanent modernity.

Scientific novelty of the research. The author clarifies Yu.M. Fedorov's views through the specified methodology, considering his works in the context of a continuing philosophical tradition, with a special emphasis on the methods of subjectification.

Results and conclusions. Taking into consideration the results of analytical reading of Yu.M. Fedorov's key work "Universe of Morality", it is concluded that the author's concept, which combines the features of idealism, cosmism, structuralism, semiotics and existentialism, with some reservations (indicated in the article), suggests an adequate model of subjectification for a person of the XXI century.

Key concepts:

Yu.M. Fedorov,
permanent modernity,
ethics,
research tradition,
subjectivity,
cosmism.

Для цитирования: Шалагина Г. Э.
Внеинституциональная гуманистика,
философская практика, информальное
образование: контуры образовательной
креативной индустрии // *Социум и власть*. 2021. № 1 (87). С. 116—126.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126

УДК 001.3, 001.92, 101.3, 316.74

ВНЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ГУМАНИСТИКА, ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА, ИНФОРМАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КОНТУРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КРЕАТИВНОЙ ИНДУСТРИИ

Шалагина Гульнара Эдуардовна,
Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
доцент кафедры философии и истории науки,
кандидат философских наук, доцент
Российская Федерация, 420015,
г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68.
E-mail: galanova@rambler.ru

Аннотация

Введение. Внеинституциональная гуманистика, философская практика, информальное образование — это «семейное подобие» явлений, находящихся за пределами социального института науки и образования и примыкающих к социокультурной деятельности и социальной работе.

Цель. Цель статьи — наметить контуры формирующейся в обществе постмодерна информальной образовательной креативной индустрии, которая объединяет внеинституциональную гуманистику, философскую практику, информальное образование.

Методы. Используются методы автобиографической рефлексии, сравнительного анализа, метод эмпирического наблюдения и анализа первоисточников внеинституциональной гуманистики.

Научная новизна исследования. Переход к нематериальному труду эпохи постмодерна — причина актуальности исследуемой области. Усиление запроса современника на темы смысла жизни, счастья, рост прекариата, вытеснение философии из формального образования составляют новую социальную реальность, определяющую новизну исследования информальной образовательной креативной индустрии.

Результаты. Произведена классификация внеинституциональной гуманистики по сферам ее существования и стратегиям субъектогенеза, представленным в учениях. Концепция дедифференциации рассмотрена в качестве объяснения исследуемой области в постмодерне. Рассмотрена специфика философского подхода в работе философа-практика.

Выводы. Перспективы информальной образовательной креативной индустрии автор связывает с институционализацией в качестве досуга, развлечения, иных персональных услуг. Сделаны выводы о различиях формального и информального образования, обозначены риски и возможности развития информального философского сектора.

Ключевые понятия:

внеинституциональная гуманистика,
философская практика,
информальное образование,
информальная образовательная креативная
индустрия,
дедифференциация,
постмодерн.

Введение

Как известно, любая теория — это автобиография. Интерес автора к заявленной в статье тематике начался после введения ЕГЭ в России и усилился в связи с кризисом образования в ответ на реформы Болонского процесса [4]. Отток абитуриентов из высшего образования в среднее профессиональное образование актуализировал вопрос о том, как преподавать философию тем, кто не так восприимчив к академической программе. «Философия детям», то есть философия тем, кого до поры до времени надо бы оставить свободными от всякой философии, виделась перспективой. Однако в «философии детям» речь идет о поисках философами новых «рынков сбыта» своего «интеллектуального товара». По компьютерной, информационной аналогии, философские знания — это софт, который для своей установки предъявляет определенные требования к устройству, на которое будет загружено: это жизненный опыт, уровень культуры, уровень интеллекта получателя философских знаний. Сейчас это направление («философия Иным, Другим», будь то дети, хулиганы, заключенные) скорее интересно в плане привлечения ресурса Иных в философию, например, полезно перенимать у детей их методологию мышления. Стоит ли распространять философские знания за пределы его исконного «ареала» (интеллектуальной среды взрослых мужчин и женщин) — вопрос открыт. Скорее проявления инаковости (культурную и классовую принадлежность, возраст, состояние ментального аппарата, девиации и т. п.) стоит включать в понятие «жизненный опыт» и изучать/практиковать в качестве иных версий философии. Другое направление поиска альтернатив в условиях кризиса образования — изучение внеинституциональных явлений в гуманистике, которые находятся принципиально за границей сферы формального образования. Это направление актуально в связи с усилением в условиях транзитного постмодерна влияния неформальных явлений и институтов на социум [9; 16]; в связи с определением самого статуса сегодняшнего транзитного социума (является ли наше постмодерное время переходным в рамках одной цивилизации, или мы наблюдаем/переживаем межцивилизационное состояние и даже разлом [17], свидетельством чему является, в том числе, реинституционализация гуманитарного знания); в связи с возможными вариантами экзистенциального ответа современника на

вызовы времени, одним из которых является сохранение ценности картезианской субъектности [12—14]; в связи с увеличением доли досуга и внепрофессиональной активности в образе жизни современника и реакцией формального образования на это обстоятельство [10]. Изучение внеинституциональной гуманистики является дополнением к теории транзитного постмодерна и открывает перспективы деятельности гуманитария за пределами образовательной институции.

Тенденции деинституционализации гуманитарного знания в системе формального образования остались и сейчас. Бюрократизация, коммерческий диктат подушного финансирования, другие тенденции развиваются в провинциях в более острой и необратимой форме, чем в столицах, где причиной реорганизации институции сегодня становятся в том числе и политические ориентации гуманитариев. Сложные внешние обстоятельства накаляют внутреннюю морально-психологическую среду учреждений образования, представители которых и так, из-за особенности профессии ученого, склонны больше к состязательности, нежели к единомыслию. *Приходится размышлять о текущих объективных тенденциях в гуманистике, чтобы определиться, хотим ли мы, и если да, то в каком качестве и какой мере хотим в них участвовать.*

Внеинституциональная гуманистика, философская практика, информальное образование: определение понятий и первая классификация

«Внеинституциональная гуманистика» — под этим термином я понимаю производство и трансляцию гуманитарного знания за пределами института науки и образования [4]. «Философская практика» — направление, которое ведет свою историю с 80-х — 90-х годов XX столетия, а возможно и раньше, с 60-х годов или даже с 20-х годов этого же века [3, с. 124—125]. Философская практика — это не только работа на стыке академической философии и психологического консультирования или новое направление в образовании, это деятельность философа за пределами академической сферы, консультирование корпораций и частных лиц, разрешение проблем с помощью философии в организациях и различных отраслях народного хозяйства. В поле частного клиентского интереса к философской практике сегодня три сектора: 1. Эстетические знания,

развитие культурной компетентности, вкуса. 2. Смыслжизненный запрос на этику. 3. Деловой запрос на логику и риторику. Различие философской практики и внеинституциональной гуманистики состоит в том, что первая носит прикладной и процессуальный характер, нацелена на развитие навыков *мышления*, а вторая ориентирована на выработку новых гуманитарных *знаний*. «Информальное образование» — образование, осуществляемое в повседневности, связано с проведением досуга, не структурировано в плане целей, продолжительности, помощи в обучении [5, с. 25—26]; скорее трансляция, нежели производство знания. Все эти части единой области составляют «семейное подобие» (Л. Витгенштейн) явлений, объединенных своим существованием за пределами науки и образования, они представляют внеинституциональный или неформальный знаковый сектор. Одновременно указанные явления примыкают к таким традиционным областям, как социокультурная деятельность (работа кружков, клубов) и социальная работа.

Классификацию внеинституциональной гуманистики по сферам ее существования составляют следующие сегменты:

1. Надинституциональные профессиональные общественные организации как база формирования «невидимого колледжа» за пределами существующих между конкурирующими вузами корпоративных застроек и перегородок.
2. Коммуникативное пространство Интернет, важное для явлений, которые не имеют институциональных и физических резиденций.
3. Публичное коммуникативное пространство: кафе, свободные пространства «антикафе», территории лофтов и коворкингов, где развиваются спонтанные проекты, принципиально находящиеся за пределами института образования со столь востребованными у потребителей «образовательной услуги» сертификатами, свидетельствами, дипломами. Сегодня наряду с академической гуманистикой вузов есть множество альтернативных форм производства и трансляции знания: гуманитарные школы, бизнес-тренинги, студии саморазвития, консультационные центры, философские клубы, этические ретриты, рациональные додзё и т. п. явлениях на стыке практической философии, новой религиозно-

сти и психологического консультирования¹. Предпосылка становления этих активностей — архитектура повторного использования заброшенных фабрик и цехов индустриальной поры. Стиль «лофт», возникновение «третьих мест» (не работа, не дом) — важный градостроительный тренд постмодерна. Показательно, когда в Москве было приостановлено этажное строительство в центре города, увеличился спрос на редевелопмент фабрик, доков на воде, складов. Стали возникать не только «апартаменты», но и «площадки», «территории», ставшие пристанищем в том числе и внеинституциональной гуманистики².

4. Приватное коммуникативное пространство для мероприятий по принципу музыкальных «квартирников». Аналоги эпохи Просвещения, например, салон писательницы Элизабет Монтегю, участнику которого, Бенджамину Стиллингфлиту интеллектуалки обязаны прозвищем «синий чулок», салоны Катрин де Вивон, маркизы де Рамбуайе, Поля Анри Тири Гольбаха и многих других. В эпоху Просвещения схоластические университеты были формальным, институциональным, образовательным каналом гумани-

¹ В качестве примеров обратили на себя внимание такие успешные проекты, как Школа великих книг (проект Василия Якеменко работает примерно с 2013 г. в Москве и еще в 12 городах РФ); «Бизнес-Молодость» с участием М. Дашкиева; «Новый Акрополь»; кафе «Bilingua» (2003—2013 гг.); классическим неформальным образовательным проектом является «Философия» (г. Санкт-Петербург); клуб «Кочерга». Клуб прикладной рациональности (Центр рациональности) «Кочерга», организован программистом и философом на основе подхода Э. Юджовского («Рациональность от ИИ до зомби», популярный вариант «Гарри Поттер и методы рационального мышления»). Помимо рационального додзё и клуба «Less Wrong» еще одно направление клуба — «Уличная эпистемология», основанная на практике Э. Магнабоско и книге П. Богосьяна «Евангелие от атеиста», 2015 («A Manual for Creating Atheists»). Есть и авторское направление работы философа — основательницы «Кочерги» — онтологика, которая ведет начало от онтики, онтометодологии и онтологики С. Лесьневского и Е. Пезановского. Коворкинг по принципу антикафе в «Кочерге» — это сопутствующий бизнес, удобный для репетиторства. Примеры подобных проектов можно продолжить.

² Сегодня в каждом городе есть места, напоминающие московские «Гараж» с его лекториями, «Винзавод» и «Философский клуб на Винзаводе», «Телеграф», «Артплэй», «Флакон» и т. п.

стики, а салоны — внеинституциональным¹.

Исследуемая область находится в становлении и вызывает множество вопросов. Станет ли следующим шагом реинституционализация гуманистики, принципиальная перелицовка социальной инсталляции социогуманитарного знания, которая закрепила бы обозначенные тенденции? Каковы тенденции реинституционализации гуманитарного знания за рубежом, где социальные процессы происходят всегда раньше? Существуют ли, по аналогии с любительским театром, который силен на родине Шекспира, любительские формы философии, например, на видеохостингах? Возможно, реинституционализация гуманистики — это часть единого процесса, в который вовлечены и другие общественные институты поздней, «растекающейся» модернизи? У «семейного подобия» явлений за институциональной границей науки и образования в постмодерной культуре нашлось и объяснение (в следующем разделе будет сказано о социокультурной дедифференциации) и нашлась функция, общественная необходимость (далее будет сказано о новой роли внеинституциональной гуманистики, философской практики, информального образования в информационной экономике общества постмодерна).

Социокультурная дедифференциация как характеристика постмодерна

Объяснением явлений исследуемой области стал концепт дедифференциации (С.Лэш), означающий стирание граней между когда-то устойчивыми институтами и сферами общественного сознания, такими как эстетика, мораль, религия, наука [11]. Постмодерная дедифференциация — процесс, обратный дифференциации на основные сферы культуры модерна, когда Макиавелли отразил различия политической, этической и религиозной областей смысла, а И. Кант — автономию «чистого», «практического» разума и эстетической «способности суждения». В ходе дедифференциации возникают гибридные научно-популярные образовательно-развлекательные формы (edutainment), визуальная социология и антропология, философские фестивали, эстетико-политические явления акционизма и т. п.²

¹ Пример современных квартирников — проект «Курилка Гуттенберга».

² В качестве примеров можно привести интеллектуальное караоке или вечеринки «Печа Куча», эстетизированные проекты в науке, такие как Бал

О чем-то подобном социокультурной дедифференциации в обществе постмодерна пишет Ф. Джеймисон: если в эпоху модерна экономика, политика и искусство — это разные сферы, то в эпоху постмодерна эти сферы перемешиваются, исчезает дистанция между ними. Культура и экономика стали неразделимы, культурное теперь тождественно политическому [8, с. 92].

Актуальность исследуемой области в обществе постмодерна

Актуальность внеинституциональной гуманистики, философской практики, информального образования сегодня связана с усилением смыслового запроса современника, ориентацией на поиск счастья. Запрос на духовность исходит сегодня из делового мира. В постиндустриальной (высоко модернизированной) экономике *сознание и морально-психологическое состояние человека становятся производительной силой* [21, с. 278]. Какая бы то ни было рабочая деятельность при преобладании «нематериального труда» в эпоху постматериализма предполагает креативность. А творить, в виду природы творчества, могут исключительно свободные и счастливые. В связи с этим экономисты и политики анализируют этический статус человека, счастье, предлагают измерять уровень благосостояния общества не в ВВП, а при помощи индекса «общего благополучия» (Д. Кэмерон, 2006 г.). В постиндустриальной экономике положение дел таково, что продукты рабочей деятельности обусловлены морально-психологическим капиталом человека; культура определяет базис; духовность, как бы мы ее не понимали, как продукт мозга или субъектно-идеальное начало, выступает драгоценным рабочим ресурсом, в формировании которого человек беспрецедентно заинтересован. Это сообщает внеинституциональным гуманитарным явлениям и философской практике повышенную общественную важность. Р. Флорида увидел переворот в «захвате» трудящимися средств производства, но не по сценарию К. Маркса, с захватом материальной собственности. «Сейчас люди в большей мере, чем когда-либо, контролируют средства производства, потому что психоаналитиков в Вене, философский фестиваль в Кёльне (Ричард Дэвид Прехт), конкурс «Станцуй свою диссертацию» (проводится с 2007 г.), арт-группы «Война», «Фемен», печально известная панк-рок-группы «Pussy Riote», движения «Партизанинг», и т. п. явления.

последние находятся у них в голове...» [20, с. 52]. Нечто подобное находим и У. Бека: «Теперь уже не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие» [2, с. 26]. Для сотрудников бюджетной сферы, salariата важно следование организационной, корпоративной культуре. Сказанное выше о морально-психологическом состоянии творца свойственно предпринимателям, фрилансерам, представителям творческих профессий, самозанятым, тем, кто, не имея гарантий занятости, составляют «систему Д» (от фр. *se débrouiller* — «выпутаться, выйти из затруднения без посторонней помощи») [16, с. 95 — 96], прекариату, тем, чье процветание зависит от персональной харизмы. Ввиду вышесказанного сегодня процветает индустрия саморазвития человека, которую в критическом ключе называют «духовкой». Действительно, в неформальном знанием секторе встречаются и сомнительные явления, когда превратно понятая философия классика становится поводом легитимации девиантных практик, а под видом психотренинга формируется НРД.

Дедифференциация смыслового нарратива с центральной ролью этики

Усилившийся в постмодерне смысло-жизненный запрос современника является центральным в трех душевспомогающих дискурсах — этике, религии и психологии. Можно рассмотреть смысло-жизненное стратегирование современника с позиций конкуренции этих дискурсов за человека, ставить вопрос о специфике и границах каждого из них, быть «пограничником» и ловить нарушителей, выходящих за рамки своего поля и колонизирующих соседнее. Подход с позиций дедифференциации иной и связан с происходящей растушевкой границ трех дискурсов. Сегодня сложился мировоззренческий микс этического, психотехнического и религиозного содержания с ведущей ролью этики; после кризиса «больших нарративов» модерна формируется новый смысло-жизненный нарратив. Точка сборки здесь — практическая философия (этика), которая центрирует телесные, медицинские, духовные, новорелигиозные, спонтанно-образовательные, художественные практики.

Что касается границы этики и религии, сегодня направления духовных поисков в РФ двойственны: секуляризм ли это, постсекуляризм, постатеизм, десекуляризация, религиозное возрождение или неоконфессинализация? В религиозности уже нет былой

аутентичности, распространено верование «по традиции», «личное понимание веры», восприятие религии на уровне этоса, а не в качестве объекта сакрализации [21, с. 281]. Данные социологических опросов обнаруживают несоответствие религиозного сознания и поведения. Так, определив себя в качестве «православного» либо «мусульманина», в следующей таблице «распределение православных и мусульман по признаку веры в Бога» значительная часть участников опроса тихо разбредается по категориям «верю скорее в высшие силы, чем в Бога», «колеблюсь между верой и неверием», «не верю в Бога» и т. п. [7, с. 58—59]. С позиций институциональной определенности необходимо было бы делать предметом обсуждения уровень конфессиональной грамотности респондентов, как основы их позиционирования в опросах, говорить о качестве школьных курсов по основам религиоведения, и социологи задают такими вопросами [6; 18].

Что касается границы психологии и философской этики, в настоящее время обнаруживается миграция психологических подходов в этику; иногда психолог принимается решать смысло-жизненные задачи клиента (М. Литвак, «разумный путь» А. Свияша). Философская этика утратила былой авторитет и приобрела репутацию чуждого реальной жизни учения, несмотря на то, что у основоположника этики Аристотеля, практическая философия понималась как учение об осуществимом, а не идеальном благе. Психология в свое время переняла авторитет у философской этики благодаря «научности» своего предмета и метода, но сегодня при многообразии подходов изначальная научная строгость экспериментальной психологии размылась. Появляются православная, католическая (христианская), мусульманская психологии. От былой строгости психология сохранила только свою властную позицию в качестве медицины. Так в Великобритании после кризиса 2008 г. правительство через центры занятости направляло безработных в лечебные учреждения на когнитивно-поведенческую психотерапию для «лечения» последствий безработицы [18, с. 225, 251]. Напротив, философские учения мигрируют в психологию, прибегая к телесным практикам, медитациям, дыхательным упражнениям. Сегодня даже фитнес-тренеры совмещают занятия физкультурой со смысло-жизненным ориентированием, сформировав расхожее выражение «прокачать навык осознанности» (движение майндфулнес, «светская медитация», эмбодимент фасилитация).

При всей размытости границ, есть профессиональная специфика философской практики в подходе к смысложизненному стратегированию и ориентированию, в сравнении с психологией и религией. Философская практика опирается на этику (практическую философию), которая предлагает общую методологию жизни и постулаты, здесь предполагается дистанция консультанта и клиента, возможность добровольного осознанного выбора клиентом вариантов, поэтому желательно, чтобы философ-практик сообщал клиенту о том, какая философская парадигма ему ближе, ведь истина марксисту мыслится иначе, чем феноменологу. Возможно применение разных подходов в конкретной ситуации: если человек деморализован, ему нужна «прививка» субъективного идеализма, а не материализм; если ему инкапсулирована неолиберальная идеология исключительно персональной вины за происходящее в жизни, нужен достоверный социальный анализ реальности, то есть марксистский подход. Если у человека мозаичная картина мира, то его хорошо «приводить в норму» панлогизмом, догматизм, напротив, хорошо корректируется онтологическим плюрализмом. При этом актуален социальный идеал *бытия субъектом*, как бы этот ценностный спектр ни девальвировали последователи постмодернистских идей о «смерти субъекта». Практическая философия предполагает равную ответственность консультанта и перед отдельным человеком и перед человечеством при фактическом совпадении норм профессиональной и общечеловеческой этики, трактовку клиента как осознанного, думающего существа, обладающего экзистенциальными запросами. Философия — это прежде всего *профилактика* экзистенциальных рисков¹. В психологии более важен индивидуальный подход к клиенту. Здесь хороша естественно-научная ориентация на телесность и «организменность», сродни медицине, даже при отсутствии права назначения медикаментов, рассмотрение клиента как временно ослабленного, страдающего, поэтому временно не равноправного партнера в коммуникации, отсюда особая этика психолога, повышенная ответственностью за клиента («не навреди»). Психолог, психотерапевт имеет дело с более кризисным и болезненным состоянием человека, пренебрегавшего профилактическими ресурсами

¹ Приведу свой афоризм: «Детям делают прививки от кори и всякой хвори; а философия — это прививка от дури. Делается по наступлению совершеннолетия в целях профилактики жизненных неудач».

философии. Религиозность предполагает сакрализацию и свещенность определенных смысловых единиц дискурса (Бога, способа устройства миропорядка, способов коммуникации индивида с миропорядком, как происходит в «религиях без бога»).

Социализация и разидентификация: две стратегии субъектогенеза в классификации внеинституциональных учений

Многообразие конкретных учений внеинституциональной гуманистики можно классифицировать на два вида также и в зависимости от того, на какую персональную стратегию самостроительства, субъектогенеза делается «ставка»:

1. Социализирующая стратегия «личностного роста», стратегия нарастить «социальные мускулы», приобрести навыки и компетенции. Этот тип учений удачно институционализируется «под флагом» психологии и в формате тренинга, в виде сжатой, рассчитанной на быстрый, непосредственно видимый результат формы получения нового знания. Не каждый запишется на длинный и вдумчивый курс по философии.
2. Стратегия разидентификации (дезидентификации), в ее основе — путь к себе посредством редукции социального, через снятие социальных слоев личности. Понятие разидентификации обычно упоминается в негативном ключе, в связи с такими явлениями как кризис пожилого возраста, бродяжничество, дауншифтинг. В статье понятие используется как нейтральный термин. Стратегия самостроительства через разидентификацию работает в случае культурного номадизма, лиминальности, кризисов перехода, виртуальной расщепленности интернакта². Увлечение

² Несколько примеров стратегии разидентификации. В холистической психологии А. Пинта — это элиминация «Я» в духе буддийской категории анатман. (См.: Пинт А. А. «Из гусеницы — в бабочку» или Путь к себе. Ростов н/Д. : Феникс, 2008. С. 26—27, 33). В Симороне — отказ от стереотипов. Методика «Впереди паровоза (самообгон)» учит мечтать, проиграть в мечтах цель, процесс и результат ее достижения с целью «отработать» желание-вожделение. После того как вожделение цели «перегорает», человек начинает без вредного потенциала желания рассуждать, надо ли стремиться к цели, различать цель и то, для чего она, а также вырастает из проблем жизни и «вспо-

разидентифицирующими практиками может привести к эскапизму, мироотрицанию и крайнему индивидуализму. Но в условиях перманентных социальных изменений, характерных для «растекающейся модернити» и постмодерна, разидентифицирующее направление субъектогенеза актуально. Уже отмечалось сходство разидентифицирующей стратегией субъектогенеза с тем, что в философии постмодернизма связано с поисками ресурсов бессубъектности [21, с. 281]. Идеи «смерти» картезианского субъекта (М. Фуко), трактовка субъекции как подчинения (subject — подвергать, подчинять, англ.), представление бытия субъектом как навязанного социумом существования в качестве социализированного индивида, а не в качестве желательного социального качества угадывалась и в концепции интерпелляции Л. Альтюссера, когда философ призы-

минает» свое дочеловеческое Я (душу), начинает дистанцировать «себя» и свое наличное бытие в опыте здесь и сейчас. На это же направлена методика «Симпатыга», практика для людей без рациональной культуры и философского мышления. Задача: нарисовать узор, который якобы отражает новое, очищенное после самообгона подсознание и, если увидел (почувствовал) черты рисунка в каком-то предмете — идти за этим знаком. Результат — устранение утилитарной цели, намерения и планирования, следование самому ходу жизни, когда не человек определяет жизнь, а жизнь сама его ведет. Результатом практики должно стать раскрепощение подсознания, полное «перепрограммирование» себя, тотальная разидентификация, культивирование пустоты в душе, отсутствия предубеждений, установок, ценностей, когда человек «забывает» кто он, и с забвением своей идентичности «забывает» и все неподлинное, привнесенное обществом. В Трансерфинге (учение В. Зеланда появилось в 2003 — 2004 гг.) — поиск внутреннего Смотрителя в противовес традиционному европейскому «сознанию». Социальные институты, в числе которых политика, религия и т. п. согласно В. Зеланду — «маятники» (энергоинформационные центры притяжения энергии своих последователей). В Зеланд рекомендует обходить вред маятников путем гашения (отказ от стереотипного поведения, выбор третьего из двух зол), провала (уклонение от маятника без борьбы), «сдачи себя в аренду» (следование требованиям маятника по необходимости и по установленной форме, без личного нравственного участия, либо дозировка его воздействия, осознанный, исходя из общественного интереса, вклад в него посредством причастности партии, церкви, благотворительности, профсоюзу). Указанные направления также вдохновляют сегодня организацию соответствующих школ, клубов, центров и т. п. внеинституциональных явлений.

вает не откликаться на оклик Власти [1, с. 92—111]. Однако разидентифицирующий сценарий субъектогенеза мобилизует антропологические ресурсы, растроченные в инновационистских практиках. Субъектность в постмодерне может быть переосмыслена как искомая, желанная и даже элитарная социальная позиция владельца и «предпринимателя» своей жизни, рачительного собственника духовного ресурса. Выбором двух представленных выше стратегий самостроительства индивид реагирует на ситуацию социальной и этической транзитности, характерной для постмодерного мира.

Перспективы исследуемой области: контуры информальной образовательной креативной индустрии

Перспективы внеинституциональной гуманистики, философской практики, информального образования связаны с институционализацией в виде досуга, развлечения и особой информальной образовательной креативной индустрии. Информальные проекты зачастую сознательно дистанцируются от традиционного формального образования и могут быть не заинтересованы в лицензировании в качестве «образования», скорее это «иные персональные услуги» и опция «прочее» по ОКВЭД¹. Разидентификация — это не только постмодерная стратегия субъектогенеза, но и стратегия формирования внеинституционального информального знания сектора. Создателей и участников проектов привлекает рукопожатность, а не в формальный диплом, энтузиазм и любительство (amateur), а не проектирование учебных планов. Вызовом информальному образованию является постоянная приостановка учебного процесса на начальной стадии: всегда приходят новые участники, и для них нужно повторить содержание предыдущих сессий, что затрудняет продвижение вперед и ставит под

¹ Например, «Деятельность по предоставлению прочих вспомогательных услуг для бизнеса, не включенная в другие группировки» (82.9), «Образование дополнительное детей и взрослых прочее, не включенное в другие группировки» (85.41.9), «Деятельность по дополнительному профессиональному образованию прочая, не включенная в другие группировки» (85.42.9), «Деятельность зрелищно-развлекательная прочая, не включенная в другие группировки» (93.29.9).

вопрос понятие «программы». Поэтому роль образовательной программы порой выполняет сам набор читаемых книг, преобладает скрытый учебный план, игровая форма взаимодействия, символически-знаковая маркировка участников, трактовка результата интерпретации текстов и учений как объекта авторского права. Информальные гуманитарные школы предпочитают воспроизводить сами себя: для получения статуса учителя школы нужно закончить это же «учебное заведение», преобладает недоверие к сторонним дипломам и общественно признанным формальным статусам. В РФ сегодня происходит либерализация индивидуального предпринимательства¹, которая сопровождается прекариатизацией интеллектуалов. Возможно, в будущем именно информальная образовательная креативная индустрия станет деятельностью многих из современных гуманитариев. А быть может вскоре будет организовано новое ведомство — «Министерство внеинституциональной науки и информального образования»?

Заключение

Если 1990-е в России напоминали эпоху эллинизма и Древнего Рима с развалом прежнего строя, общественной неразберихой, релятивизмом ценностей, то сказанное в настоящей статье о наблюдаемом сегодня взлете интеллектуальной культуры напоминает времена софистов. В наши дни очерчены рамки формального институционального образования, роль которого — сертификация специалистов для отраслей народного хозяйства. Сложилась область «профессиональной» философии: фундаментальные онтология и философия науки, дигитализированная, не связанная с риторикой логика, история философии, в которой формируется профессиональная идентичность философа, в том числе и философа-практика, происходит тренировка плюрализма, изучение философии по текстам с выработкой авторского ее понимания без навязанного предварительного мнения. Главным плодом философского дерева по-прежнему видится

практическая философия (этика), ценность которой значительно усилилась в современном мире на фоне вымывания философии из формального образования.

Формальное и информальное образование не должны перемешиваться²: формальное удостоверяется дипломом государственного образца, и о развлекательности, упрощении требований здесь речи быть не должно. Мы не должны на своих занятиях по философии полностью переключиться с академической программы на «*философствование*». Напротив, именно усвоение на должном вузовском уровне базовых философских *знаний* поможет возможному клиенту философского консультирования выбрать свою методiku поиска бытийственных альтернатив, если они ему понадобятся. Первое «взрослое» образование формирует мировоззрение, ведь любые образовательные стратегии до этого разбиваются о беззаботность детства. Поэтому первое образование должно быть достаточно фундаментальным, позволяющим, «отбросив все остальные дела», как будто на досуге «внимательно всматриваться» в природу вещей, как рекомендовал нам Пифагор [15, с. 325—326]. Профессиональная идентичность философа сформируется в образовании, прошедшем «экспертизу Пифагора», если позволит выработать навык неторопливого и тщательного изучения любого предмета, будь то музыковедение или физика. К сожалению, инновационизм и транзиторность постмодерна принципиально противоположны неторопливому духу философии, поэтому философия сегодня терпит неудачу в формальном образовании, которое включилось в инновационистскую гонку. Социальное время ускоряется, досуг становится непозволительной роскошью, возможность быть пифагорейским любителем приобретает характер социального вызова. На смену пятилетнему специалитету приходит четырехлетний бакалавриат. Первое образование утрачивает фундаментальность, а все последующие, а они в транзиторном мире императивны, просто ризомно примыкают к разомкнутой внеаходимой идентичности

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/, 15.07.2019, свободный. Удачный эксперимент распространен на всю территорию РФ с 01 июля 2020 г., философы-практики уже используют эти возможности.

² Позиция автора является дискуссионной в свете начавшейся тенденции модернизации образования, состоящей в расширении круга образовательных услуг в формальных образовательных организациях за счет так называемого «дополнительного образования». Совмещение в одной и той же организации силами одних и тех же профессионалов формального и информального принципов — это интересный вызов современным гуманитариям.

современника. Информальному философскому сектору придется найти баланс между формализацией, соответствием статусу «образования» при желании сертифицировать данные клиенту знания и либерализацией, когда, при главенстве духа хорошего любителя, мы можем растерять высокий академический уровень; между встраиванием в социализирующую стратегию быстрого приобретения навыков и разидентифицирующей стратегией альтернативной концептуализации; между соблазном откликнуться на зов интерпелляции, чтобы получить свой «барыш идентичности» [1, с. 94] и ускользанием от лояльных инновационизму форматов; между государственным контролем качества и государственной же необходимостью зарабатывать на налогах с деятельности «Системы Д». При этом произойдет ли снижение академического уровня в информальном философском секторе, зависит от самих участников формирующейся образовательной креативной индустрии.

1. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2002. 168 с.

2. Бек У. Общество риска. На пути к новому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384с.

3. Борисов С. В., Гинзбург Л., Пеннер Р. В. Философская практика «на распутье»: итоги 15-й Международной конференции по философской практике (25—29 июня 2018 года, Мехико, Мексика) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 124—134.

4. Галанова Г. Э. Корпоративная солидарность научного сообщества в контексте реинституционализации гуманитарного знания // Теоретическое наследие казанской научной, философской, богословской мысли: компаративистские исследования «Восток — Запад» : сб. ст. Всерос. науч. семинара (Казань, 2012, 2014 гг.) Казань : КГАСУ, 2015. 157 с. С. 26—31.

5. Гончарук Н. П. Развитие интеллектуальной компетентности и профессиональной мобильности научно-педагогических кадров в условиях информационного общества. Казань : Изд-во МОиН РТ, 2011. 224 с.

6. Губогло М. Н. Религиозность, этничность, государственность // Этнопанорама, 2000. № 3. С. 2—11.

7. Гузельбаева Г. Я. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане. Казань : Казан. ун-т, 2013. 268 с.

8. Джеймисон Ф. Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 808 с.

9. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Роль формальных и неформальных институтов в развитии гражданского общества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 7—18.

10. Кадочников Д. В. Свободное время: вызовы общества потребления и вопросы модернизации высшего образования // Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 28—38.

11. Лэш С. Постмодернизм как культурная парадигма // Контексты современности — I: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 83—87.

12. Мальцев Я. В. Современная философия и философия современности (пролегомены философии перманентности) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 90—99.

13. Мальцев Я. В. Субъект и реальное (попытка спасти картезианского субъекта от бессознательного) // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 91—95.

14. Мальцев Я. В. Перманентная современность: социальный аспект // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 14—22.

15. Цицерон Марк Туллий. Тускуланские беседы // Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1975. 456 с.

16. Мэрифилд Э. Любитель. Искусство делать то, что любишь. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 200 с.

17. Павлов А. В. Межцивилизационная эпоха: поколение выбора // Социум и власть. 2016. № 3. С. 17—24.

18. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

19. Филатов Л. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социс, 2005. № 6. С. 35—45.

20. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М. : Классика — XXI, 2011. 432 с.

21. Шалагина Г. Э. О постулировании смысла жизни в эпоху постмодерна: на границе этики, религии и психологии // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 278—282.

References

1. Batler Dzh. (2002) Psikhika vlasti: teorii subektcii. Kharkov, KhTcGI6 SPb., Aleteiia, 168 p. [in Rus].

2. Bek U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow, Progress-Traditsiia, 384 p. [in Rus].
3. Borisov S.V., Ginzburg L., Penner R.V. (2018) *Sotcium i vlast*, no. 4 (72), pp. 124—134 [in Rus].
4. Galanova G.E. (2015) *Teoreticheskoe nasledie kazanskoi nauchnoi, filosofskoi, bogoslovskoi mysli: komparativistskie issledovaniia «Vostok — Zapad»*. Kazan, KGASU. 157 p., pp. 26—31 [in Rus].
5. Goncharuk N.P. (2011) *Razvitie intellektualnoi kompetentnosti i professionalnoi mobilnosti nauchno-pedagogicheskikh kadrov v usloviakh informatcionnogo obshchestva*. Kazan, Izdatel'stvo MOiN RT, 224 p. [in Rus].
6. Guboglo M.N. (2000) *Etnopanorama*, no. 3, pp. 2—11 [in Rus].
7. Guzelbaeva G.Ia. (2013) *Etnichnost, religioznost i migratsii v sovremennom Tatarstane*. Kazan, Kazanskij universitet, 268 p. [in Rus].
8. Dzheimison F. (2019) *Postmodernizm ili Kulturnaia logika pozdnego kapitalizma*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 808 p. [in Rus].
9. Zyrianov S. G., Lukin A. N. (2020) *Sotcium i vlast*, no. 2 (82), pp. 7—18 [in Rus].
10. Kadochnikov D. V. (2019) *Sotcium i vlast*, no. 6 (80), pp. 28—38 [in Rus].
11. Lesh S. (2000) *Konteksty sovremennosti — I: aktualnye problemy obshchestva i kultury v zapadnoi sotcialnoi teorii*. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, pp. 83—87 [in Rus].
12. Maltcev Ya. V. (2018) *Sotcium i vlast*, no. 4 (72), pp. 90—99 [in Rus].
13. Maltcev Ya.V. (2017) *Sotcium i vlast*, no. 2 (64), pp. 91—95 [in Rus].
14. Maltcev Ya.V. (2016) *Sotcium i vlast*, no. 4 (60), pp. 14—22 [in Rus].
15. Mark Tullii Tciceron (1975) *Izbrannye sochineniia*. Moscow, Khudozhestvennaia literature, 456 p. [in Rus].
16. Merifild E. (2018) *Liubitel. Iskusstvo delat to, chto liubish*. Moscow, Ad Marginem Press, 200 p. [in Rus].
17. Pavlov A.V. (2016) *Sotcium i vlast*, no. 3, pp. 17—24. [in Rus].
18. Stending G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass*. Moscow, Ad Marginem Press, 328 p. [in Rus].
19. Filatov L.B., Lunkin R.N. (2005) *Sotsis*, no. 6, pp. 35—45 [in Rus].
20. Florida R. (2011) *Kreativnyi klass. Liudi, kotorye meniaiut budushchee*. Moscow, Klassika — XXI, 432 p. [in Rus].
21. Shalagina G.E. (2015) *Vestnik ekonomiki, prava i sotciologii*, no. 3, pp. 278—282 [in Rus].

For citing: Shalagina G.E. Non-institutional humanities, philosophical practice, informal education: the contours of the educational creative industry // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (87). P. 116—126. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126

UDC 001.3, 001.92, 101.3, 316.74

NON-INSTITUTIONAL HUMANITIES, PHILOSOPHICAL PRACTICE, INFORMAL EDUCATION: THE CONTOURS OF THE EDUCATIONAL CREATIVE INDUSTRY

Gulnara E. Shalagina,

Kazan National Research Technological University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and History of Science,
Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor
The Russian Federation, 420015,
Kazan, ulitsa Karla Marxa, 68.
E-mail: galanova@rambler.ru

Abstract

Introduction. Non-institutional humanities, philosophical practice, and informal education are “a family like” phenomena that are outside the social institution of science and education and are adjacent to socio-cultural activities and social work. The purpose of the article is to outline the contours of the informal educational creative industry in the postmodern society, which combines non-institutional humanities, philosophical practice, and informal education.

Methods. The author uses the methods of autobiographical reflection, comparative analysis, empirical observation and analysis of the primary sources of non-institutional humanities.

Scientific novelty of the research. The transition to nonmaterial work of the postmodern era is the reason for the relevance of the area under study. The growing demand of a contemporary for such issues as the meaning of life, happiness, the growth of the precariat, the ousting of philosophy from formal education constitute a new social reality that determines the novelty of the research in the informal educational creative industry.

Results. The author classifies non-institutional humanities according to the spheres of its existence and the strategies of subject genesis presented in the teachings. The concept of dedifferentiation is considered as an explanation of the area under study in postmodernism. The specificity of the philosophical approach in the work of a practicing philosopher is considered.

Conclusions. The author connects the prospects of the informal educational creative industry with institutionalization in the way of leisure, entertainment, and other personal services. The author makes conclusions about the differences between formal and informal education, and indicates the risks and opportunities for the development of the informal philosophical sector.

Key concepts:

non-institutional humanities,
philosophical practice,
informal education,
informal educational creative industry,
dedifferentiation,
postmodernity.

Для цитирования: Доронина С. Г.
Философское исследование
феномена детства: проблемы и перспективы //
Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 127—137.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-127-137.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-127-137

УДК 165+101.8:303.1

ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ДЕТСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Доронина Светлана Геннадиевна,
Институт философии
Национальной академии наук Беларуси,
Центр историко-философских и компаративных
исследований, аспирант.
Республика Беларусь, 220072,
г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2
E-mail: svetadoris@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируются проблемы и перспективы изучения феномена детства, обосновывается специфика и преимущество философских подходов, осуществляется попытка эксплицировать оптимальные методы и стратегии научного поиска, коррелирующие с эпистемологическими, онтологическими, аксиологическими установками и допущениями современной парадигмы, в рамках которой этот феномен проблематизируется и рефлексивно осмысливается.

Цель. Целью данной работы является выявление специфики исследования феномена детства в контексте философского подхода.

Методы. В работе использовались общенаучные методы исследования, такие как анализ и синтез, выступающие в качестве философских инструментов. Теоретическая реконструкция и компаративный анализ, а также герменевтический метод прочтения текстов применялись с целью выявить особенности изучения феномена детства, его проблемы и перспективы.

Научная новизна исследования. Научная новизна и значимость результатов исследования определяется тем, что в нем: установлена специфика исследования феномена

детства; выявлены преимущества философских методов и подходов, ориентированных на понимание и описание данного объекта, создание интегративного представления о нем; определены перспективы развития, связанные с устранением ассиметричных способов взаимодействия в научном дискурсе, формированием междисциплинарных связей.

Результаты. В ходе работы были установлены актуальные проблемы философского исследования феномена детства, а также выявлены перспективы их решения, связанные с необходимостью формирования интегративного представления о детстве в контексте междисциплинарного синтеза, с использованием философских методов и подходов, позволяющих интегрировать детский опыт в исследовательский дискурс, не выходя за рамки стратегий научного поиска.

Выводы. Философское исследование феномена детства охватывает широкий спектр проблем, решение которых предполагает поиск ответов на вопросы, связанные, во-первых, с эпистемологическими и методологическими аспектами познания детского опыта; во-вторых, с онтологическими, экзистенциальными и аксиологическими контекстами исследования. Стратегии философского исследования нацелены на системное познание феномена детства, установление зависимости между методами, эпистемологическими, онтологическими, аксиологическими и др. допущениями, на которых базируется познание, и формированием концептуальных представлений о детстве, участвующих в конституировании отношений «взрослый — ребенок», воспитательно-образовательных практик в обществе и культуре.

Ключевые понятия:

феномен детства,
эпистемология детства,
переоткрытие детства,
философские методы,
диалектическое развитие,
диалог,
междисциплинарное исследование.

Введение

При первом приближении словосочетание «философия детства» может показаться метафорой, не имеющей никакого отношения к научно-исследовательской деятельности. Этому обстоятельству способствуют существующие в обществе и культуре представления о детстве как очевидном, предзаданном явлении, психофизиологической стадии развития, предвещающей взросление, в то время как данный объект научных изысканий, по мнению многих современных ученых и философов, представляет собой сложный многомерный феномен, для исследования которого необходима разработка собственных методов и подходов¹.

Начиная с 1960-х годов, ориентированные на переоткрытие и переоценку феномена детства исследования отказываются от интерпретации ребенка как пассивного объекта изучения и воздействия социальных практик, однозначных формулировок и универсализации детского опыта, что указывает на трансформацию эпистемологических и онтологических допущений, смену методологических подходов, поднимающих вопросы изучения этого объекта на качественно новый уровень. Формирование новой парадигмы исследования обусловлено попытками вернуться «назад к детям»², эксплицировать характеристики «чистого» детского опыта, что, в какой-то степени, является стилем современного теоретизирования и олицетворяет собой способ уклонения от онтологических обязательств материалистического монизма, в надежде обнаружить новую форму единства, не разорванную картезианством [19, p. 77].

Однако, как показывает исследование, в рамках постмодернистского проекта, направленного на гуманизацию отношений «взрослый — ребенок», децентрализацию власти и устранение редукционистских подходов, возникает ряд новых проблем и парадоксов, требующих критического осмысления и решения. С одной стороны, новая парадигма исследования детства, в основе которой лежит принцип изменчивости и не-

однозначности, порождает плюрализм мнений, множественные миры «детства», конституируемые на пересечении различных социально-культурных и естественнонаучных систем [17]. С другой стороны, такая специфика указывает на смещение целей исследования — с достижения объективного знания о детстве в сторону конструирования интегративных представлений о нем. Возникают дополнительные теоретические вопросы и практические проблемы, имеющие отношение к реализации и реорганизации полученного знания о данном объекте, ревизии эпистемологических подходов, аксиоматики и методологической оптики, необходимости проведения исследований в рамках междисциплинарного синтеза.

Обсуждение

Проведенный автором анализ русскоязычных и англоязычных научных статей, диссертаций, монографий показал, что современное знание о детях представляет собой мозаичную картину, в рамках которой дисциплины разбивают исследовательский объект на отдельные сегменты, оставляя за границами внимания важные факты, оказывающие существенное влияние на понимание и изучение этого феномена. Даже при наличии экспериментально подтвержденных данных и использовании выверенных статистических методов, такой методологический плюрализм вносит существенные искажения в исследование и понимание феномена детства [23, XI].

Изобилие исследовательских позиций, продуцирующих множество концептуальных рамок, порождает не только эпистемологические проблемы, но и ряд образовательных и педагогических парадоксов [22, p. 21]. Дети изначально вписаны в онтологические модели и научные картины мира, пространство объяснительных конструкций, часто без учета специфики их субъективного опыта. Этого логического круга трудно избежать даже в рамках научного подхода, поскольку четких критериев определения детства и взрослости не существует — дети являются одновременно и другими (иными), имеющими собственные характеристики и имманентный опыт, и потенциальными взрослыми, обладающими схожими природными данными, функциями и потребностями. Процесс обучения и воспитания, педагогические технологии также основаны на определенных представлениях о детстве, фундированных теориями, построенными на ряде эпистемологических допущений, на основании которых не только дети, но

¹ О сложности и неоднозначности этого объекта исследования и феномена можно судить по следующим работам: Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус : [Темат. слов.-справ.]. М., 2018; Kennedy D., Bahler B. *Philosophy of Childhood Today: Exploring the Boundaries*. New York, 2016.

² XX век назвали «Веком ребенка» после выхода в свет работы Кей Э. Век ребенка, 1910. Об этой новаторской работе и ее влиянии можно узнать в труде Henry-Huthmacher C. 1900—2000 *Das Jahrhundert des Kindes. Verheißungen, Realität, Herausforderungen*, 2001.

и взрослые эксперты учатся действовать в соответствии с «верованиями» и убеждениями¹.

Несмотря на то что эпистемологические и онтологические основания теорий подвержены изменению, цель научного поиска обычно коррелирует с достижением объективного знания, минуя субъективные, а также ориентированные на понимание и описание формы познания. «Приращение» детей к принятой за абсолют картину мира является одним из способов их адаптации и укоренения в «жизненном мире» взрослых, существующем в какой-то степени в качестве набора гипотез.

Следовательно, в том случае, если речь идет об эпистемологическом статусе научных моделей детства, то существует острая необходимость их рефлексивного осмысления и глубокого анализа, поскольку они могут в равной степени как приблизить к постижению этого феномена, так и внести существенные искажения в его понимание [21, р. 26].

Ряд специалистов по когнитивному развитию детей не разделяют гегемонистических тенденций и — вслед за анархической эпистемологией П. Фейрабента — наравне с научным типом познания признают альтернативные способы проникновения в тайны Бытия. Осваивая и познавая мир, дети используют не неверные и не необъективные онтологические и эпистемологические установки, а иные — не совпадающие с взрослыми. Дети наравне с учеными обладают способностью построения различных гипотез и теорий, пояснительных структур, что аргументированно подтверждено рядом современных открытий².

Если выстраивать логику исследования, исходя из построения разделительных конструкций между взрослыми и детьми, а не поиска тождеств, то можно говорить о существовании двух типов онтологии и эпистемологии. Ребенок начинает с «наивного» или «интуитивного» познания, интерпретирует мир, исходя из психологии восприятия, в то время как взрослый ориентируется на причинно-следственное объяснение связей. Эти различия предопределяют интенции и цели познания взрослых и детей: сдвиг в

¹ В качестве разъяснения специфики обоснования логики научного познания «послекуновского периода» можно обратиться к работам французского философа Ж. Делеза, П. Фейрабента и Б. Латура. ² См., например, работы Gopnik A. *The Philosophical Baby*, 2010; Gopnik A. *Scientific thinking in young children: Theoretical advances, empirical research, and policy implications*. New York, 2012; Buchsbaum D. et al. *The power of possibility: Causal learning, counterfactual reasoning, and pretend play*. New York, 2012.

сторону причинной объяснительной конструкции происходит по мере погружения ребенка в «жизненный мир» взрослых, что, с философской точки зрения, выражается в расщеплении целостной недифференцированной реальности на субъект как продукт радикальной рационализации, и противостоящий ему замкнутый на себе объект [14, р. 170, 185, 194, 200]. Несмотря на то, что картина мира и наши знания о нем являются результатом научного познания, их сложно найти в простодушном ребенке или в неискушенном человеке.

Вне осознания этих фактов, дети, порой не вписывающиеся в научный и социальный ландшафт, считаются «примитивными» существами, занимающими низший уровень в иерархии социальных отношений³. Аргументы, с помощью которых была выдвинута и узаконена маргинализация (от позднелат. *marginalis* — находящийся на краю) тех, кто не соответствует критериям научного определения взрослости, породила эволюционную эпистемологию, высшей точкой развития которой можно считать стадийную теорию когнитивного развития швейцарского психолога и философа Ж. Пиаже. Эта теория, обязанная своим происхождением дарвинизму и последующим открытиям в биологии и психологии, в дальнейшем была подвергнута критике известным русским ученым Л. С. Выготским за абстрактный подход к изучению высших психических функций у детей и социально-культурных механизмов развития, выстраивание жестокой иерархизированной вертикали эволюции от «неполноценного» ребенка к разумному взрослому.

Представления о детстве, как и оно само, не являются замкнутой стационарной системой — ребенок не автоматически включен в сообщество и поглощен им, а вовлечен в разговор и диалог со средой. Поэтому важной относительной переменной, влияющей на ход исследования, становится включение ребенка в социальные и научные практики, что подразумевает наличие и формирование каналов обратной связи — то, как мы относимся к детям, формирует их собственную реакцию относительно взрослой культуры, влияет на способы организации отношений.

Кроме гегемонии научной картины мира, согласно которой в обществе и куль-

³ Об особенностях восприятия взрослыми детей можно ознакомиться в следующих работах: Демоз Л. *Психоистория*, 2000; Postman N. *The disappearance of childhood*. London, 1982; Ariès, P. *Centuries of Childhood*, Элиас Н. *О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования*. М., 2001.

туре формируются представления о детях, существует монополия на языковые выражения, функционирующие в соответствии с основными законами и правилами, доминирующими над восприятием и действием ребенка. Обучаясь языку, дети заранее усваивают подверженные изменению нормы и границы познания, но не его фундаментальные основания [2, с. 103 (п. 472—474)]. Языковая игра, подобно уравнению, редуцирует восприятие к общепринятым кодам и правилам, зачастую, исключая субъективные интенции и созерцательное понимание явлений. То же самое можно сказать и о правилах социального этикета и поведения, играющих значительную, порой деструктивную, роль в адаптации ребенка¹.

Существуют и другие причины, по которым считается неправомерным использовать исключительно научные критерии объективности в исследовании таких феноменов, как детство. Во-первых, некоторые исследователи аргументированно доказывают факт обусловленности большинства эпистемологий детства субъективными предпочтениями, мировоззренческими установками взрослых экспертов, в соответствии с которыми формируются представления о детях, интерпретируется их внутренний опыт [22, р. 69—79]. Во-вторых, существуют консервативные тенденции сохранения и почитания «традиционных» представлений о детстве в культуре и обществе, что указывает еще на один аспект исследовательской проблемы. В каждую эпоху возникает острая необходимость «заморозить собственный уникальный опыт в исторической форме жизни» [20, р. 333—334], что в условиях параллельного развития современных многовекторных исследований — начиная от биологически детерминированных концепций развития и заканчивая социально-психологическими теориями взросления — приводит не только к проблеме качественной неоднородности и историческим разрывам в повествованиях о детстве, но и невозможности получения целостного представления об этом феномене. В-третьих, детство описывается преимущественно как идентификатор психических, биологических и социальных явлений взрослой жизни, а не в качестве феномена *per se*. Такая редукция, согласно М. Хайдеггеру, является неизбежной операцией научного разума: «Наука сталкивается всегда только с тем, что допущено в качестве доступного ей предмета ее способом

¹ См., например, работы Элиаса Н. Общество индивидов, 2001; Придворное общество, 2002; О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования, 2001.

представления», изначально не допуская «самого по себе» существования объекта в качестве определяющей действительности [13, с. 319]. Дисциплины декодируют объекты исследования, часто проблематизируя их «означающие» и делая неактуальными их содержание.

Другими словами, поворот к самому феномену предполагает отказ от выше изложенной логики рассуждения и переосмысление ныне существующих концепций детства и их методологии. Поэтому одна из задач философского исследования детства сопряжена с рефлексивным осмыслением получивших широкую известность концепций, диахроническим и синхроническим анализом понятия «детство» в истории философии и культуры. Другая, вытекающая из первой, — с установлением степени влияния эпистемологических подходов и научных моделей детства, субъективных исследовательских установок на формирование представлений о детях в культуре и обществе, в соответствии с которыми формируются отношения «взрослый — ребенок», конституируются образовательные технологии и практики.

Актуализация именно философского контекста представления феномена детства предполагает, что «философ вынужден приписывать проблеме более широкий контекст, чем тот, в котором она обычно рассматривается как научная, религиозная или повседневная проблема. Ему приходится искусственно погружать ее ... в генетически несвойственные ей многообразные отношения» [5, с. 19—32]. Иначе говоря, при анализе эмпирического материала исследователю необходимо учитывать факт постоянной обусловленности теорий детства, наличие неявных «навязчивых фильтров», что подразумевает необходимость вникать в большое количество контекстуальных факторов, поиск новых методологий и оптимальных условий проведения исследований.

Феномен детства невозможно анализировать и исследовать как в терминах определенной системы, объясняющей только функциональные состояния ребенка, так и в терминах каузальной причинности, типичной для ученого. Применяемый в научных исследованиях метод экстраполяции дает схематическое представление о детстве и, исходя из данных, полученных опытным путем, — физиологических, психологических, биологических и др. коррелятов поведения ребенка — позволяет вывести универсальные характеристики, «общий тип» детского опыта. В то время как специфический субъективный характер опыта ребенка остается вне понимания, поскольку имеет большую

вариативность и сложность, ноуменальную плотность, что представляет наихудшую форму «когнитивного диссонанса» (Т. Негель).

С одной стороны, эпистемология детства тесно связана с проблемой формирования понятий, описывающих субъективный опыт ребенка, с другой — с прояснением ситуации, касающейся возможности познания природы детства и его характеристик. В последнем случае, чтобы достичь объективного знания «точка зрения» первого лица — в данном случае ребенка — должна выноситься за скобки; в первом, — являясь квинтэссенцией внутреннего мира, точка зрения ребенка фиксирует и описывает собственное уникальное бытие. Так как знание базируется не только на простом факте существования (*substare*), а на понятийном фундаменте, то кроме выше перечисленных актуальных вопросов дополнительно возникает проблема референции.

В таком контексте практический методический вопрос о способах получения доступа к достоверному опыту детства превращается в парадокс, поскольку с одной стороны, оно принципиально непознаваемо, а с другой — представления о нем обусловлены исследовательской позицией ученого. Поэтому речь скорее может идти не о познании, а о попытках найти способы, позволяющие выявить и отделить исследовательскую оптику и идеологическую ангажированность от непосредственного опыта детства. Также речь идет о поиске подходов, помогающих противостоять чрезмерным претензиям на объективность и ориентированных на установление точки «слияния горизонтов» объекта и субъекта исследования (Х.-Г. Гадамер), пересечения опыта «я» и опыта «другого» в их взаимном переплетении (М. Мерло-Понти).

Гипотетически, принадлежащий к определенному научному дискурсу взрослый эксперт описывает не «природу» детства, но связь между ребенком и уже не являющимся им существом, в которой отражены представления определенной культуры и традиции, социальные факторы и функции. Следуя этой логике, например, социальная интерпретация объекта исследования подразумевает замещение его содержания функциями общества, имитирующих их [6, с. 344]. Аксиоматический подход объясняет, почему так легко и безболезненно принимаются любые определения феномена в рамках конкретной дисциплины, ограничивая предмет изучения дисциплинарными смыслами.

Попытка избежать логического круга в определении ребенка связана с введением

и обозначением границ в понимании того, что «исходит от нас, а что от него», устранением «безличного мышления», «естественной установки», с которой соотносит себя наука [8, с. 133; 4, с. 249—257]. Такой ракурс рассмотрения предполагает, что артикуляция эпистемологической проблемы познания феномена детства актуализирует вопросы, связанные с ментальной (и/или когнитивной) репрезентацией объекта и психологической проекцией (лат. *proiectio* — «бросание вперед»), являющимися общими для всех без исключения людей психологическими механизмами переноса собственного опыта на исследуемый объект, внутренними форматами кодирования, привносящими большие перцептуальные и концептуальные искажения в исследовательскую деятельность [10, с. 15].

Кроме того интенция ученого (и/или наблюдателя) и детей априори не могут быть тождественными, в результате чего полученные в ходе исследования данные рискуют быть отражением субъективной исследовательской позиции. Согласно открытиям психоанализа (З. Фрейд), которые позже были подтверждены современными когнитивными и нейронаучными исследованиями¹, существует следующий отягощающий эту ситуацию фактор — феномен «детской амнезии» (или «инфантильной амнезии») как неспособности взрослых людей ясно и в деталях помнить свое детство. Этот факт существенно затрудняет поиск оптимальных языковых выражений описания детского опыта — им нет эквивалента во взрослой жизни.

Известный русский ученый Л. С. Выготский, подчеркивающий некорректность использования понятия «детская амнезия» применительно к опыту ребенка, указывал на социально-культурную детерминацию автобиографической памяти, а не на ее потерю². В онто- и филогенезе функциональная и системная организация автобиографической памяти формируется в процессе социальных взаимодействий ребенка и взрослого, языковых практик, что свидетельствует о возможности обнаружения в автобиографических описаниях и материалах детского творчества способов взаимодействия, практик социализации и индивидуализации, а не следов «чистого» опыта детства.

¹ См. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. М., 1998; Bauer, P. J. Amnesia, Infantile. Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development. London, 2020.

² Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1983.

Между психологическим анализом возможности конституирования детского опыта и философским исследованием, ориентированным на выявление способов регистрации субъективного бытия, существует связь, практическая реализация которой возможна только при наличии конкретных философских уточнений, а именно — герменевтико-феноменологического контекста [1, с. 61—62]. Чтобы выявить в какой степени взрослые участвуют в создании «образа детства» и менталитета ребенка, установить «зеркальный эффект», вносящий коррективы в отношения взрослых и детей, философское исследование, по возможности включающее историко-культурный, психологический, социальный и др. аспекты рассмотрения феномена, должно базироваться на методах, в меньшей степени зависящих от проекций и установок исследователя. Эта специфика напрямую коррелирует с проблемой «методологического отчуждения», характерной для социально-гуманитарных наук [3, с. 24—27] и опытом систематического отделения и деконстуализации объекта исследования, попыткой охарактеризовать его с определенной «точки зрения» [7]. Ответ на вопрос «каково это быть ребенком?» требует выхода за рамки общеизвестных естественнонаучных и социально-гуманитарных методов исследования.

В этом ракурсе рассмотрения заявление об отсутствии знаний, необходимых для того, чтобы думать о субъективном характере опыта, не пытаясь поставить себя на место субъекта переживания, можно расценивать как попытку разработать методы, менее зависящие от проекций, отождествления или воображения исследователя, направленные на формирование интегративных представлений и понятий. Речь идет об «объективной феноменологии» [9] и герменевтических подходах, нацеленных на понимание и адекватное описание структурных черт детского и взрослого опыта, их обусловленности, зачастую остающейся за границами собственного осознания, по причине нежелания задаваться такими ненужными вопросами, как, например, «что такое детство и взрослость?».

Задача таких подходов заключается в том, чтобы, во-первых, в адекватной форме понять субъективный характер детского опыта, во-вторых, разработать метод описания, позволяющий передать структурные черты восприятия, альтернативные понятия, отражающие опыт с позиции «первого лица». Решение этих задач, несмотря на неопределенность феномена детства, может

легко превратиться в познание собственных исследовательских способностей.

Итак, современные методологические дискуссии, ориентированные на поиск в меньшей степени зависящих от взрослых репрезентаций и способов проникновения в детский мир, во многом связаны с попытками отделить отчужденный опыт «детскости» («неподлинный») от сущности детства, не подающейся однозначной концептуализации. Традиционные аргументы в пользу невозможности преодоления исследовательской дистанции лишней раз свидетельствуют о том, что за установками ученых, интерпретирующих детский опыт, прячутся «аутентичные голоса детей» [18, р. 261—272], порой не имеющих достаточных навыков и компетенций для выражения собственного опыта.

Дополнительные препятствия на пути формирования новых концептуальных оснований изучения детства возникают при попытках преодолеть асимметрию в отношениях взрослых и детей, поиске теоретических и практических возможностей осуществления этого процесса. Определенные наработки по преодолению выше указанной проблемы можно найти в современных работах по социологии, делающих акцент на важности переформулирования предметной области исследования детства, формировании междисциплинарных связей, объединении теории и практики, в рамках которых ребенок являлся бы активным аксиологически значимым субъектом исследования.

Ключевое значение в таком подходе имеет вынесение за скобки любых форм предустановленного знания о различиях между взрослыми и детьми, а также интеграция детского опыта и способностей ребенка в общий ход исследования. Базирующиеся на понимании ребенка как акторе методы фокусируются на значимости и ценности детского «голоса», на анализе социальных и др. конструкторов, позволяющих судить о непосредственном опыте детства [16, р. 93].

В том случае, если дети являются вовлеченными, проинформированными, проконсультированными и услышанными субъектами совместной научной деятельности [15, р. 481], то можно говорить об «участном» исследовательском принципе, коррелирующим с подходами в философии диалогизма и экзистенциально-феноменологической традиции (М. Бубер, М. М. Бахтин, Э. Левинас), а также о наличии в эпистемологии детства этического контекста. На фундаментальном уровне эпистемология детства фундирована этической проблематикой, а эпистемологический статус ребенка,

порожденный знанием, обусловлен морально-правовой и аксиологической значимостью детей в обществе и культуре, возможностями адекватной интерпретации их опыта и его соотносительности с научным дискурсом.

Вовлечение ребенка в исследование поднимает новые методологические вопросы, связанные с выявлением ряда стереотипов и «предрассудков» у взрослых людей, помочь выявить и разрешить которые может только непосредственно «находящийся в детстве», в то время как взрослый наблюдатель, благодаря удаленной позиции, способен подвергать рефлексивному осмыслению опыт ребенка. Позиционируя детство основным предметом интереса, взрослый эксперт автоматически входит в зону диалектического развития и взаимодействия, успешность которого во многом определяется знанием себя и феномена взрослости.

Исследование детства нуждается не только во внешних аргументах, но и в имманентных ему источниках, таких как автобиографии, которые могут внести как определенность, так и искажения в дискурс об этом объекте. Являясь ретро-интерпретацией, восстановленным в памяти опытом детства, автобиографические описания, подобно историографическим описаниям, редуцирующим историческую память к наиболее ценным фактам с целью построения непротиворечивой целостной картины прошлого, в реальности представляют совокупность воспоминаний и обрывочных сведений, вольную интерпретацию значимых для человека событий¹.

Невозможность определения ребенка с позиции «авторитетного наблюдателя» приводит к необходимости включения в исследование интроспективных методов, которые являются часто субъективными и фрагментарными, что свидетельствует о единственной возможности прийти к адекватной интерпретации детского опыта через диалоговые формы общения. Здесь диалог является не просто актом коммуникации, направленным на преодоление дистанции между взрослым и ребенком, а методом функционального определения субъективного опыта в процессе его деятельности, общения и символизации окружающего пространства (Э. Кассирер).

При отсутствии гомогенности в восприятии взрослых и детей «голос» ребенка становится единственным посредником, позволяющим понять и усвоить его точку зрения,

сделать ее транзитивной, несмотря на то что язык каждого человека покрыт «густым облаком неподражаемых ассоциаций» — начиная от субъективного детского опыта и до объективного научного познания².

Обозначенная специфика исследования может помочь также выявить проблемы отношений «взрослый — ребенок» в целом, указать на невозможность окончательного не опосредованного взрослыми представлениями понимания детской культуры, что вызывает к необходимости сохранять определенную долю самокритики, напоминая о том, что взгляд исследователя на мир является одной из возможных интерпретаций (Ф. Ницше).

Удовлетворительное и оптимальное исследование детства предполагает включение не только различных дисциплин и упоминание сотни имен ученых, мыслителей и педагогов — начиная от древних античных, с их представлениями о ребенке как неполноценном существе (Платон, Аристотель), и заканчивая современными концепциями детства, в основе которых лежит образ ребенка-философа (Г. Метьюз, Д. Кеннеди, Н. С. Юлина и др.). Существенное прояснение в исследование могут внести источники, содержащие следы детского творчества. Использование детских «эго-документов» (диалоги, эссе, дневники, автобиографии и т. д.) в качестве эмпирического материала позволит приблизиться к пониманию феномена детства и говорить о правомерности многих современных открытий и заявлений, а именно:

- эволюция представлений о детстве (Ф. Арьес);
- позитивные тенденции в трансформации полярных отношений «взрослый — ребенок» (Л. Демоз);
- исчезновение детства (Н. Постман);
- существование детей-философов, наделенных наравне с взрослыми автономией и когнитивными способностями (М. Липман, Г. Метьюз, Н. С. Юлина и др.).

В случае обнаружения аргументированных доказательств, подтверждающих такие заявления, философское исследование также направлено на установление последствий этих открытий и заявлений, степени их влияния на формирование современных представлений о детстве, отношения «взрослый — ребенок», воспитательно-образовательные практики в культуре и обществе XXI века.

¹ См. Loftus E. *Illusions of Memory*. London, 1998; Zerubavel E. *Social Mindscapes: an Invitation to Cognitive Sociology*. London, 1997.

² См. Стайнер Дж. *После Вавилона: аспекты языка и перевода*. М., 1971; Выготский Л. С. *Воображение и творчество в детском возрасте*. М., 1967.

Подводя итог предварительной постановки проблемы, можно отметить, что теоретическая и практическая эффективность новых подходов в исследовании феномена детства на данный момент является дискуссионной и ангажированной постмодернистскими идеями в науке, философии и культуре, что лишний раз подтверждает теорию «сконструированного детства». Чаще всего понятие «детство» используется в качестве неавтономного теоретического и социального конструкта, используемого в бинарных формах рассуждения взрослых исследователей, что свидетельствует о том, что точкой отсчета априори является культура взросло-го мира.

Следовательно, изучение феномена детства целесообразно начинать с проникновения в смыслы и содержание взрослой культуры, что особенно актуально для научных исследований, ориентированных не на создание утопий (от др.-греч. οὐ «не» + τόπος «место»), а изучение гетеротопий (от греч. ἕτερος (hétēros), «разные», «другие», «отличающиеся» и греч. τόπος «место»), которые, подобно различным пространствам, одновременно и представляются, и оспариваются, трансформируя друг друга [12, с. 191].

С учетом специфики развития детской памяти («белых пятен» взросления), а также ряда эпистемологических проблем, сопряженных с невозможностью узнать «каково это быть кем-то» с позиции первого лица, не исключено, что многочисленные образы детства представляют собой теоретические конструкции взрослого разума, далекие от внутреннего опыта ребенка и содержащие различные формы «предрассудков» (Х.-Г. Гадамер).

Это фундаментальное предположение позволяет прийти к следующему выводу — любое исследование детства изначально обусловлено рамками культурно-исторической и научной традиции, социально-экономическими условиями, следовательно, не может претендовать на окончательную системность и обоснованность. Такой вывод делает особенно актуальным современное исследование детства, в контексте междисциплинарного синтеза, который, используя терминологию Р. Рорти, можно назвать коммуникацией ученых, способностью генерировать новые дескрипции, порождающие «нормальный» современный дискурс [11, с. 279]. Не являющиеся источниками ни чисто субъективных, ни объективных высказываний современные исследователи постмодернистской науки находятся в постоянном диалоге с другими наложенными друг на друга перспективами наблюдения.

В результате чего структура научного ландшафта постоянно меняется, устраняя тем самым субъект — объектную оппозицию, поскольку речь уже не идет об отношениях предмета познания и исследователя, а о дискурсе и диалоге различных научных концепций.

Путем выявления отличающихся друг от друга значений детства и взрослости в разных концепциях, дисциплинах и исторических периодах можно обогатить не только философию детства, но и уточнить цели и задачи философии в целом, поскольку образ детства выступает в качестве символа человеческой природы, демонстрирующего изменчивость форм восприятия и знания. Если историко-культурологические и социологические контексты исследования позволяют понять, в какой степени представления о детстве обусловлены социально-культурными, историческими и др. факторами, то эпистемологические, онтологические и аксиологические аспекты познания этого феномена сопряжены с попытками эксплицитировать оптимальные тактики и стратегии научного поиска, выявлением существенных характеристик детского опыта, созданием интегративного представления о нем.

Вышеперечисленный спектр поставленных проблем и вопросов, связанных с междисциплинарной направленностью исследования детства, выводит за рамки философии в узком академическом смысле слова и подразумевает тот факт, что каждая область знания приближает к различным граням понимания этого феномена. Предполагается, что деконструкция различных концепций и образов детства повлияет также на понимание того, как выстраиваются современные отношения между ребенком и взрослым в повседневных и социальных практиках, формируется политика, культура и топика детства в XXI веке.

Заключение

Философское исследование феномена детства можно рассматривать как область философского знания, охватывающую целый спектр проблем, связанных с артикуляцией следующих вопросов.

Во-первых, это ряд вопросов, касающихся эпистемологических и методологических аспектов познания феномена детства: исследование возможности и границ познания детского опыта; определение эмпирического базиса, лежащего в основе объяснительных конструкций; установление скрытых интенций и предположений, определяющих ход и результат научной деятельности

ти; выявление способов конструирования и функционирования представлений о детстве, механизма их трансформации в истории человеческой культуры и мышления и т. д.

Во-вторых, это блок вопросов, имеющих отношение к онтологической, аксиологической и антропологической проблематике, культурно-историческому и социальному контексту исследования: выявление существенных характеристик бытия ребенка; определение тождественного и различного, а также специфического во взрослом и детском модусе бытия; выявление сходств и различий в мышлении взрослых и детей, их когнитивных способностях и практической деятельности; установление степени влияния социально-культурных и исторических процессов на формирование представлений о детстве в обществе и культуре, механизм взаимодействия ребенка и взрослого и др.

Первый блок вопросов направлен на исследование феномена детства, исходя из знания, продуцируемого преимущественно с позиции взрослого мира (третьего лица) — ребенок исключен из научного дискурса. Второй блок вопросов нацелен на преодоление этой дискриминации и узких рамок исследований, приверженных зачастую инструментальным и прагматическим целям, поиск подходов и методов, позволяющих интегрировать детский опыт в исследовательский процесс, не элиминируя при этом тактики и стратегии научного поиска.

Первый шаг к пониманию детства связан с деконструкцией концептуальных представлений о нем. Второй шаг нацелен на реконструкцию и интегративное понимание феномена детства, для чего представляется актуальным применять герменевтико-феноменологические и диалогические методы исследования, ориентированные на описание и понимание исследовательского объекта, коррелирующие с вынесением за скобки любых однозначных концептуальных определений.

Дополнительно философское исследование феномена детства предполагает поиск ответов на ряд взаимодополняющих вопросов, а именно: насколько легитимно обращение к детскому «голосу» и использование симметричных подходов в исследовании; как связаны такие подходы с современными естественнонаучными, социокультурными и философскими концепциями детства; какие методы и источники являются предпочтительными и т. д.

Эти вопросы акцентируют внимание на таких важных аспектах философского рассмотрения детства, как невозможность его познания без определения и понимания

взрослой культуры и необходимости включения в научный дискурс ребенка как субъекта, чьи повествования и свидетельства дополняют эмпирический базис исследования. Такая специфика указывает на то, что в основании новых тенденций в исследовании феномена детства лежит принцип преодоления дуализма «взрослый — ребенок», акцентирующий внимание на необходимости переформулирования проблем и вопросов научного поиска, исходя из логики совместного сосуществования ребенка и взрослого.

Конкретные последствия такого рефлексивного вывода особенно важны, поскольку позволяют не только выявить закон диалектического развития взрослых и детей, но и актуализируют проведение исследования в рамках междисциплинарного синтеза, что способствует выявлению многогранных формулировок изучаемого объекта, их связи с современным научным ландшафтом, трансформацией отношений детей и взрослых в обществе и культуре.

1. Вдовина И. С. Морис Мерло-Понти: интерсубъективность и понятие феномена // История философии. 1997. Вып. 1. С. 61—62.

2. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67—120.

3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Э. Гуссерль. Избранные работы / сост. В. А. Куреной. М.: Территория будущего, 2005. Книга I. С. 243—258.

5. Касавин И. Т. Проблема и контекст. О природе философской рефлексии // Вопросы философии. 2004. № 11. С. 19—32.

6. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / пер. с англ. О. Столяровой // Социология вещей : сб. ст. ; под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 342—362.

7. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпараги. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.

8. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. М.: Ювента: Наука: Gallimard, 1999. 602 с.

9. Нагель Т. Каково быть летучей мышью? / пер. с англ. М. Эскина // Р. Д. Хофштадтер, Д. Деннет. Глаз разума. М.: Бахрах-М, 2003. С. 349—360.

10. Ришар Ж.-Ф. Ментальная активность. М. : ИПРАН, 1998. 232 с.
11. Рорти Р. Философия и зеркало природы / пер. с англ. В. В. Целищев. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
12. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 191—204.
13. Хайдеггер М. Вещь Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. М. : Республика, 1993. 447 с.
14. Carey S. Conceptual change in childhood. Cambridge MA : MIT Press, 1985. 240 p.
15. Christensen P., Prout A. Working with ethical symmetry in social research with children // *Childhood*. 2002. Vol. 9 (4). P. 477—497.
16. Cojocaru D. Challenges of childhood social research // *Revista de cercetare si interventie sociala*. 2009. Vol. 26. P. 87—98.
17. Prout A. The future of childhood: Towards the interdisciplinary study of children. Abingdon : Routledge Falmer, 2005. 167 p.
18. James A. Giving Voice to Children's Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials // *American Anthropologist*. 2007. Vol. 109 (2). P. 261—272.
19. Kennedy D. Changing Conceptions of the Child from the Renaissance to Post-Modernity: a Philosophy of Childhood. New York : The Edwin Mellen Press Lewiston, 2006. 274 p.
20. Keniston K. Psychological development and historical change // *The Journal of Interdisciplinary History*. 1971. Vol. 2 (2). The History of the Family. P. 329—345
21. Matthews G. The philosophy of childhood. Cambridge : Harvard University Press, 1996. 136 p.
22. Polokow V. The erosion of childhood. Chicago : University of Chicago Press, 1982. 246 p.
23. Postman N. The disappearance of childhood. New York : Delacorte Press 1982. 177 p.
5. Kasavin I.T. (2004) *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 19—32 [in Rus].
6. Latur B. (2006) *Kogda veshchi dayut sda-chi: vozmozhnyj vklad "issledovaniy nauki" v obshchestvennyye nauki* // *Sociologiya veshchey*. Moscow, Territoriya budushchego, pp. 342—362 [in Rus].
7. Merlo-Ponti M. (2006) *Vidimoe i nevidimoe*. Minsk, Logvinov, 400 p. [in Rus].
8. Merlo-Ponti M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya*. Moscow, Yuventa, Nauka, Gallimard, 602 p. [in Rus].
9. Nagel' T. (2003) *Kakovo byt' letuchej mysh'yu?* // R.D. Hofstadter, D. Dennet. *Glaz razuma*. Moscow, Bahrah-M, pp. 349—360 [in Rus].
10. Rishar ZH.-F. (1998) *Mental'naya aktivnost'*. Moscow, IPAN, 232 p. [in Rus].
11. Rorti R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 320 p. [in Rus].
12. Fuko M. (2006) *Drugie prostranstva // Intellektualy i vlast': izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Part 3. Moscow, Praksis, pp. 191—204 [in Rus].
13. Hajdegger M. (1993) *Veshch' Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya*. Moscow, Respublika, 447 p. [in Rus].
14. Carey S. (1985) *Conceptual change in childhood*. Cambridge MA, MIT Press, 240 p. [in Eng].
15. Christensen P., Prout A. (2002) *Childhood*, vol. 9(4), pp. 477—497 [in Eng].
16. Cojocaru D. (2009) *Revista de cercetare si interventie sociala*, vol. 26, pp. 87—98 [in Eng].
17. Prout A. (2005) *The future of childhood: Towards the interdisciplinary study of children*. Abingdon, Routledge Falmer, 167 p. [in Eng].
18. James A. (2007) *American Anthropologist*, vol. 109 (2), pp. 261—272 [in Eng].
19. Kennedy D. (2006) *Changing Conceptions of the Child from the Renaissance to Post-Modernity: a Philosophy of Childhood*. New York, The Edwin Mellen Press Lewiston, 274 p. [in Eng].
20. Keniston K. (1971) *The Journal of Interdisciplinary History*, vol. 2(2), pp. 329—345 [in Eng].
21. Matthews G. (1996) *The philosophy of childhood*. Cambridge, Harvard University Press, 136 p. [in Eng].
22. Polokow V. (1982) *The erosion of childhood*. Chicago, University of Chicago Press, 246 p. [in Eng].
23. Postman N. (1982) *The disappearance of childhood*. New York, Delacorte Press, 1982. 177 p. [in Eng].

References

1. Vdovina I. S. (1997) *Istoriya filosofii*, iss. 1, pp. 61—62 [in Rus].
2. Vitgenshtejn L. (1991) *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 67—120 [in Rus].
3. Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki*. Moscow, Progress, 704 p. [in Rus].
4. Gusserl' E. (2005) *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii*. Book 1. Moscow, Territoriya budushchego, pp. 243—258 [in Rus].

For citing: Doronina S.G. Studying the phenomenon of childhood philosophically: problems and prospects // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (87). P. 127—137. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-127-137.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-127-137

UDC 165+101.8:303.1

STUDYING THE PHENOMENON OF CHILDHOOD PHILOSOPHICALLY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Svetlana G. Doronina,

Institute of Philosophy
National Academy of Sciences of Belarus,
Center for Historical, Philosophical
and Comparative Studies,
Post-graduate student.
220072, Republic of Belarus,
Minsk, ulitsa Surganova, 1, bldg. 2.
E-mail: svetadoris@mail.ru

Abstract

Introduction. The author analyzes the problems and prospects of studying the phenomenon of childhood, justifies the specific features and advantages of philosophical approaches, makes an attempt to explicate the optimal methods and strategies of scientific inquiry, correlating with epistemological, ontological, axiological goals and assumptions of the modern paradigm, within which this phenomenon is problematized and reflexively comprehended.

The purpose of the work is to identify the specific features of studying the phenomenon of childhood in the context of the philosophical approach.

Methods. The author makes use of general scientific research methods such as analysis and synthesis, serving as philosophical tools. Theoretical reconstruction and comparative analysis, as well as the hermeneutic method of reading texts were used to reveal the peculiarities of studying the phenomenon of childhood, its problems and prospects.

Scientific novelty of the study. The study highlights the specific features of studying the phenomenon of childhood; the advantages of philosophical methods and approaches focused on understanding and describing the object under study, creating an integrative idea about it; the author determines development prospects associated with eliminating asymmetric methods of interaction in scientific discourse, and forming interdisciplinary ties.

Results. During the research, the author identifies the current problems of studying the phenomenon of childhood philosophically, as well as the prospects for their solution related to the need to form an integrative idea of childhood in the context of interdisciplinary synthesis, using philosophical methods and approaches which make it possible to integrate children's experience into research discourse, without going beyond the framework of scientific strategies.

Conclusions. The philosophical study of the phenomenon of childhood covers a wide range of problems, the solution of which involves searching for answers related, first, to the epistemological and methodological aspects of learning childhood experience; secondly, with ontological, existential and axiological contexts of research. Strategies of philosophical research are aimed at systemic learning the phenomenon of childhood, at tracing the relations between methods, epistemological, ontological, axiological and other assumptions on which cognition is based, and the formation of conceptual ideas about childhood, participating in the constitution of the "adult – child" relations, educational practices in society and culture.

Key concepts:

the phenomenon of childhood,
epistemology of childhood,
rediscovery of childhood,
philosophical methods,
dialectical development,
dialogue,
interdisciplinary research.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

9 декабря 2020 года, в Международный день борьбы с коррупцией состоялся Всероссийский Круглый стол с международным участием «Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России». Круглый стол проведен в режиме онлайн, объединившем две дискуссионные площадки в городах Москве на базе Дома общественных организаций (Москва, ул. Покровка д. 5) и в Ростове-на-Дону, на базе коворкинга «Рубин» (Ростов-на-Дону, пр. Театральный, 85). В работе Круглого стола приняли участие руководители Ставропольского филиала РАНХиГС, Курганского филиала РАНХиГС, Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), КЧГУ им. У. Д. Алиева, главные редакторы научных журналов «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» и «Социум и власть», а также научные работники МГУ им. М. В. Ломоносова, Московского государственного лингвистического университета, ПИУ им. П. А. Столыпина — филиала РАНХиГС, Ростовского государственного экономического университета, Пятигорского государственного университета, Ставропольского государственного педагогического института, Астраханского государственного университета, Уральского федерального университета и других учебных заведений.

Организаторами дискуссии выступили Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, Южно-Российский институт управления-филиал РАНХиГС, Общероссийское движение «Сильная Россия», Юридический факультет Южного Федерального университета, Академия права и национальной безопасности Южного университета (ИУБиП) и еще 14 вузов, а также Управление противодействия коррупции при Губернаторе Ростовской области.

С приветственным словом к участникам Круглого стола обратился председатель Президиума ООО «Офицеров России», Герой России, генерал-майор Сергей Липовой, который охарактеризовал масштабы угроз и вызовов, порождаемых коррупцией, а также наметил основные темы для обсуждения в рамках Круглого стола.

Заместитель директора ЮРИУ — филиала РАНХиГС Алексей Баранов, отметил, что в современной России проблема противодей-

ствия коррупции находится в центре внимания государства и общества, что объясняет регулярное обращение к данному вопросу со стороны компетентных представителей науки, руководителей органов власти и сотрудников правоохранительных структур. Качественная борьба с коррупцией — это основа эффективной системы государственного и муниципального управления и здорового общества в целом. Важность эффективной работы по организации противодействия сложно переоценить. Поэтому президентская академия, подчеркнул выступающий, как системообразующий вуз в своем сегменте, ведет регулярную масштабную работу по содействию этой деятельности. Южно-Российский институт управления проводит обучение по основам противодействия коррупции представителей органов власти и местного самоуправления, ведет информационно-просветительскую работу со студентами, преподаватели вуза выступают экспертами на заседаниях комиссии по конфликту интересов и соблюдению принципов служебного поведения, входят в состав Комиссии по противодействию коррупции при Губернаторе Ростовской области. Круглый стол проходит параллельно на двух площадках: это уже становится своего рода традицией и в очередной раз демонстрирует широкие возможности дистанционных технологий в организации работы, в том числе с научным сообществом. А. Баранов выразил уверенность, что очередная научная дискуссия станет значимым этапом в осмыслении подходов к противодействию коррупции и позволит сформулировать эффективные пути профилактики и борьбы с этим негативным явлением.

Владимир Колесников, генерал-полковник милиции в отставке, государственный советник юстиции 1-го класса, доктор юридических наук в своем докладе проанализировал общие закономерности развития коррупционных процессов в условиях современной цивилизации и высказал ряд предложений, направленных на повышение эффективности противодействия коррупции.

Член Высшего совета движения «Сильная Россия», председатель исполкома Общероссийской общественной организации «Офицеры России», генерал-майор в отставке Александр Михайлов в своем выступлении оценил уровень коррупции среди представителей исполнительной власти и народных избранников. В последнее время к уголовной ответственности привлекают большое количество чиновников, но надо

заметить, что большинство из них, несмотря на многомиллионные хищения, взятки сегодня не отправляются в следственный изолятор, а находятся под домашним арестом — это, как раз и показывает, как у нас относятся к коррупции», — заявил А. Михайлов. Спикер отметил, что очень часто завышается роль пойманных на коррупционных преступлениях представителей власти, а некоторые до сих пор при должности и формируют политику государства. «Ранее арест конкретного лица за нарушение, преступление рассматривался не только как мера пресечения, но и как мера профилактики, сегодня же арест чиновника уже не воспринимается обществом как какое-то значимое событие. Многие граждане полагают, что наказание для служащих если будет, то самым минимальным и сразу после окончания срока отбывания наказания бывший чиновник получит новую должность. А Михайлов в своем выступлении указал еще на одну актуальную проблему, которая может спровоцировать протестные настроения в обществе: инициативу депутатов Государственной Думы по «закрытию» информации и недопустимости средств массовой информации и общественности «проникать в жизнь депутатов и государственных служащих». При этом, А Михайлов отметил, что данная инициатива «прикрывается законом о конфиденциальности деятельности сотрудников правоохранительных органов, военных и других структур», при том, что публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления является ключевым принципом противодействия коррупции¹.

Игорь Андронников, заведующий сектором профилактики коррупции Управления противодействия коррупции при губернаторе Ростовской области, отметил, что коррупционная преступность по своим социальным негативным последствиям стоит в одном ряду с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, и не случайно при ее характеристике часто употребляется термин «угроза». Она наносит серьезный ущерб не только развитию государства и общества в целом, но и отдельного гражданина. Коррупция — одна из наиболее острых социально-политических проблем, существующих в российском обществе. Люди теряют веру в законность и справедливость, в обществе начинается

формироваться мнение, что все возникающие в жизни вопросы можно решить через коррупционные схемы, а обычному человеку, не обладающему властью и деньгами, ничего не добиться честным трудом, что в конечном счете ведет к росту протестных настроений. Поэтому ключевое значение приобретает не только справедливое наказание, но и профилактика коррупции, к которой следует активно привлекать молодежь.

Заведующий Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС, заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор Александр Понеделков оценил результаты проведенного в 2020 году Лабораторией социологического исследования в форме опроса экспертов 13 субъектов РФ: в областях — Ростовской, Волгоградской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Смоленской, краях — Краснодарском, Алтайском, Приморском, республиках — Татарстан, Карачаево-Черкессия, Карелия, Коми. А. Понеделков отметил, что, несмотря на то, что последние годы в антикоррупционную практику внедрены правовые нормы и стандарты, позволяющие своевременно выявлять и предупреждать коррупционные риски, эксперты, характеризуя причины коррупции, на первую ранговую позицию поставили ответ «недостаточно строгий контроль за действиями чиновников, их доходами и расходами». Эксперты обратили внимание на то, что наряду с принципом обеспечения неотвратимости наказания» в противодействии коррупции в обществе сформирован запрос на обеспечение адекватности наказания, которое по их мнению до настоящего времени во многих случаях, не соответствует тяжести совершенного противоправного деяния. В качестве значимой причины сохранения больших масштабов коррупции эксперты указали на низкий уровень правовой культуры у населения, что говорит о необходимости активизации антикоррупционного и правового просвещения, внедрения прогрессивных форм данной деятельности.

Основной упор сегодня должен быть сделан не только на применение репрессивных правовых мер по отношению к выявленным коррупционерам, а и на работе по противодействию коррупции в молодежной среде, на комплексном воспитании у представителей новой волны формирующейся политико-административной элиты и управленцев устойчивого негативного отношения к коррупции на уровне подсознания,

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/9c25ae5432dd35c13bb140322c13ccc304acc10cf.

используя для этого весь комплекс средств убеждения и взаимодействия, в том числе и религиозных, устанавливающих моральные запреты и ограничения.

А. Понеделков отметил, что сегодня как никогда актуально звучат слова выдающегося русского и публициста И. А. Ильина: «В современном мире есть множество таких несчастных безродных людей, которые не могут любить свою родину потому, что инстинкт их живет лично-эгоистическим или эгоистически-классовым интересом, а духовного органа они лишены <...> то, чего они хотят, есть распределение материальных благ, а все духовное им безразлично или враждебно. Духовно мертвый человек не будет любить свою родину и будет готов предать ее потому, что ему нечем воспринять ее...»¹

Поэтому в высших учебных заведениях молодежь должна принимать участие в работе по профилактике и предупреждению коррупционных нарушений. Реализовывать свои права представители студенчества могут через имеющиеся общественные институты, такие как студенческий совет, аппарат общественных уполномоченных представителей по правам студентов в конкретных ВУЗах. А. Понеделков считает, что только совместные усилия общества и государства в правовом, идеологическом и морально-нравственном воспитании у российской молодежи нетерпимости к любым проявлениям коррупции могут привести к уменьшению масштабов данной угрозы.

Бизнес-омбудсмен в Ростовской области, Олег Дереза, обратил внимание участников дискуссии на рост коррупционного давления на бизнес. Остановившись на анализе наиболее значимых нарушений коррупционного характера в экономической сфере О.Дереза высказал конкретные предложения о необходимости внесения изменений в Федеральный закон № 44 ФЗ (О закупках) в части критериев определения победителей в конкурсах и аукционах; об изменении определения стоимости товаров и услуг на момент заключения договора, а не по ценам прошедших периодов, умноженным на коэффициенты, неподкрепленные рыночными реалиями; об изменении норм контрольно-надзорных органов, в части исключения из них положений, которые прямо не влияют на жизнь и здоровья граждан и являются зачастую устаревшими и избыточными.

Руководитель Научно-учебного центра ИПНБ РАНХиГС при Президенте России, доктор юридических наук, профессор ЮРИУ

РАНХиГС Сергей Воронцов сообщил, что в Ростовской области в 2020 году проведено 11 научно-практических конференций и 9 научно-образовательных мероприятий для государственных и муниципальных служащих. В данных мероприятиях приняли участие более 3000 муниципальных служащих, около 2500 студентов и преподавателей шести высших учебных заведений нашего региона. Как следует из приведенных выше цифр, основной упор в предупредительно-профилактической работе сделан:

- во-первых, в сфере государственной и муниципальной службы, где в настоящее время фиксируется основное число правонарушений коррупционного характера, так как служащие в силу своего должностного статуса наиболее уязвимы к преступлениям коррупционного характера;
- во-вторых, в среде студентов высших учебных заведений и у молодых специалистов должно быть воспитано стойкое чувство отторжения к использованию коррупционных практик, механизмов и схем в предстоящей им практической деятельности, что, в конечном счете, будет способствовать минимизации уровня и масштабов коррупции в нашей стране. Следует также учитывать, что обсуждение в студенческой среде с привлечением квалифицированных экспертов проблем противодействия коррупции, вызывает живой интерес молодежи к данной теме и в конечном счете усиливает профилактический эффект антикоррупционной работы;
- в-третьих, среди гражданского общества России, отдельные представители которого при взаимодействии с органами власти могут выступать как в качестве лиц, у которых вымогают взятки чиновники, так и в качестве лиц, провоцирующих чиновников на получение взятки за решение вопросов коррупционными методами.

При этом С. Воронцов обратил внимание на недостаточную эффективность реализуемого комплекса мер по антикоррупционному просвещению населения. Так, по данным прокуратуры Ростовской области в 2019 году свыше полутора тысяч чиновников понесли дисциплинарную и административную ответственность, в суды были направлены 270 дел и осуждены 243 коррупционера. Однако, при наличии в Ростовской области 15 тысяч государственных и муниципальных служащих, только в 4 случаях госслужащие сооб-

¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. М. : Апостол веры : Альта принт, 2006. С. 240—241.

щили о том, что их склоняют к совершению преступления¹. Цифры явно несопоставимы.

В связи с изложенным, по мнению С. Воронцова необходимо внести коррективы в антикоррупционную работу в 2021 году. Основное внимание научно-учебный центр планирует сосредоточить на молодежной аудитории, с «младых ногтей» формируя в сознании студентов и молодых служащих устойчивую систему правовых и нравственных запретов и ограничений в целях воспитания внутренней установки личности на четкое и последовательное исполнение норм антикоррупционного законодательства не столько из-за угрозы возможных наказаний за нарушение установленных норм, а сколько в силу личного убеждения.

Феликс Шарков, заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, проф., заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики, заместитель декана факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС в своем выступлении сообщил об информационной составляющей коррупционных моделей коммуникации.

Директор Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) Андрей Голобородько поделился опытом моделирования ландшафта антикоррупционного просвещения молодежи на муниципальном уровне.

Директор Курганского филиала РАНХиГС, кандидат тех. наук, доцент Валерий Яхонтов остановился на анализе уровня коррупции как индекса развития социума.

Тему коррупционного давления на бизнес в области уголовной юстиции продолжил Константин Степанов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета.

Доктор политических наук, главный редактор научного журнала «Социум и власть» Сергей Зырянов выступил с докладом «Проблемы противодействия коррупции в современной России: региональная проекция».

Региональная проекция как с проявлением коррупции в России, так и с противодействием ей может быть понята и отчасти объяснена следующими основными причинами. Во-первых, изменившимся вследствие реализации принципа вертикали власти положением субъектов Федерации в системе государственного управления. Вертикаль властного управ-

ления привела к сужению и ослаблению функции контроля, в том числе правового, за деятельностью регионального и муниципального чиновничества, из-за ослабления на региональном уровне структур гражданского общества, примитивизации политической конкуренции, отсутствия в структурах представительной ветви власти реальной и конструктивной оппозиции, а также подчинённым положением самой представительной власти в отношениях с исполнительной региональной властью. В результате вместо многомерного контроля остался только контроль сверху, из федерального центра, осуществляемый посредством кадровой политики и деятельности правоохранительных структур. Во-вторых, уменьшением, начиная с 2014 года возможностей для роста региональной экономики, что породило повышенный интерес хозяйствующих субъектов к использованию денег региональных и муниципальных бюджетов, ставших серьёзным источником их доходов. В-третьих, из-за того что указанные выше обстоятельства стали причиной обострения конфликтов в региональных элитах, а это привело, с одной стороны, к уменьшению времени пребывания лидеров конкурирующих групп на вершине региональной власти, а значит и для кого-то из руководителей к стремлению использовать краткий миг властвования как можно полнее (во всех смыслах), с другой стороны, более частая смена руководителей региональной власти в рамках их отбора по правилам системы гильдий породила тенденцию к снижению управленческих и человеческих качеств и возможностей каждого нового пула руководителей регионов в сравнении с предыдущим.

Весь комплекс перечисленных причин хорошо иллюстрируется на протяжении второго десятилетия XXI века ситуацией с коррупцией в Челябинской области.

Обратимся к данным, которые привёл в своём интервью начальник управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генпрокуратуры Виктор Балдин. Он отметил, что больше всего фактов взяточничества в 2020 году зарегистрировали в Москве. В десятку лидеров по распространению коррупции входят Подмосковье, Башкортостан, Краснодарский край, Челябинская и Ростовская области, Дагестан, Пермский край. По словам Виктора Балдина, коррупции наиболее подвержены регионы, где сосредоточено обращение финансовых активов, происходит принятие экономически значимых решений, распо-

¹ Коррупционерами оказались более 1,5 тысяч чиновников Ростовской области. URL: https://www.donnews.ru/Korruptsionerami-okazalis-bolee-15-tysyach-chinovnikov-Rostovskoy-oblasti_102137.

ложены федеральные органы власти или крупные промышленные центры¹. Далее С. Зырянов отметил, что Челябинская область, по сути, представляет собой как раз один из таких регионов с крупными промышленными центрами. Актуальность проблемы, по его мнению, подтверждается и тем обстоятельством, что во втором десятилетии XXI века имена двух губернаторов, последовательно один за другим руководивших регионом, оказались связаны с обвинениями в коррупции.

В своём выступлении С. Зырянов также обратил внимание на данные, которые представил в своем телеграм-канале руководитель правозащитной группы «Агора» Павел Чиков. В России, по его словам, за последние пять лет за коррупционные преступления осудили десять губернаторов. Всего, начиная с 1996 года, в России к уголовной ответственности были привлечены 34 главы региона, в том числе 19 действующих, подсчитал П. Чиков².

Укоренённость коррупционных практик в Челябинской области ухудшает социально-экономическую ситуацию и повышает для региона риски в обеспечении безопасности во всех сферах его жизнедеятельности. В сложившейся ситуации важным и интересным аргументом представляется мнение жителей Челябинской области о коррупции. Результаты проведённых Челябинским филиалом РАНХиГС исследований свидетельствуют о том, что коррупционные проявления в Челябинской области аналогичны общероссийским по характеру, формам, источникам и результатам. Большинство жителей Челябинской области осознаёт, что коррупция представляет реальную угрозу самому существованию и устойчивому развитию как регионов страны, так и сложившейся российской политической системе и политическому режиму.

Анализ данных, полученных Челябинским филиалом РАНХиГС в ходе исследования удовлетворенности граждан работой органов власти и местного самоуправления позволил выявить ряд наиболее проблем-

ных с точки зрения локализации коррупционных практик во властных организациях и структурах. К их числу, по мнению информантов, прежде всего, относятся: на региональном уровне — служба по техническому и экспортному контролю (Ростехнадзор), а на муниципальном уровне — учреждения, занимающиеся вопросами предоставления земельных участков. По результатам социологического опроса индекс удовлетворенности деятельностью данных организаций хоть и остался в поле положительных значений, однако претерпел значительное снижение по сравнению с данными предыдущего замера.

Михаил Попов, доктор социологических наук, профессор главный редактор всероссийского научного журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» посвятил свое выступление историческому потенциалу коррупции в постсоветском трансформирующемся социуме.

По результатам дискуссии Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС планируется издание второго Сборника научных статей по проблемам противодействия коррупции³.

Подготовили:

Воронцов Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, и. о. директора Научно-учебного центра противодействия коррупции Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте России, профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте России; Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политологии и этнополитики, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте России

¹ Челябинская область вошла в топ-10 регионов по числу выявленных взяток // Коммерсантъ-Южный Урал. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4721313>.

² «Агора»: в России за пять лет осудили десять губернаторов. Еще пять находятся под следствием и судом. URL: <https://polit.ru/news/2021/02/24/gubernatory>.

³ См.: Противодействие коррупции на государственном и муниципальном уровне в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2020.

**ПАМЯТИ
СЕРГЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ВОРОНЦОВА
(01.11.1948 — 13.03.2021)**

Ушел из жизни профессор Сергей Алексеевич Воронцов — известный учёный, юрист, яркий публицист. Человек неординарный, деятельный, волевой и целеустремленный. Гражданин с высоким чувством ответственности, борец за справедливость, патриот своей страны.

Кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России. Опубликовал более 150 научных работ по проблемам борьбы с экстремизмом, терроризмом, коррупцией, организованной преступностью, а также по проблемам элитологии и политологии. Индекс Хирша Сергея Алексеевича — 38. Сергей Алексеевич был автором статей, опубликованных в научном журнале «Социум и власть»: «Проблемы модернизации современных российских элит» (2014), «Индикаторы коррупционной деятельности в системе государственной власти и местного самоуправления РФ» (2017).

В донском правительстве Сергей Алексеевич возглавлял жюри конкурса журналистских работ на лучший материал, посвященный противодействию терроризму и экстремистской идеологии «Безопасный Дон». Также входил в состав жюри конкурса «СМИ против коррупции». Ростовские журналисты часто обращались к Сергею Алексеевичу за экспертными комментариями.

В 2019 году в структуре Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва) был создан научно-учебный центр противодействия коррупции. По приглашению ректора РАНХиГС Сергей Алексеевич возглавил подразделение и организовал масштабную системную работу по развитию научной и образовательной деятельности РАНХиГС, совершенствованию методологической работы, направленной на унификацию образовательного процесса по образовательным программам дополнительного профессионального образования.

Профессор С. А. Воронцов был востребованным экспертом, харизматичным оратором и пользовался большой популярностью в научном сообществе.

Редакция научного журнала «Социум и власть» и коллектив Челябинского филиала РАНХиГС выражает искренние соболезнования родным и близким Сергея Алексеевича.

Главный редактор журнала
«Социум и власть»,
доктор политических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы
С. Зырянов

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
  - а) аннотация;
  - б) ключевые понятия (не более пяти);
  - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
  - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
  - a. annotation.
  - b. key concepts (up to 5).
  - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
  - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

